

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

FR 1487.28.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

2711

2370
VII. 58. ~~6242~~
ЗАМКАМ

1814 и 1815

Г О Д О В Ъ .

А. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕНСКАГО,

**БЫВШАГО Флигель-Адъютанта Государа Императора
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.**

Qu'il fut grand, lorsqu'il leva l'étendard de la liberté européenne aux mêmes lieux où l'Europe alloit consommer notre ruine.

Au milieu de sa cour ou à la tête de ses armées, haranguant aux portes de Paris les députés de la ville, ou seul dans son jardin de Tzarskoé-Sélo, c'étoit le maître du monde.

O U W A R O F F .

ТРЕТІЕ ИЗДАНИЕ.

1836.

~~117~~ 117

Fr 1487.28.10

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по ошпечананіи представлены
были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра.
С. Пешербургъ, 17 Апрѣля 1836.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

ЕГО СЯТЕТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ КАРЛУ ФЕДОРОВИЧУ

ТОЛЮ,

Господину Генералу отъ Инфантерці, Генераль-Адъютанту, Члену Государственнаго Совѣта, Главноуправляющему Путями Сообщенія и публичными зданіями, и всѣхъ Россійскихъ и разныхъ иностранныхъ орденовъ Кавалеру.

92

Милостивый Государь

Графъ Карлъ Федоровичъ!

Благодарное расположеніе Вашего Сіятельства ко мнѣ, постоянно со времени отечественной войны продолжающееся, и ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнявшееся, исполнило меня искреннею къ вамъ благодарностію. Не стану исчислять доказательствъ вашего вниманія ко мнѣ на войнѣ и въ мирѣ, подѣ Москвою и въ Парижѣ, въ Адрианополь и подѣ Прагою. Нынѣ, Ваше Сіятельство являете мнѣ новый опытъ вашего благорасположенія, позволивъ украсить Записки мои вашими и менею, уже давно Исторіи принадлежащими. Эти Записки не заключаютъ въ себѣ полнога повѣствованія о происшествіяхъ 1814 и 1815 годовъ, въ которыхъ вы принимали столь дѣлательное, столь

*блистательное угастіе. Въ нихъ помѣ-
щены единственно тѣ слугамъ, которыхъ
я былъ личнымъ свидѣтелемъ, или кото-
рые, по какой нибудь причинѣ, особенно
запечатлѣлись въ моей памяти. Удосто-
йте принять приношеніе, какъ изъявленіе
чувствъ душевной признательности и глу-
бокаго уваженія отъ того, кого вы первый
руководили на военномъ поприщѣ, и нѣког-
да называли вашимъ ученикомъ.*

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

А. М. Данилевскій.

1814

Г О Д Ъ.

ГЛАВА I.

ПРИКАЗЫ АЛЕКСАНДРА И НАПОЛЕОНА. — НАЧАЛО ПОХОДА. — ПРЕДПИСАНІЕ ПРЕФЕКТАМЪ. — ПОДРОБНОСТИ О ГОСУДАРѢ. — СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ БРИЕННѢ. — БРИЕНСКІЙ ЗАМОКЪ. — РАЗЛИЧНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ АРМІЙ. — ДВЯЖЕНІЕ НАПОЛЕОНА НА СЕМЪ-ДНЬЕ. — ПИСЬМО ЕГО КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРИИ-ЛУИЗѢ. — ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ. — РѢШЕНІЕ ИДТИ НА ПАРИЖЪ.

При началѣ каждаго похода, главные предводители обращающагося обыкновенно къ войскамъ своимъ въ приказахъ, излагая въ нихъ нѣсколькими очерками правила, на коихъ предпринимаемый походъ долженъ быть основанъ. Такіе приказы сунъ историческіе памяшники, носящіе на себѣ оппечатокъ образа мыслей верховныхъ вождей; а пошому, кажешся, неизлишнимъ помѣшисъ здѣсь, для сравненія, приказъ Наполеона, кошорымъ онъ возвѣщаль своей арміи о войнѣ съ Россією, и приказъ Александра, опданный за нѣсколько дней до всшупленія нашего во Францію.

» Солдашы, « говоришь Наполеонъ, » Рос-
 » сія увлекаешя рокомъ! Ея судьба должна
 » исполниться! Не ужели почиашь она
 » насъ переродившимися? Развѣ мы не
 » шѣ же воины, кошорые сражались подъ
 » Аусперлицомъ? Перейдемъ Нѣманъ, вне-
 » сьмь войну въ предѣлы Россіи: эша война
 » прославишь оружіе Французское, и миръ,
 » кошорый мы заключимъ, будешь проченъ
 » и положишь конецъ пагубному вліянію
 » Россіи на дѣла Европы. «

Послушаемъ шенерь слова Александра:

» Воины! мужештво и храбрешь ваша
 » привели васъ ошъ Оки на Рейнъ. Они
 » ведущъ насъ далѣе: мы переходимъ за
 » оный, вешупаемъ въ предѣлы шой земли,
 » съ кошорою ведемъ кровопролишную,
 » жешпокую войну. Мы уже спасли, про-
 » славили ошечештво свое, возврашили
 » Европѣ свободу ея и независимешь.
 » Ошашешя увѣнчашь великій подвигъ сей
 » желаемымъ миромъ. Да водворишя на
 » всемъ шарѣ земномъ спокойешвіе и ни-
 » шина! да будешь каждое Царештво подъ
 » единою собешвеннаго правешельсшва сво-

» его власнію и законами благополучно!
» Да процвѣпающъ въ каждой землѣ, ко
» всеобщему благоденствію народовъ, вѣра,
» языкъ, науки, художества и торговля!
» Сіе естъ намѣреніе Наше, а не продол-
» женіе брани и разоренія. Непріатели,
» вешуца въ средину Царства нашего, на-
» несли намъ много зла, но и прешерпѣли
» за оное спрашную казнь. Гнѣвъ Божій
» поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: че-
» ловѣколюбивому Богу не можешъ бышь
» угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забу-
» демъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не
» мещъ и злобу, но дружелюбіе и про-
» сѣршую для примиренія руку. «

Перваго Января назначено было союз-
нымъ арміямъ въ разныхъ мѣсцахъ пере-
ходишь Рейнъ. Главная армія, при кошо-
рой находился Государь, переправилась у
Базеля, и войска произнесли громогласное
ура! на мосту, ведущему чрезъ рѣку. По-
ходъ во Францію былъ необходимъ для
досиженія прочнаго мира: къ шому же
Государь полагалъ, что честь Россіи не-
премѣнно пребывала водрузишь знамена

свои въ Парижѣ. Мы шли на Везуль, Лангръ, Шомонъ и Баръ-на-Оби, не встрѣчая почти нигдѣ сопротивленія, и въ три недѣли заняли нѣсколько обласшей. Непрiяшельскія войска повсюду ошесунали, и жишели, кошорыхъ Префекшы пышными воззванiями возбуждали къ оборонѣ, ошворяли безпрекословно городскiя вороша. Въ бумагахъ Префекшовъ разныхъ Департаменшовъ найдено было нами слѣдующее повелѣнiе Министра внушренныхъ дѣлъ Моншаливе, ошъ 23го Декабра 1813 года, о шомъ, какимъ образомъ надлежало имъ посшупашъ во время нашесшвiя нашего.

» Предписываешся при появленiи непрiя-

» шелей ошсавляшъ имъ одну землю безъ

» жишелей, подобно шому, какъ дѣлалось

» во многихъ Государсшвахъ; но если не-

» возможно будешъ вывесши всехъ обы-

» шашелей, шо не упуешшше никакого сред-

» сшва и внушенiя, чшобы по крайней

» мѣрѣ семейсшва, коимъ досшашокъ поз-

» воляешъ прожшш нѣкошорое время въ

» ошдаленiи, ошсавили дома свои, когда

» непрiяшели приблизшся; ибо шѣ изъ

» вѣрноподданныхъ, кошорые согласяшея
» жишь подѣ ихъ, хошя временнымъ, вла-
» дычешивомъ, измѣняшъ своей присягѣ.
» Чиновникамъ всѣхъ вообще вѣдомствъ
» прикажите увозить съ собою дѣла. На-
» добно всячески скрывать ошъ непріятель-
» лей бумаги, на кошорыхъ они моглибъ
» основать управленіе краемъ, а особенно
» взиманіе продовольствія. Чшо касаетея
» лично до васъ, шо вамъ запрещаешя
» уѣзжать изъ вашего Депаршамента до
» шѣхъ поръ, пока будешъ находишья въ
» немъ хошя одна деревня, не занятая не-
» пріятелемъ. Вы должны выѣхать послѣд-
» ній изъ вѣреннаго вамъ Императоромъ
» Депаршамента, и если бы все проспран-
» ство его было завоевано, за исключені-
» емъ какой-либо крѣпости, шо Его Вели-
» честву угодно, чшобъ вы заперлись въ
» эшу крѣпость, и при первой возможно-
» сти изъ нея вышли, для шого, чшобы
» по прежнему вступили въ управленіе
» Депаршаментомъ. « *) Прокламаціи, изда-
» ваемыя Префекшами на основаніи эшого

*) № 1-я Приложеній.

повелѣнія, осмѣивались безо всякаго успѣха; ибо чрезмѣрные налоги и безпресшанные рекрутскіеборы содѣлывали тогда правленіе Наполеоново неспершимымъ для Французовъ.

Дожди, снѣгъ, ошпенели и морозы, зашрудняя переходы, не осмѣивали однако же нашихъ войскъ. Хошя нѣкопорые изъ союзниковъ и желали, чшобъ мы шли медленнѣе; но Государь, съ обыкновенною своею дѣяшельносною, подвигалъ ихъ безпресшанно впередъ, часшо прошивъ ихъ воли. Онъ и въ эшомъ походѣ былъ шоль же веселъ, какъ и въ предъидущемъ. Я рѣдко въ Немъ замѣчалъ послѣ, въ пушешешствіяхъ и во дворцахъ, шоль пріащное расположеніе духа, какое Онъ показывалъ на войнѣ. Приучивъ Себя съ молодыхъ лѣтъ переносишь непосредно яншво сшихій, Онъ большею частію вѣчалъ верхомъ и, по обыкновенію Своему, былъ одѣтъ лучше всѣхъ; казалось, чшо Онъ находился не на войнѣ, но на какомъ нибудь праздникѣ. Болѣе, чѣмъ непогоды, обуревало насъ разногласіе на счещъ во-

енныхъ дѣйствій, возникавшее по временамъ между союзными арміями. Единственно присуществіе Александра, Кошорый, бывъ главою союза, всѣмъ старался угождать, нерѣдко съ самоопроверженіемъ всякой личности, и чрезъ то склонялъ всѣхъ на Свое мнѣніе, — содѣлало не только возможными успѣхи разнонароднаго ополченія, но избавило ошъ гибели арміи, кошорыя безъ Него конечно пали бы жертвою несогласій. Сколько разъ случалось, когда ночью привозили важныя донесенія, что Онъ, пренебрегая сномъ, вснавалъ и, предшесшвуемый къмъ нибудь съ фанаремъ, ходилъ въ ненасшную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ Союзнымъ Монархамъ, или даже къ Князю Шварценбергу, будилъ ихъ и, садясь на ихъ кровати, читалъ имъ донесенія, и условливался съ ними о мѣрахъ, кошорыя предпринимать надлежало. Слѣдующій анекдотъ покажетъ, съ какими затрудненіями Его положеніе было сопряжено. Поушру 9го Марша, часа за два до нападенія на непріяшеля подъ Арсисомъ,

когда армія шояла уже въ боевомъ порядкѣ, Государь, окруженный обыкновенною Своею свисою, ходилъ по полю взадъ и впередъ съ Фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли, и, говора о нѣкошорыхъ союзникахъ, сказалъ громко: »Эши господа » сдѣлали Миѣ много сѣдыхъ волосъ.« Сіи слова шѣмъ болѣе примѣчательны, что Императоръ не часто обнаруживалъ шо, что происходило въ душѣ Его.

Наши кварширы во Франціи были самыя невыгодныя. Дома Французовъ спрошя не для зимы, а для лѣта, и пошому холодъ въ горницахъ былъ для насъ, привыкшихъ къ шенлу, весьма чувствившелень, особенно же когда приходилось жишъ въ крешьянскихъ избахъ. Вообразише огромный покой и во всю его стѣну каминъ, въ кошоромъ разложенъ огонь, поддерживаемый шремя или чешырьма сырыми полѣнами, дающими нѣкошорое пламя, но вовсе не согрѣвающими воздуха. Городскіе дома были содержимы въ ошврашишельной неопряшности. Жиселей мы нашли на несравненно низшей шепенѣ

образованности, нежели Нѣмцевъ; а по-
тому удивленіе многихъ нашихъ офице-
ровъ, надѣявшихся, по внушеніямъ своихъ
иностранныхъ наставниковъ, найти во
Франціи обѣшанную землю, было неопи-
санно, при видѣ повсемѣстныхъ въ дерев-
няхъ и городахъ бѣдности, повѣжесства
и унынія. Французы ходили съ пошуп-
леннымъ, мрачнымъ взоромъ. При нашемъ
нашествіи они не знали, радоваться ли
имъ или печалились; несемъ ли мы съ
собою окончаніе ихъ бѣдствій, или еще
болѣе увеличимъ и продлимъ ихъ? Однако
Французы видѣли въ этомъ нашесствіи
временное, хотя и неизбѣжное, зло: по-
тому что при всей строгой подчиненно-
сти, соблюдаемой войсками, и сослав-
лявшей собою предметъ неусыпной бди-
тельности Государя; при всемъ томъ,
что всякой насильственный поступокъ
наказывался смертію, не возможно было
предупредить разнаго рода ошачточеній для
обывателей.

По прибытіи въ Баръ-на-Оби, 19го Ян-
варя, узнали, что Фельдмаршалъ Блюхеръ,

переправясь съ Силезскою арміею черезъ Рейнъ въ Мангеймъ, приблизился къ рѣкѣ Обу и имѣлъ за нѣсколько дней жаркое дѣло при Бриенѣ. Государь рѣшился, соединя Главную армію съ Силезскою, напасшь на другой день на непріятеля.

Эшо было первое генеральное сраженіе во Франціи, а пошому успѣхъ или неудача должны были имѣшь сильное нравственное впечатлѣніе на воевавшія арміи; ибо хотя мы проникнули уже далеко во Францію, но шакъ какъ непріятель до шѣхъ поръ избѣгалъ сраженія, шо и ожидали съ неописаннымъ нешерпѣніемъ случая удостовѣрисься, каково будетъ сопронивленіе его въ нѣдрахъ собешвеннаго его опечешва. Все ушро 20го числа прошло въ пригощовленіяхъ къ бою. Государь объѣзжалъ войска, кошорыя вышпроивались слѣдующимъ образомъ: на лѣво шюшли Австрійцы, подлѣ нихъ Русскіе, пошомъ Виршембергцы, а всѣхъ правѣе Баварцы, назначенные обходить лѣвое непріятельское крыло. Наши гренадеры и кирасиры

расположены были въ резервъ по дорогѣ къ Баръ-на-Оби, а гвардія позади ихъ. Главное начальство возложено было на Фельдмаршала Блюхера; а пошому, чшобы не препящсшвовашъ ему въ распоряженіяхъ его, Государь съ Королемъ Прусскимъ, взѣхавъ на высошы, лежащія близъ Транна, ошкуда можно было обозрѣвашъ всѣ движенія армій, съ эшого возвышенія не спускались до вечера. Около полудня приказано начашъ нападеніе. Союзныя войска, сражавшіяся въ виду своихъ Монарховъ, соревновали въ храбросши одни предъ другими. Для Русскихъ предсшоялъ самый шрудный подвигъ. Находясь въ центръ, имъ надлежало овладѣшь селеніемъ Ла-Рошьеръ, кошорое сосшавляло ключъ непріательской позиціи. Часу въ девяшомъ вечера, когда уже было совершенно шемно, Французы съ ошшервененіемъ ворвадись въ Ла-Рошьеръ, но, опрокинушы, они зажгли селеніе, и пламень пожара ярко озариль мрачную Январьскую ночь. Такъ прекрашлось сраженіе, кошораго часшъ принадлежишь наиболѣе началь-

спововавшему Русскими войсками Генералу Сакену. Онъ, въ заключеніе донесенія объ эшомъ дѣлѣ, говоришь: »Въ сей дошо-» памятный и великолѣпный день Напо-» леонъ пересшалъ бышь опаснымъ врагомъ» для человѣческаго рода, и Александръ» можешъ сказашь: Я даю вселенной миръ.«

Побѣда была совершенная. Непрiяшель пошерялъ болѣе семидесяти орудій и 3^{хъ} тысячъ плѣнныхъ. Она могла бы имѣшь послѣдешвіемъ взашіе Парижа, если бы, по одержаніи ея, Главная и Силезская арміи пошли совокупными силами прямо на эшу столицу, вмѣшо того, что онъ, надѣясь на великое превосоходешво свое въ числѣ, по сравненію съ непріацелемъ, раздѣлились послѣ сраженія, и двинулись къ Парижу двумя различными пушями: Фельдмаршалъ Блюхеръ чрезъ Шалонъ, а Главная армія чрезъ Труа. Малочисленность непріащеля явно обнаружилась при Бриенъ; Франція ошавила вознесшаго ее на верхъ славы Наполеона въ шакое время, когда счасшіе пересшало ему улыбашься. Онъ обрашлся къ народу, приказываль

кресшьянамъ , при появленіи союзниковъ , предсавляемыхъ имъ въ видѣ грабишелей , бишь въ набашъ , ломашъ мосшы и шребоваль всеобщаго возшанія ; но никшо не опвѣчалъ на его голось , исчезавшій какъ бы въ пустынь .

На другой день послѣ сраженія , въ девашъ часовъ ушра , Государь , Король Прусскій и Главнoкомандовавшіе пріѣхали въ Бриенскій замокъ , чшобы начершашъ планъ дальнѣйшихъ дѣйшвій . Замокъ и его окрешносши , увѣковѣченные пребываніемъ въ нихъ Нанолена въ дѣшсшвѣ , предсавляли каршину совершеннаго разрушенія . Въ замокъ находилась прекрасная библиошека и кабинетъ Ешесшвенной Ишоріи ; на пошолкѣ кошораго висѣлъ крокодилъ . Кому-шо пришла мысль перерубишь веревки , кошорыми онъ былъ прикрѣпленъ , и паденіе огромнаго Африканскаго звѣря на шкафы , гдѣ за шеклами хранились раковины и ископаемыя , произвело ужасный шресекъ . Хохошъ , сопровождавшій паденіе , кошорое сокрушило драгоцѣнное собраніе рѣдкоешей , подобенъ былъ хохошу .

Каннибаловъ; но явленія такого рода неразлучны съ войною. Въ пѣкошорыхъ комнатахъ видны были еще свѣжіе слѣды обывашелей замка; на одномъ столѣ лежали женскія рукодѣля. Тупъ я встрѣшилъ Фельдмаршала Блюхера: онъ съ шрудомъ держался на ногахъ.

Едва Главная армія прибыла въ Труа, а Силезская къ берегамъ Марны, какъ гѣній Наполеона, казавшійся съ самаго начала похода усыпленнымъ, пробудился. Съ горсшью войскъ онъ быспро появлялся повсюду, гдѣ могъ одержать поверхность, и оспанавливалъ движенія многочисленныхъ союзныхъ армій, нападая на слабѣйшія часни ихъ. Сперва онъ обратился на Блюхера, нанесъ ему чувсшвишельные удары при Шампоберѣ, Монмиралѣ, Шашотьерри и Вошанѣ, и ошбросилъ его къ Шалону. Эшо было досшойное возмездіе за безнечность, съ кошорою Прусскій полководецъ расшянулъ на великое просшрансшво силы евои и не прикрывалъ ихъ ошдѣльными лешучими ошрядами. Послѣ сихъ побѣдъ, въ кошорыхъ сшасшіе въ послѣдній

разъ улыбнулось прежнему любимцу своему, Наполеонъ спустился на Главную армию и, принудивъ ее опешупишь къ Лангру, самъ посѣвшиль напасшь опяшь на Блюхера, угрожавшаго вновь Парижу; но Главная армія двинулась велѣдь за нимъ, и мы вторично доспигнули береговъ Сены, гдѣ и расположились на нѣсколько дней, въ ожиданіи извѣсній опъ Блюхера. Такимъ образомъ прошелъ Февраль мѣсяць, обильный превращеніями счасья. Совѣщанія Шанильонскаго конгресса, онкрышаго 23го Января, поже не имѣли успѣха, пошому чшо успунки, на которыя соглашалось Французское правительство, не соошвѣшешвовали шребованія Союзныхъ Державъ; но еще болѣе по шой причинѣ, чшо съ обѣихъ воевавшихъ шпоронъ не было искренняго расположенія миришься, даже и на шѣхъ условіяхъ, какія были предлагаемы уполномоченными ихъ.

Болѣе недѣли не имѣли мы никакихъ свѣдѣній о Фельдмаршалѣ Блюхерѣ. Наконецъ 2го Марша, по полученіи опъ него

донесенія о побѣдѣ, одержанной имъ надъ Лаономъ, Главная армія предприняла наступательныя дѣйствія и явилась предъ Арсисомъ. Здѣсь въ послѣдній разъ Наполеонъ и Александръ встрѣпились на полѣ сраженія, и первый, испощивъ всѣ усилія, долженъ былъ отступить. Онъ убѣдился въ невозможности долѣе прошивустиоаясь силамъ Александра, и рѣшился, какъ на послѣднее средство спасти себя отъ гибели, произвешти одно изъ самыхъ отважныхъ движеній, которое однако же не только не было сопровождено желаннымъ успѣхомъ, но положило предѣлъ поприщу его, исполненному чудесныхъ происшествій. Оно привело насъ въ Парижъ, а потому заслуживаетъ подробнаго изложенія, шѣмъ болѣе, что оно ни въ одномъ изъ вышедшихъ до сего времени сочиненій не предешавлено въ настоящемъ видѣ, и мнѣ сообщено отъ одного изъ Генераловъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи, бывшемъ въ Сомпью.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ во время сраженія при Арсисъ-на-Оби, и по доне-

сеніямъ легкихъ ошрадовъ, обнаружилось, что Наполеонъ, ошесуная, взялъ направленіе къ Вишри. Ошрадивъ Маршала Нея для завладѣнія эшимъ городомъ, кошорый былъ занятъ союзными войсками, онъ переправился чрезъ Марну и пошянулся къ Сенъ - Дизье, чшобы дѣйствовашь въ шылу союзниковъ, и шѣмъ засшавишь ихъ ошесунишь къ Шомону и далѣе. Основываясь на сихъ извѣстіяхъ, Князь Шварценбергъ принялъ намѣреніе слѣдовашь со всею арміею за Наполеономъ, соединяся предварительно съ находившимся въ Шалонѣ Блюхеромъ, кошорому для эшого и велѣно было немедленно ишши по направлению къ Вишри. Главная армія вышупила въ девяшь часовъ вечера къ деревнѣ Сомпью. Въ часъ по полуночи мы имѣли въ селеніи Дампьеръ приваль, во время кошораго привезли перехваченную непріятельскую почту. При распечатаніи ея были: Князь Шварценбергъ, Князь Волконской и Сшашь - Секретарь Графъ Нессельроде. Между бумагами находилось собшвенноручное письмо Наполеона къ

Императрица Марія - Луиза, слѣдующаго
 содержанія: » Мой другъ, въ послѣдніе
 » дни я не сходилъ съ лошади. 20го числа
 » я взялъ Арсисъ-на-Оби. Того же вечера
 » непріятели напали на меня при эшомъ
 » городѣ; я ихъ разбилъ, и они потеряли
 » чешыре тысячи человекъ убитыми. На
 » слѣдующій день непріятели пошянулись
 » къ Бриену и къ Бару-на-Оби, а я рѣ-
 » шился, чшобы удалишь ихъ оуъ Парижа,
 » ишши къ Маріѣ и приблизилъ къ крѣ-
 » носшямъ. Сего дня вечеромъ я буду въ
 » Сенъ - Дизье. Прощай, мой другъ, по-
 » цѣлуй сына.« *)

Изъ эшого письма, въ кошоромъ дѣла,
 бывшія при Арсисѣ, предшавлены въ со-
 вершенно превращномъ видѣ, ясно было
 можно усмотрѣшь дальнѣйшія намѣренія
 Наполеона, и желаніе, пришянувъ къ себѣ
 гарнизоны различныхъ крѣпостей, пере-
 неши шеапръ войны ближе къ границамъ
 Франціи.

По прочшеніи письма, Князь Волкон-
 ской предложилъ, чшобы, соединясь съ

*) № 2-й Приложеній.

Блюхеромъ, отрядишь только сильный корпусъ за Наполеономъ, а всѣмъ войскамъ идти прямою дорогою на Парижъ, куда прибудемъ въ пять маршей, и завладѣемъ имъ прежде, нежели узнаешь о немъ Наполеонъ. Князь Шварценбергъ нашелъ эту мысль слишкомъ смѣлою, и спросилъ о нашемъ коммуникаціонномъ пути. Князь Волконской отвѣчалъ, что, имѣя при себѣ запасные парки, поншоны и продовольствіе на десять дней, не нужно беспокоиться о сообщеніяхъ, потому что, въ случаѣ неудачи, можно ихъ учредить на Фландрію. Фельдмаршалъ возразилъ, что онъ не осмѣлился на подобное предпріятіе, безъ соизволенія Государя и Короля Пруссаго.

Въ два часа ночи, 12го Марша, мы выступили изъ Дамьера къ Сомью, гдѣ на разсвѣтѣ сдѣлали вторичный привалъ. Князь Шварценбергъ понесъ къ Государю перехваченныя письма, и, выходя, сказалъ, что Его Величество осмѣается при прежнемъ мнѣніи, но есть, чтобы, соединясь съ Блюхеромъ у Випри, идти со

всѣми силами за невріяшедемъ и атаковать его шамъ, гдѣ насшигнемъ. Сказавъ, онъ сѣлъ верхомъ и уѣхалъ, а Государь велѣлъ позвать къ себѣ Генераловъ: Графа Барклая-де-Толли, Князя Волконскаго и Генераловъ Дибича и Толя, и, объявивъ имъ о содержаніи писема Наполеона къ Маріи-Луизѣ, спросилъ: »Какое ваше мнѣніе, господа?« — Графъ Барклай-де-Толли совѣщовалъ идти за Наполеономъ. Генералъ Дибичъ предложилъ, чшобы, во время предпринимаемаго движенія, приказашъ Прусскому Генералу Бюлову, споявшему близъ Сенканшена, одѣлать покушеніе на Парижъ. На это Князь Волконской возразилъ слѣдующее: »Извѣстно, что въ Парижѣ сорокъ тысячъ національной гвардіи и оспашки онъ разныхъ полковъ, и что, сверхъ того, недалеко онъ споліцы два корпуса Маршаловъ Моршье и Мармона. Всѣ сіи войска вмѣстѣ соснавляютъ девяносто тысячъ чловѣкъ; слѣдовашельно нельзя надѣяшся, чшобы Бюловъ съ шридцашью тысячами могъ предприняшъ что-либо важное,

» и онъ подвергается даже опасности;
» имѣя дѣло съ превосходнымъ въ числѣ
» непріятелемъ. Къ тому же, идучи за На-
»полеономъ, мы должны сосланишь силь-
» ный арріергардъ для опраженія корпу-
» совъ эпихъ Маршаловъ; почему предла-
» гаю соединишься съ Силезскою арміею
» и опрядишь за Наполеономъ значитель-
» ный корпусъ конницы и нѣскольکو пол-
» ковъ пѣхоты, приказавъ для большаго
» удосновѣренія, что будно мы за ними
» идемъ съ арміею, загонювляшь вездѣ квар-
» тирны для Государя; самимъ же намъ на-
» правишься прямо на Парижъ чрезъ Феръ-
» Шампенуазъ, а Блюхеру чрезъ Эпожъ,
» имѣя между собою безпрерывное сообще-
» ніе. Слѣдуя такимъ образомъ, мы должны
» атаковать Маршаловъ Моршье и Мармона,
» гдѣ бы они съ нами ни повспрѣчались.
» Мы ихъ разобьемъ, потому что вездѣ
» будемъ въ превосходныхъ противъ нихъ
» силахъ; а съ Наполеономъ шанемъ рас-
» ходишься каждый день на два марша.»

Мнѣніе это было одобрено, и Государь поѣхалъ пошчасъ за Княземъ Шварцен-

бергомъ, котораго достигъ уже на высотахъ близъ Вишри; съ нимъ находился Король Прусскій. Государь, пригласивъ ихъ сойти съ лошадей, объявилъ имъ о предложеніи Князя Волконскаго, на которое они согласились. Тутъ же на полѣ предписали Блюхеру идти на Эшошъ; войскамъ приказали остановиться шамъ, гдѣ повелѣніе ихъ достигнешъ, а Генерала Винценгоде отрядили съ 10^ю тысячами конницы, полкомъ егерей и двумя легкими отрядами къ Сень-Дизье. Чшобы непріятелей ввести болѣе въ обманъ, Государь расположился для ночлега въ Вишри. Предположеніе о маршѣ на Парижъ надлежало нѣсколько времени хранить въ тайнѣ. Я никогда не забуду, какъ Генераль Толь, по окончаніи совѣща, бывшаго въ Сомпю, сказалъ мнѣ на ухо: » Мы идемъ на Парижъ, » но Бога ради не говори этого никому. « Эшошъ же самый Генераль первый извѣстилъ меня въ деревни Филахъ о намѣреніи опсунуть опъ Москвы!

ГЛАВА П.

МАРШЪ ОТЪ ВИТРИ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ ФЕРЪ-ШАМПЕНУАЗЪ. —
ПОДВИГЪ ГОСУДАРЯ. — БАДЫА ПОВЯЗКИ. — ПРИВЛІЖЕНІЕ КЪ ПА-
РИЖУ. — НОЧЬ НАКАМУЪ МОММАРТСКАГО СРАЖЕНІЯ. — ДИСПОЗИ-
ЦІЯ КЪ ВОЮ. — ПЕРГОВОРОЦКЪ. — СРАЖЕНІЕ. — ПОСЛАНЫЕ
ПАРИЖА.

Слѣдованіе арміи отъ Витри къ Парижу было испинно шоржешвенное. Погада во все время благопріятствовала, и мы обыкновенно высшупали при первыхъ лучахъ солнца. Государь, въ сопровожденіи Прусскаго Короля, сыновей его, Графа Плашова, Фельдмаршала Шварценберга, Англійскаго Посла Кашкарша, нѣсколько разъ въ день объѣзжалъ гвардейскій и гренадерскій корпуса, и привѣшествовалъ Генераловъ и полковыхъ начальниковъ, кошорые всѣ почти были Его воспитанники, ибо образовались въ гвардіи предъ Его глазами. Громкія и сердечныя воскли-

панія: ура! барабанный бой и музыка возвѣщали прибытіе Его Величества къ каждому полку. » Ребяша, « говорилъ Государь солдатамъ: » уже до Парижа недалеко! « Иногда Онъ взвѣждалъ на возвышенія, копорыя лежали близъ дороги, и любовался густыми колоннами, расшанушыми на неизмѣримомъ пространствѣ, и поспѣшавшими къ довершенію великаго подвига. Вдали были слышны по временамъ выстрѣлы, извѣщавшіе о бѣгствѣ удалявшагося непріятеля и о быспромѣ его преслѣдованіи. Австрійцы, Прусаки, Баварцы, Виртембергцы и Баденцы, идя по спонамъ Русскихъ, вѣрили съ шрудомъ, что успѣхъ увѣнчаешъ смѣлое предиріаніе: успрашенныя многотысячными пораженіями, они думали, среди самыхъ побѣдъ, что непріятель разсхавляешъ имъ сѣши.

По высшупленіи изъ Вишри, назначили главной кварширѣ прибыть въ мѣсечко Феръ-Шампенуазъ. Переходъ былъ великъ, и цѣлый день продолжалась пушечная пальба, происходившая онъ нападенія на корпуса Маршаловъ Мармона и Моршье. Сра-

женіе ушло, когда мы пріѣхали въ Феръ-Шампенуазъ, и, какъ положено было здѣсь ночевать, то многіе сошли съ лошадей и пошли въ назначенные для нихъ дома. Государь поѣхалъ далѣе, и въ скоромъ времени оказались съ правой стороны войска. Мы увидѣли въ самомъ близкомъ разстояніи нѣсколько на насъ шедшихъ кареевъ. Ихъ появленіе было вовсе неожиданно, пошому что въ направленіи, по которому они шли, ни союзнымъ войскамъ, ни Французамъ идти не надлежало. Недоумѣніе продолжалось не долго, пока не убѣдились, что это точно непріатели, по высшрѣламъ, сдѣланнымъ ими по офицеру, кошораго послали для удостовѣренія въ настоящемъ положеніи дѣла. Близъ Государя не было никакихъ войскъ, кромѣ лейбъ-казачьяго полка, находившагося въ конвоѣ; за вершю сноря конная артиллерія. Государь пошчасъ послалъ за пѣхотою и конницею, и въ то же время приказалъ орудія подвезши на каршечный высшрѣлъ, а казакамъ идти въ ашаку. Донцы понеслись съ обычною храбростію; велѣдъ

за ними ѣхалъ Александръ, и первый карей, не взирая на сильный ружейный огонь, былъ смятъ.

Я приспально смошрѣлъ на Государя во время дѣйствія, или, лучше сказать, не спускалъ съ Него глазъ, видя Его въ великой опасности. Не скажу, чтобы Онъ былъ совсѣмъ покоенъ: примѣтно было, что душа Его нѣсколько волновалась, но Онъ не измѣнялъ хладнокровію, и съ присущемъ духа распоряжался малымъ числомъ войскъ, подъ рукою находившихся. Я видѣлъ, какъ смерть носилась вокругъ Царя нашего, и какъ Онъ споелъ побѣдишелемъ посреди непріятельскаго карея, кошораго офицеры и солданы бросали оружіе свое. Государь началъ говорить съ командовавшимъ непріятельскимъ Генераломъ Пакшо, кошорый въ ошвѣщахъ своихъ называлъ Его Величество Генераломъ.

» Вы говорите съ Императоромъ «, сказала я плѣнному военачальнику. — » Это невозможно «, ошвѣчалъ онъ: » вашъ Государь » вѣрно не пойдетъ лично въ ашаку на цѣ- » хошу съ одною конницею. « Императоръ,

услыша нашъ разговоръ, приказалъ мнѣ не выводишь Французскаго Генерала изъ заблужденія. Въ это время съ разныхъ споронъ подошли войска, и оснальные Французы, еще не сдававшіеся, были разстроены; причеъ взяшо въ плѣнь нѣсколько тысячъ человекъ. Это были двѣ дивизіи, шедшія изъ Парижа, подъ командою Генераловъ Макно и Аме, на подкрѣпленіе Наполеону, котораго они полагали близъ Визри.

Во время сраженія при Феръ-Шампенуазѣ, нѣкошорые изъ офицеровъ союзныхъ войскъ были убиты своими, отъ того, что не имѣли бѣлой повязки на лѣвой рукѣ. Сынъ Баварскаго Короля, Принцъ Карлъ, едва спасъ жизнь свою; казакки хошли изрубить его, но онъ успѣлъ поднать вверхъ бѣлый плашокъ, и этою предосторожностію оснаноилъ смертельный ударъ. Съ Лейпцигскаго сраженія начали происходить недоразумѣнія между солдатами, кошорые, по соединеніи всѣхъ почти Европейскихъ войскъ подъ однимъ знамена, не узнавая другъ друга, иногда

спрѣяли въ своихъ союзниковъ. Полки державъ Рейнскаго Союза, образованные Французами, имѣли мундиры, похожіе совершенно на Французскіе; посему, надобно было придумашь какой-либо знакъ опличія для войскъ, сражавшихся совокупно, въ избѣжаніе вредныхъ послѣдствій, которыя безъ этого могли бы впредь возникнуть. По прибытіи въ Труа, Государь велѣлъ, чинобы Русскіе надѣли бѣлый плашокъ на лѣвую руку; ихъ примѣру послѣдовали нѣкоторыя изъ союзниковъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ занятія Парижа, приказано было болѣе не носить повязокъ.

Уже мы прошли Сезанъ, Ферме-Гоше и Мо. Отъ этого города, разсѣянiемъ веревъ пятьдесятъ до Парижа, по обѣимъ сторонамъ дороги богатыя селенія, прекрасныя сады и великолѣпныя замки, украшенныя съ ошмѣннымъ вкусомъ и заключавшіе въ себѣ библіотеки и каршинныя галлерей; но помѣщиковъ въ нихъ не было. По мѣрѣ приближенія нашего къ Парижу, наблюденіе за порядкомъ и

подчиненностию въ войскахъ спановилосѣ спрже. 17го Марта по полудни авангардъ нашъ достигъ непріятеля; началось сраженіе, и Государь повхалъ къ войскамъ по горамъ и между кустарниками. Солнце садилось, прохладный вѣсѣрь освѣжалъ воздухъ послѣ дневнаго зноя, на небѣ не было ни одного облака. Вдругъ, сквозь дымъ сраженія, мелькнули башни. »Парижъ! Парижъ!« было общимъ восклицаніемъ, и всѣ на него указывали. Воспоргъ овладѣлъ нами. Забышы прудности похода, усшалосѣ, болѣзни, раны; забышы падшіе друзья и бранья, и мы спояли, какъ вновь оживленные, на высохахъ, онкуда обозрѣвали Парижъ и его окреспности. Но пушь къ нему прегражденъ еще былъ непріятелями. Ихъ арріергардъ соспавляли Поляки. Сокрушены уже были въ Россіи шѣ спранные легіоны, кошорые завоевали Голландію, Швейцарію, Германію, Италію и Египешъ; спасеніе Франціи вручено было иноспранцамъ. Поляки почишались шогда лучшими изъ непріятельскихъ войскъ.

Странная участь Славянского племени! Съ одной стороны соединенныя силы Европы, подъ предводительствомъ Славянскаго Царя, прислунали къ шой столицѣ, съ завладѣніемъ кошорой водворялось всеобщее спокойствіе; а съ другой, защита этой самой столицы возложена была на сыновъ Славянскаго же поколѣнія.

Сумракъ вечерній положилъ конецъ сраженію; передовыя войска заняли Паншенъ и Роменвиль, а Государь поѣхалъ ночевать въ близъ лежащій замокъ Бонди. Съ балкона замка видны были огни, разложенные предъ биваками союзныхъ армій и на высяхъ, занятыхъ непріятелемъ. Вокругъ все небо рдѣло ошъ зарева, предвѣщавшаго, казалось, рѣшительный для участи вселенной день. Положено было, рано поутру атаковать непріятеля, если ошъ вознамѣрился сепрошивляться, потому что всякое промедленіе съ нашей стороны могло дать ему средешво прияннуть къ себѣ разсѣянныя около Парижа войска, укрѣпиться, хошя на скорую руку, деревни и возвышенія, воорушиться

національную гвардію, а Наполеону съ арміей приблизившись къ угрожаемой споллицѣ. Одни думали, что кровопролитіе будетъ ужасное, и что жители Парижа погребутъ себя подъ развалинами; другіе же, что Парижъ надлежало защищать на берегахъ Рейна, а не у подошвы Монмартра, и надѣялись на скорою сдачу. Уже было поздно, но никто не предавался сну. Каждый предлагалъ свое мнѣніе, офицеры спорили съ Генералами; въ ожиданіи важныхъ событій, исчезаетъ между людьми различіе въ чинахъ и сословіяхъ, и уснаивающа само собою равенство, во время котораго берутъ верхъ одни дарованія. Между нѣмъ сославили предположеніе, какимъ образомъ напасть на непріятельскія войска, находившіяся впереди Парижа. Главныя черты диспозиціи заключались въ слѣдующемъ: Фельдмаршалу Блюхеру, сиювшему на правомъ нашемъ крылѣ, вести атаку на Монмартръ. Генералу Раевскому, сдѣлавъ нападеніе на Бельвильскія возвышенія и пославъ другую колонну въ обходъ чрезъ

Монпелье и Шаронгъ. Россійско-Прусскіе резервы должны были подкрѣплять Раевского. Наслѣдному Виршембергскому Принцу продолжалъ слѣдованіе по дорогѣ, ведущей изъ Ланьи, завладѣвъ мѣстами при Сентъ-Моръ и Шарантонгъ, очистишь Венсенскій лѣсъ и обложишь замокъ сего имени. Корпуса Сакена и Баварскаго Фельдмаршала Вреде, получили повелѣніе спастъ близъ Мо, чшобы нападающія на Парижъ войска прикрывашъ ошъ покушеній, кошорыя Наполеонъ могъ бы произвесни въ ихъ шылу.

18 Марша, часу въ чешвертомъ пошру, привели съ передовой цѣпи извъшнаго Французскаго архитектора Пера, не имѣвшаго съ собою шрубача. Мнѣ приказано было удосшовѣришься, дѣйствительнo ли онъ присланъ съ какимъ нибудь порученіемъ, или шолько для спасенія себя ошъ плѣна, назвался переговорщикомъ. Полумершвыи ошъ шраха, онъ разсказаль мнѣ, чшо сограждане его въ великомъ волнснїи, и чшо приверженцы

Наполеона разсѣваюшь извѣстія о его скоромъ приближеніи съ армією, ушверждаая, что союзныя войска, подошедшія къ сшлицѣ, не что иное, какъ отрѣзанный корпусъ. »Весь Парижъ,« продолжалъ онъ, »эшого мнѣнія.« Но какъ было велико его удивленіе, когда я ему объявилъ, что всѣ наши силы, числомъ болѣе сша тысячъ, здѣсь, что Наполеону преграждено сообщеніе съ сшлицею, и что въ Бонди главная кваршира Государя. Я подвелъ его къ ворошамъ, гдѣ сшояла въ караулѣ рота Преображенскаго полка, и сказалъ ему: »Вошь и гвардія Его Величешва.« Французъ, поблѣднѣвъ, опвѣчалъ: »Сопрошивленіе съ нашей сшорны щщешно; спасеніе Парижа шребуешъ, чтообы я объяснился съ Имперашоромъ.« Онъ былъ допущень. Государь поручилъ ему объявишь главнокомандующему непріашельскими войсками, что Его Величешво шребуешъ сдачи Парижа, что находишся предъ его сшѣнами со всею армією Своею, и что воюешъ не съ Франціею, а съ Наполеономъ.

Наспалъ день; войска пошли впередъ, загремѣлъ громъ орудій, и упорно защищавшійся непріашель былъ вышѣсняемъ изъ каждой позиціи имъ занимаемой. Возвышенія и деревни, лежащія впереди Парижа, извѣсныя каждому изъ насъ съ дѣтства по описаніямъ Французскихъ стихотворцевъ, славившихъ здѣсь нѣкогда прелести сельской жизни, поспешенно переходили во власшь Союзниковъ, и наконецъ, въ чешыре часа по полудни, Русскіе взяли присшупомъ Мениль-Моншанъ, Бельвиль и Пре-Сенъ-Жерве; Французы побѣжали въ городъ, преслѣдуемые шшыками Союзниковъ, копорые приближались къ шремъ засшавамъ ешполицы. Пошера наша просширалась до девяши штысячь чешловѣкъ: въ шомъ числѣ находилось семь Русскихъ. Она не была бы ешоль значительна, и Парижъ взяли бы нѣсколькими часами ранѣе, ежели бы Фельдмаршалъ Блюхеръ получилъ въ надлежащее время приказъ къ нападенію; но по одному изъ шѣхъ непредвидимыхъ случаевъ, копорые нерѣдко случаются на войнѣ, эшо повелѣ-

не привезено было къ нему позже, нежели какъ слѣдовало, а пошому, въ ожиданіи атаки Блюхера, Государь приказалъ сражавшимся въ виду Его войскамъ не быспро подаваться впередъ. Бой прекратился въ нашемъ цѣнтрѣ, гдѣ находился Императоръ; настала всеобщая тишина, и между тѣмъ, какъ сраженіе продолжалось на правомъ крылѣ у Монмаршра, знамя Русское развилось на Бельвилѣ. Государь взѣхалъ на эту гору, откуда были видны ясно улицы и дома Парижа; подвезены баярени, и послано объявить, что къ вечеру не узнаюшь мѣсна, гдѣ была столица, если она черезъ часъ не покорится.

Войска занимали въ долину и по высотамъ протрансиро ошъ Сень - Дени до Шарантона, ожидая приказанія истребить Парижъ или вешупить въ него великодушными побѣдителями. Взоры всѣхъ усшремлены были на столицу; шайное предчувствіе говорило, что война прекращена, и каждый переносился мысленно въ свое отечество. Въ эту минушу шоржесшвовала Россія. Общая радость пре-

врашилась въ безмолвіе; у многихъ видны были на глазахъ слезы. Такъ спояли мы за полшора года на Поклонной горѣ, гдѣ Смоленскій размышлялъ, сражашься ли передъ Москвою, или уступимъ ее безъ кровопролишя. Тогда, горя чиспвйшею любовію къ ошечесшву, мы спрашились пережившъ славу Россіи; а щеперь, лежавшій у ногъ нашихъ Парижъ наноминалъ весь рядъ побѣдъ ошъ Тарушина до Сены!

Въ скоромъ времени пріѣхали офицеры, присланные ошъ Маршала Мармона съ предложеніемъ о сдачѣ. Трешущими шагами всходили они на гору и приближались къ Государю. Казалось, вселенная внимала въ эшу минушу словамъ Его. Онъ обѣщаль щадить шолицу и нозволилъ высшунить изъ нея находившимся въ ней войскамъ. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, могшихъ встрѣшиться при заняшій шоль обширнаго и многолюднаго города, какъ Парижъ, Государь приказаль Спансъ-Секрешарю Графу Нессельроде и Флигель-Адьюшаншу Орлову заключить съ непріательскими Генералами, въ числѣ коихъ

находился бывший въ 1812 году Губернаторомъ въ Москвѣ Маршалъ Моршье, письменный договоръ, на основаніи котораго Французы обязались въ печеніе ночи вывесити войска свои изъ споліцы, и на слѣдующее утро, въ семь часовъ, заспавы сдать Союзникамъ. Сверхъ того въ капишуляціи положено было, чтобы военныя дѣйствія не начинали прежде десяти часовъ наступавшаго дня. Во время переговоровъ у Паншенской заспавы, гдѣ подписана капишуляція, совершился приступъ на Монмаршръ, взятый Графомъ Ланжерономъ, не болѣе какъ въ десять минутъ; изъ шридцати орудій, защищавшихъ Монмаршръ, двадцать девять достались въ руки побѣдителей. Наши переговорщики слышали у Паншенской заспавы ура! провозглашенное при нападеніи на Монмаршръ, и Французскіе Генералы жаловались, что не соблюли даннаго имъ обѣщанія о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Не шрудно было доказать имъ, что это случилось не отъ чего другаго, какъ отъ того, что разосланное повсю-

ду повелѣніе прекратишь огонь, не могло еще дойти до войскъ, бывшихъ на нашемъ правомъ крылѣ.

Къ вечеру Государь возвратился въ селеніе Бонди съ шѣмъ, чинобы на другой день вступишь въ Парижъ. Всю ночь солданы чистили оружіе и конскую збрую; офицеры примѣривали лучшіе мундиры; всѣ готовились вешрѣшншь день, юшорому подобнаго не бывало въ нашей Исторіи.

Г Л А В А III.

УТРО 19-ГО МАРТА. — КОЛЕНКУРЬ. — ОТЪЕЗДЪ ГОСУДАря ИЗЪ
БОНДИ. — ПРИВЛЕЖЕНІЕ КЪ ПАРИЖУ. — МОНМАРТРСКОЕ ПРЕДМЪСТІЕ. —
БУЛЬВАРЫ. — ЕВСКІЙСКІЯ ПОЛЯ. — СМОТРЪ. — ВЕЧЕРЪ.

На зарѣ прекраснѣйшаго утра, 19 Марта, начали сходиться на обширномъ дворѣ, передъ замкомъ Бонди, Генералы и офицеры, принадлежавшіе къ свитѣ Государя. Встрѣчаясь, мы жали другъ у друга руку и безмолвствовали. Часу въ шестомъ, пріѣхали въ нарядныхъ каретахъ чиновники Парижскаго городского правленія; они съмятенія мыслей, они едва могли говорить. За ними явился на лошади, предъ ворошами замка, человекъ съ знакомымъ всѣмъ лицомъ: это былъ Коленкуръ, присланный отъ Наполеона съ предложеніями о мирѣ. Преображенскій солдатъ, смоявшій на часахъ, сказалъ, чтобы

онъ сошелъ съ лошади, и Французскій Министръ принужденъ былъ повиноваться. Увидя собравшихся на дворъ офицеровъ, онъ снялъ шляпу и съ попушенными глазами прошелъ мимо насъ. Между шѣмъ, какъ докладывали объ немъ Государю, мнѣ поручили занявъ его разговорами. Я просилъ его войти въ замокъ, и не безъ удовольствія смотрѣлъ на униженное положеніе временщика, кошорый, не взирая на свою искреннюю приверженность къ Государю, и насноянія опклоняяъ Наполеона опъ войны съ Россією, не зналъ мѣры своей надменности, когда въ Пешербургѣ былъ Посломъ. Императоръ провелъ съ нимъ болѣе часа и, во смущенному виду Коленкура при выходѣ, можно было заключить, что его предложенія были опвергнушы. Ровно въ восемь часовъ подвели Государю сѣрую лошадь, называемую Марсомъ. На дорогѣ Его Величество встрѣшилъ Короля Прусскаго, а въ нѣкошоромъ разсояніи гвардію. Никакое перо не дерзнетъ выразишь восшорга, съ кошорымъ она приняла Го-

сударя. Вершины за нри онъ города начали показывашься Парижане. Они спрашивали: «гдѣ Императоръ Александръ?»

Многочисленныя зданія Парижа болѣе и болѣе спановились видны. Нѣкоторые изъ офицеровъ ѣздили рано поутру въ Парижъ съ разными приказаніями, и, возвращаясь, рассказами своими удвоили желаніе бытъ скорѣе въ немъ. Всѣ горѣли неперыбіемъ войны въ городъ, кошорый долгое время давалъ уснавы во вкусъ, въ модахъ и въ просвѣщеніи, городъ, въ кошоромъ хранились сокровища наукъ и художествъ, кошорый вмѣщалъ въ себѣ всѣ утонченныя наслажденія жизни, гдѣ недавно писали законы народамъ и ковали для нихъ цѣпи, опкуда выслушали ополченія, проходившія всѣ концы Европы, и кошорый, однимъ словомъ, тогда считался столицею міра. Къ довершенію двухлѣшнихъ побѣдъ, недоспавало Русскимъ только бытъ въ Парижъ. До этой желанной минушы, нельзя еще было насладишься плодами шоль многихъ кровопролитныхъ битвъ и успѣховъ, приобрѣ-

шенныхъ въ печеніе двухъ лѣтъ. Каждый шагъ, шагъ него ошдѣлявшій, не позволялъ вкусишь въ полной мѣрѣ чувства, что Россія ошощена. Еще минуша, и сокрушалась въ основаніяхъ своихъ могущественная Имперія, просширавшаяся шагъ Балшійскаго моря до устья Таго. Паденіе сильныхъ Державъ подобно кончиѣ великихъ мужей: оно осшавляетъ на время пушону въ мѣрѣ; спрашивающъ: кто замѣнишь мѣсто него, конюрато не спало?

Въ девашъ часовъ ушра мы прибыли къ предѣсьямъ Парижа. Впереди шла легкая конная гвардейская дивизія, имѣя въ головѣ лейбъ-казаковъ; въ нѣкошоромъ разшваніи вхалъ Гоеударь, окруженный блестящею свшшою, а позади слѣдовали сперва гренадеры, пушомъ пѣшая гвардія, кирасиры и нѣсколько батальоновъ Авшпрійцевъ, Прусаковъ и Ваденцовъ. Ушро было прекрасное и часъ шагъ часу воздухъ спанокился яснѣе и благорасшвореннѣе. Необозримыя шолпы народа наполнили улицы, кровли и окна домовъ. Сначала казалось, будто жившели чего-шо онасающія;

радостныя восклицанія не были еще общими; изумленіе ихъ продолжалось нѣсколько минушь, въ печеніе которыхъ они спрашивали безпрерывно у насъ и другъ у друга: »гдѣ Государь?« — »Вошгъ онъ, вошгъ Александръ!« зывали они: »какъ Онъ милосшиво кланяешся, съ какою ласкою Онъ съ нами говоритъ!« Они воображали въ Русскихъ найши людей полудикихъ, изнуренныхъ походами, говорящихъ языкомъ, для нихъ непоняшнымъ, въ спранныхъ одеждахъ, и едва вѣрили глазамъ, увидя красошу Русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружностъ войскъ, здоровый цвѣтъ лица ихъ, ласковое обращеніе офицеровъ, и слыша оспроумные ошвѣщы ихъ на Французскомъ языкѣ. »Вы не Русскіе,« говорили они намъ, »вы вѣрно эмиграншы.« Они скоро удосшовѣрили въ прошивномъ, и вѣсшь о невѣрояшныхъ свойсшвахъ побѣдишелей нерелешала изъ ушгъ въ ушса; похвалы Русскимъ загремѣли повсюду, женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми плашками, привѣшшвовали

насъ движеніемъ рукъ, и ошъ одного конца Парижа до другаго мгновенно раздалось восклицаніе: »да здравешвуешъ Александръ!« да здравешвуюшъ Русскіе!« произносимое милліономъ голосовъ.

Между нѣмъ мы прошли Монмаршрское предмѣсье и поворошили на право по бульварамъ, гдѣ ликованія, возрасшая безпресшанно, превзошли всякую мѣру. Съ шрудомъ можно было ѣхашъ верхомъ: жишли ошанавливали на каждомъ шагу лошадей нашихъ и, превознося Александра, они почти вовсе не упоминали о прочихъ Союзникахъ; изрѣдка шолько слышно было: »да здравешвуешъ Франць« или Фридрихъ!« Ободренные привѣшливостію Имперашора, они начали желашъ перемѣны правительствя и провозглашашъ Бурбоновъ; появились бѣлыя кокарды на шляпахъ и бѣлыя плашки въ воздухъ; многіе, шѣнясь около Государя, просили, чшобы Его Величешво ошался во Франціи: »Царешвуйше надъ нами,« говорили они, »или дайше намъ Монарха, кошорый« быль бы на васъ похожъ!«

Слѣдуя мимо великолѣпныхъ зданій и памяшниковъ, воздвигнутыхъ во славу Французскаго оружія, мы достигли наконецъ Елисейскихъ полей, гдѣ Императоръ осановился и смощрѣлъ проходившія церемоніальнымъ маршемъ войска. Сюда усстремились все Парижане, привлеченные новостію зрѣлища. Франуженки просили насъ сойти съ лошадей и позволишь имъ вешашъ на сѣдла, чшобы удобнѣе видѣшь Гоеударя. Сначала шли Австрійцы. Жандармы никакъ не могли удержашъ народа, чшобы онъ не входилъ въ ряды войскъ: любопытные Парижане нѣснили Австрійскіе взводы; но коль скоро показались Русскіе гренадеры и нѣшая гвардія, шо Французы были шшоль поражены ихъ воинскою осанкою, чшо не шшолько не надобно было говорить имъ, чшобы они смощронились, но все единодушно, какъ бы во нѣкоторому шайному согласію, опшшупили назадъ гораздо далѣе чершы, кошорая назначена была для зршшелей. Они взирали съ безмолвнымъ удивленіемъ на гвардейскій и гренадерскій корпуса, и со-

знались, что армія ихъ, въ блистательное время Французской Имперіи, не была въ сшоль пвъшущемъ положеніи, какъ эши корпуса послѣ шрехъ безмершныхъ походовъ.

Смошръ кончился въ пяномъ часу по полудни, и Государь опшравился въ домъ Талейрана, гдѣ Его Величество на первое время имѣлъ свое пребываніе. Часишь войскъ заняла караулы, а прочія пошли въ назначенныя для нихъ въ городѣ кварширы. Въ эшо время чернь ругалась надъ памяшниками, сооруженными въ честь прежнему обладателю Французовъ; но большая часшь жишелей казались погруженными въ недоумѣніе, какъ бы не довѣрять шому, что совершилось въ ихъ глазахъ, и спрашивали сами себя: правда ли, что они видѣли побѣдишелей милосердыми и просвѣщенными? правда ли, что Александръ ограничиваетъ плоды своего шоржесшва сшасшіемъ покоренной шраны? Насшалъ вечеръ. Побѣдишелямъ и побѣжденнымъ необходимо было спокойшвіе; улицы начали пушѣшь и мало по малу

водворилась всеобщая тишина, шѣмъ болѣе олушительная, что въ шеченіе предъидущихъ дней грудь каждаго волновалась ошъ разнообразныхъ ожиданій и надеждъ, увѣнчанныхъ пономъ счастливейшими событіями. Все, что мы видѣли и чувствовали, было столь изячно и велико, что воображенію ничего не ославалось приобщишь или украсишь: мы были обезсилены радостію.

Сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Почши въ полночь я вышелъ на улицу; шамъ никого изъ жишелей не было видно. Вокругъ дома, гдѣ осшановился Государь, расположенъ былъ башальонъ Преображенскаго полка, а рота Его Величества спояла на дворъ эшого дома. Огни вездѣ угасли. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ не было шакже свѣша. У эшого древняго зданія, служившаго попеременно жилищемъ Бурбоновъ, мѣшомъ засѣданій республиканскихъ правленій и дворцомъ обладашеля изобильнейшихъ шпанъ Европы, — но зданія, кошораго Александръ не удоспоилъ Своего пребыванія, — находился Русской

карауль. Посреди ночной тишины, я непримѣнно достигъ Пале-Рояля, гдѣ весь паршіи, господствовавшія во Франціи въ печеніе двадцати пяти лѣтъ, испытывали свои первыя силы. Въ саду и въ галлерейхъ волновались тысячи народа, обуреваемого различными спрассами. Иные смошрѣли на небо и шяжко вздыхали, но большая часть наполнилась околѣ стоявшихъ въ разныхъ мѣстахъ оранжеровъ. Одни изъ нихъ славили Бурбоновъ, модъ скинешпромъ кошорыхъ предки ихъ жили нѣсколько сполѣшій; а другіе, превознося свои прежнія побѣды, полагали не предпринимашъ ничего рѣшимельнаго въ ожиданіи прибышія Наполеона съ армією. То, что я шупъ видѣлъ, дало мнѣ первое, насшоющее поняшіе о революціонныхъ явленіяхъ и народныхъ совѣщаніяхъ. Сколь ни разнообразны были излагаемыя Французами мнѣнія, но они почшили Русскій мундиръ: я ходилъ по всему Пале-Роялю, спановился въ шолны Парижанъ и былъ повсюду принимаемъ съ вѣжливостію. Я вошелъ въ кофейный домъ и не успѣлъ

съесть, какъ присутствовавшіе начали
пить за здоровье Русскаго офицера. На-
конецъ, посреди пыльныхъ улицъ, я
возвратился домой. Порядокъ нашею ар-
міею былъ соблюденъ до того, что ни-
какое безчиніе не напоминало, что въ
Парижѣ находилось болѣе 50 тысячъ
иностранныхъ войскъ. Глубокое безмол-
віе на улицахъ прерывалось только окли-
ками Русскихъ часовыхъ.

ГЛАВА IV.

ПРОКЛАМАЦІИ ГОСУДАРЯ И ФРАНЦУЗСКИХЪ ПРЕФЕКТОВЪ. — НАЗНАЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛА САКЕНА ГУБЕРНАТОРОМЪ ПАРИЖА. — МЛОДЕЖИНОЕ ОБРАЩЕНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ. — ОТВѢТЪ ГОСУДАРЯ СЕНАТОРАМЪ. — ИЗРЧЕНІЯ ГОСУДАРЯ. — ПАМЯТНИКЪ НА ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ. — АПОЛЛОНЪ ВЕЛЬВЕДЕРСКІЙ.

На другой и слѣдующіе дни всѣ предавались радосшному упоенію. Съ первыми лучами солнца улица Сень-Флораншенъ, площадь Людовика XV и Тюльерійскій садъ, какъ мѣста, прилежація къ дому Талейрана, гдѣ жилъ Государь, покрывались множесшвомъ народа. Французы жаждали знашь ходъ полишическихъ дѣлъ. Приобыкшіе къ печашнымъ объ нихъ извѣспіямъ, посредспвомъ кошорыхъ каждое изъ эфемерныхъ правишельсшвъ, сущесшвовавшихъ съ начала революціи, шаралося привлечь народъ на свою спорону, они шолпами собирались предъ

нашими окнами, прося, чшобъ имъ раздавали печашные лиспки. Тенерь любопытство ихъ имѣло основательную причину, пошому чшо въ объявленіяхъ они могли надѣяться найши рѣшеніе своей участи.

Нѣсколько прокламацій, обнародованныхъ въ это время, были всѣ ошъ имени Государя, а не ошъ имени Прусскаго Короля или Австрійскаго Императора. Онъ носяшъ на себѣ ошпечашокъ возвышенныхъ чувствъ Александра и, не взирая на умѣренные и скромныя выраженія, въ кошорыхъ сочинены, въ нихъ видѣшъ повелитель Европы. Первая и по содержанию самая важная прокламація, подписанная Его Величествомъ, издана была въ самый день всшунленія въ Парижъ, въ шри часа по полудни. Императоръ, приглашая въ ней Франузовъ избрашъ временное правительствво для сосшавленія конспишущи, объявляль, »чшо ни Онъ, ни »Союзники Его не войдушъ болѣе въ переговоры съ Наполеономъ и членами его »семейства, и чшо обласши, принадлежав-

«шія Франціи при прежнихъ Короляхъ,
«будущъ неприкосновенны.»

Въ шестъ же день префексы: полиціи
Пакье, и Сенскаго Департаментна Шаб-
роль, повѣсили жишелямъ, что Фран-
цузскія войска должны были усшунить
превосходному числу Союзныхъ армій,
что всякое дальнѣйшее сопротивленіе съ
ихъ стороны было бы пагубно, и что, въ
слѣдшвіе того, Парижъ сданъ. Вошъ,
между прочимъ, собственныя выраженія
ихъ: «Безопасность вашихъ лицъ и иму-
«щесствъ ограждена договоромъ и обеща-
«ніемъ Императора Всероссійскаго, Ко-
«шорый сего ушра изволилъ увѣрить го-
«родское правительсшво въ зашщѣ Сво-
«ей и въ милосши къ обывателямъ сно-
«лицы.» *) Слѣдовашельно никто другой,
кромъ Государя, не обезпечивалъ въ шо
время Парижанъ на счешъ единсшвенныхъ
благъ, осшашующихся побѣжденнымъ, — су-
щесшвованія ихъ и собственности. Тогда
же Сшашсъ-Секретарь Графъ Нессельроде
объявилъ начальнику полиціи Пакье, Вы-

*) № 3-й Приложеній.

сочайшее повелѣніе объ освобожденіи изъ шюрмы Французовъ, содержавшихся за то, что они запрещали крестьянамъ спрѣдять по нашимъ войскамъ и были преданы Королевской фамиліи. *) Но мы увидимъ въ послѣдствіи, что заскупленіе Императора распространилось и на людей, приверженныхъ къ Наполеону. Покровительствуя такимъ образомъ всѣ сословія жищелей вообще, Онъ успранялъ Себя однако же ошъ дѣль чашныхъ людей, и велѣлъ извѣстныи подававшихъ къ Нему во множествѣ прошенія, что, находясь во Франціи для водворенія мира и счастья, Его Величество поставилъ Себѣ долгомъ не вскупаться въ ходъ и въ исполненіе законовъ, и пошому приглашалъ просищелей обращаться къ временному правительству, или къ шѣмъ присущественнымъ мѣстамъ, кошорыхъ сужденію дѣла ихъ подлежали.**)

Въ Парижѣ назначили Коменданшовъ: Русскаго, Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго, а Генераль-Губернаторомъ, Са-

*) № 4-й Приложеній.

**) № 5-й Приложеній.

кена. Трудно было избрать на это место Генерала, который бы умелъ заставить болѣе его уважать имя Русскихъ и приобрести любовь жителей. Онъ соединялъ съ глубокою ученостию, твердый характеръ и привлекательное обращеніе. Лестное званіе, въ которое возвели его, было достойнымъ возмездіемъ за его подвиги въ минувшихъ походахъ. По вступленіи въ должность, онъ запретилъ перевозить и оскорблять кого бы то ни было за политическія мнѣнія, или за наружныя, къ-мъ-либо носимые знаки. *) Соблюдая строго подчиненность между войсками и порядкомъ въ городѣ, онъ привязалъ къ себѣ Парижанъ до такой степени, что повсюду былъ принимаемъ съ рукоплесканіями. При его появленіи воздухъ оглашался восклицаніями: »да здравствуетъ Генераль Сакенъ!« Когда онъ прѣзжалъ въ шепрѣ, и занавѣсъ уже былъ поднятъ, то зрители требовали, чтобъ актеры снова начинали представленіе. Слѣдующій, отданный имъ приказъ, можешь служить

*) №: 6-й Приложеній.

лучшимъ свидѣтельствомъ правилъ, которыми онъ въ управленіи своемъ руководствовался: » Осмотрѣвъ временный го-
 » шпиталь, учрежденный въ предмѣстьи
 » Руль, я свидѣтельствую начальникамъ и
 » чиновникамъ мою особенную благодар-
 » носшь за ихъ стараніе облегчить скорбь
 » храбрыхъ воиновъ. Меня истинно прону-
 » ла признашельнось больныхъ къ нѣмъ
 » лицамъ, кошорымъ ввѣрено о нихъ по-
 » печеніе. Богъ да благословишь также на-
 » родъ, оказывающій вспомошествованіе
 » раненымъ и больнымъ, безъ различія
 » странъ, кошорымъ они принадлежатъ.« *)

Со вшораго дня заняшя Париза, въ шеашрахъ начались предшавленія, почтны воспріяли свое дѣйствіе и разослали по принадлежности сошни шысячь писемъ, назначенныхъ за границу, а также привезенныхъ изъ чужихъ краевъ, но при года задержанныхъ въ почшовомъ управленіи. Ошворили городскія вороша, позволили вѣмъ по произволу изъ города уѣзжашъ, дороги въ окрешностяхъ сно-

*) Мониторъ, 21 Апрель.

лицы приведены въ безопасность, и въ самомъ скоромъ времени банкъ производилъ по прежнему плашежъ государственнаго долга и выдачу пенсіоновъ. Словомъ сказашъ, предприняшы всѣ мѣры къ возстановленію общаго спокойствія; даже приглашали жишелей приносить жалобы на пришѣсенія, неразлучныя съ военнымъ пошесемъ.

Никшо не могъ вообразить, чщобы съ Парижемъ поступлено было шакъ снисходительно, пощому чшо обиды, нанесенныя Французами каждому изъ Союзниковъ, были шоль чувствительны и поведеніе ихъ въ завоеванныхъ ими шодлицахъ шоль оскорбительно, чшо всякое мщеніе съ нашей шпороны, могло бытъ извинительно. Такое милосердіе имѣло главною причиною благородный образъ мыслей Государя. Ему одному должно приписашъ шоржештво благосши, навсегда покрывшее Русское имя неувадаемою славою. Въ послѣдшвіи мнѣ случалось слышашъ неоднократно изъ Его ушть правило: »чщобы »крушыми мѣрами не достигашъ до своей

» цѣли; « а пошому Онъ обыкновенне избираль средшва, кошорыя не шолько никого не вооружали, но напрошивъ, привязывали къ Нему сердца даже шѣхъ людей, кошорыхъ мнѣнїя не согласовались съ Его образомъ мыслей.

Чиновники различныхъ присушешвенныхъ мѣспъ на перерывъ просили позволенїя предшавишья Государю; выходя же ошъ Его Величешва, не могли скрывать своего восхищенїя. Его ошвѣшъ Сенашорамъ былъ приняшъ съ испиннымъ восшоргомъ. Имперашоръ сказалъ имъ: » Человѣкъ, называвшїйся Моимъ союзникомъ, напалъ на Мое Государешво несправедливымъ образомъ: и шакъ Я веду войну съ нимъ, а не съ Францією. Я другъ Французовъ. Насшоющїй валъ пошупокъ, кошорымъ вы лишили прешшала Наполеона и его семейешво, связуешъ Меня еще болѣе съ вами. Благодаруміе шребуешъ, чшобы учреждено было во Франціи правишешшво на основанїяхъ швердыхъ и согласныхъ съ насшоющимъ просвѣщенїемъ вашего

» Государешва. Союзники Мои и Я, будемъ
 » покровишельснвовашъ свободу вашихъ
 » засѣданій. « Ошановясь на минушю, Им-
 перашоръ продолжалъ: » Въ доказашель-
 » сшво прочной связи, кошорую Я намѣ-
 » ренъ заключить съ вами, возвращаю
 » всѣхъ Французскихъ плѣнныхъ, находя-
 » щихся въ Россіи; временное правишель-
 » сшво Меня уже объ нихъ просило, но Я
 » ихъ усшупаю Сенашу въ уваженіе сдѣ-
 » ланнаго имъ сегодня опредѣленія. « *)
 Сенашъ положилъ записашъ эти слова
 въ журналъ и обнародовашъ ихъ во все-
 общее свѣдѣніе, что немедленно и было
 исполнено посредшвомъ вѣдомосшей и
 печашныхъ объявленій, прибишыхъ на
 сшѣнахъ домовъ. **) » Воздадимъ вѣчную
 » благодарношъ, « шакъ ошзывается одно
 изъ верховныхъ присушешвенныхъ мѣсешъ,
 » за великодушнѣйшій поступокъ, о ко-
 » шоромъ лѣпописи міра когда-либо упо-
 » минали. Имперашоръ Всероссійскій ушѣ-
 » шашешъ двѣсени шысячъ семейсшвъ, даруя

*) № 7-й Приложеній.

**) № 8-й Приложеній.

» свободу несчастнымъ Французамъ, ко-
 » торыхъ жребій войны предославила въ
 » Его власшь, и Его Величество ускориенгъ
 » шу счастливую минушу, въ копорую мы
 » увидимъ брашьевъ, друзей и сыновей на-
 » шихъ.» *)

Ежедневныя вѣдомости были наполне-
 ны спашьями шолько объ одномъ Государѣ.
 Казалось, что прочіе Союзники были чуж-
 ды для Парижа. Можно бѣ было выписать
 много анекдотовъ изъ шогдашнихъ повре-
 менныхъ листковъ; но я помѣщаю шоль-
 ко слѣдующія, слышанныя самимъ мною,
 изреченія Его Величества, копорыя были
 напечатаны во всѣхъ газеткахъ. При вѣздѣ
 въ Парижъ, Государь сказалъ шолнившем-
 уся около Него народу: » Я вступаю не
 » врагомъ, а возвращаю вамъ миръ и шор-
 » говлю.« — » Мы уже давно ожидали при-
 » бышя Вашего Величества,« сказалъ
 одинъ Французъ; на что Императоръ ош-
 вѣчалъ: » Я бы ранѣ къ вамъ прибылъ,
 » но въ Моей медленности обвиняйте
 » храбросшь вашихъ войскъ.« Прѣзжая

*) № 9-й Приложеній.

по Вандомской площади, на кошорой вовдвигнуна огромная колонна со спашуею Наполеона, Государь произнесъ сіи слова: »Если бѣ Я споялъ шакъ высоко, шо бо-» ялся бы, что у Меня закружился голова.«

Одна изъ любопытныхъ спашей, обнародованныхъ когда-либо правительствомъ покоренной спраны, естъ слѣдующая: »Онгь» полиціи объявляешся, что памятникъ на» Вандомской площади, сосшонгъ подь по» кровительствомъ великодушія Его Ве» личесшва Имперашора Всероссійскаго и» Союзниковъ Его. Находящееся на верху» изваяніе, при шеперешнихъ обшояшель» сшвахъ, не можешъ болѣе осшавашся,» почему его замѣняшгъ изображеніемъ ми» ра.« *) На колоннѣ, сооруженной въ чешъ побѣдъ Французскихъ войскъ, посшавлена была спашуя Наполеона, къ кошорой народъ привязывалъ неоднократно веревку и шашилъ ее внизъ при ужасныхъ крикахъ. Одинъ смѣльчакъ взлѣзъ на плеча спашуи и билъ ее по щекамъ; а что она вовсе не испреблена разъяренною чернью, за шо

*) № 10-й Приложеній.

Парижане обязаны Монарху, въ столицѣ Кошораго Наполеонъ руководствовался со-всѣмъ другими правилами. Русскіе часовые были приспавлены охранять памятники того, кто Москву предавалъ грабежу.

Въ это время Союзники наши, по праву побѣдителей, ошибались то, что Французы нѣкогда увозили изъ Германіи и Италіи. Русскіе глядѣли на ихъ поступки, какъ посторонніе и безприсрасные зрители. Намъ нечего было претовашь обращено, потому что мы рачивались съ непріятелемъ еще въ нѣдрахъ своего опечесства. Я встрѣшилъ однажды въ шакъ называвшемся Наполеоновомъ Музеумѣ, кошорой вмѣщаль въ себѣ истинныя сокровища художествъ, Государя, сопровождаемаго извѣстнымъ въ ученое свѣствѣ Денономъ, главнымъ начальникомъ Музеума. Государь замѣшилъ, что на нѣкошорыхъ подножіяхъ не было спашуй и, показывая на одно изъ нихъ, спросилъ: » что на немъ прежде спояло? — » Аполлонъ Бельведерскій, « опшвѣчалъ Денонъ. — » Гдѣ же онъ шеперь? « продолжалъ

Императоръ. — » При угрожавшей Парижу
» опасности, « сказалъ униженно Денонъ,
» мы отправили его къ Орлеану. « — Если
» бы оставили его въ Парижъ, « возразилъ
Александръ, » шо увѣряю васъ, что никто
» бы къ нему не прикоснулся; но теперь,
» если казаки его возьмутъ на дорогѣ,
» шо это будетъ законная добыча. «

ГЛАВА V.

Замыслы Наполеона. — Переговоры съ Маршаломъ Мармономъ. — Отреченіе Наполеона. — Покровительство приверженцовъ Наполеона. — Французскіе военныя. — Офицѣры, пожалованные Французамъ. — Дежурныя пособія Французамъ. — Молевентъ. — Лагарпъ. — Александръ въ Елисейскомъ дворцѣ.

По занятіи Парижа война была прекращена. Ничего уже не могло прошивиться могущеснну Александра. Оснавалось только обворужить Наполеона, котораго Сенатъ и временное правительство, учрежденное 20го Марша, лишили престолола. Однако же крушой нравъ и неумѣренное властолюбіе бывшаго обладателя Франціи, подавали поводъ думать, что онъ въѣмъ мѣрами будешь снержаться продлить войну. Онъ не могъ надѣяться на успѣхъ съ горсткою изнуренныхъ войскъ, кошорыи еще расчелогаль, однако преданность

ихъ къ нему была столь неограниченна, что они послѣдовали бы повсюду за своимъ, нѣкогда побѣдоноснымъ, вождемъ.

Въ день нашего вступленія въ столицу Франціи, онъ подѣзжалъ къ ней на нѣсколько верстъ и остановился въ мѣстечкѣ Жювизи, гдѣ узналъ, что въ Парижѣ уже властвовали Александръ. Что въ это мгновеніе происходило въ душѣ его, того никакая кисть изобразить не въ состояніи. Потомъ онъ удалился въ Фоншенебло, и еще нѣсколько дней вращалъ въ мысляхъ среднѣва испоргнувъ побѣду изъ рукъ Союзниковъ. Это были судорожныя движенія ошчаянія. Онъ думалъ ошсунуть за Луару, или соединиться съ Маршаломъ Ожеро, ошоявшимъ близъ Ліона, и пригнать къ себѣ изъ Ломбардіи корпусъ Вице-Короля Италійскаго. Но болѣе, чѣмъ эти соображенія, занимала его мысль ударить прямо на Парижъ, въ надеждѣ, что Союзники не примутъ сраженія, имѣя въ шлу сей обширный городъ, и что жители, воспламенясь при видѣ ошечесивенныхъ зна-

мень, бросающа к оружію, чшобы возвращишь свою уиращенную славу. Чувство народной чести бываещъ сильнѣе чувства гражданскихъ бѣдствій. Можешь бышь, чшо эша истина не измѣнилась бы въ Парижѣ, гдѣ большая часть обывашелей, одаренныхъ быспрымъ воображеніемъ, находились прежде въ военной службѣ, въ шакое время, когда сташіе постоянно имъ сочувствовало. Раземаширивая эши общошчельсшва, ясно было, чшо они не могли поколебашъ могущесшва Союзниковъ, а произвели бы шолько одно напрасное пролишше крови; почему, для избѣжанія, намъ приказали черезъ три дня послѣ заняшя Парижа, готовишь къ походу, чшобы ишребишь послѣднія силы Наполеона. При эшомъ случаѣ было подшверждено войскамъ, чшобы обращались съ городскими и сельскими обывашелями самымъ дружешвеннымъ образомъ и почишали ихъ за Союзниковъ нашихъ. Наши арміи, перейдя 21го Марша на лѣвый берегъ Сены, расположились въ гусныхъ колоннахъ при Лонжюмо и Жювизи, а въ Парижѣ остан-

лены были только резервы для содержания карауловъ. На случай описуемаго Государя, Генераль Наццо-ди-Борго былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при временномъ правительствѣ.

Между тѣмъ вслѣдствіе въ найныя смещенія съ Маршаломъ Мармономъ, смѣлвшимся впереди Фантенбло, и послѣди къ нему находившагося издавна съ нимъ въ связяхъ Г^{на} Моншессю, съ извѣщеніемъ о непрѣмливой волѣ Союзныхъ Монарховъ — положили конецъ владычеству Наполеона. Г^н Моншессю, выполнивъ порученіе самымъ удачнымъ образомъ, возвратился на другія сунки съ письменнымъ оповѣщеніемъ Маршала Мармона, который обѣщаль перейти на нашу сторону съ вѣщательными условіями, касавшимися до сохраненія жизни и состоянія прежняго его повелителя. Не теряя времени, согласился на его требованія. 25 Марта, Мармонъ, съ восьмидесятысячнымъ корпусомъ, оставилъ Французскую армію, прошелъ ночью сквозь нашу цѣпь и расположился около Версаля, откуда продолжалъ слѣдованіе въ Нормандію.

Эпопей посупокъ убѣдилъ Наполеона въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Онъ отправилъ въ Парижъ Коленкура и Маршаловъ Нея и Макдональда, съ предложеніемъ опреться опъ прешола въ пользу своего сына. Ему опказали, и онъ, покусившись сперва оправить себя ядомъ, кошорый однако же не подѣйствоваль, пошомъ явилъ въ несчастіи сполько же покорности, сколько былъ неумолимъ во дни побѣдъ и успѣховъ. Онъ принялъ безопговорочно опсровъ Эльбу и нѣсколько милліоновъ годоваго дохода для себя и для родспвенниковъ своихъ. Примѣчашельно, что въ переговорахъ объ участи люшаго врага Россій, нѣкогда мечшавшаго оподвинуть ея предѣлы до Днѣпра и Двины, посланные изъ Фоншенебло опносились къ Государю, а не къ другому кому изъ Союзныхъ Монарховъ, *) вмѣсто кошорыхъ Его Величештво говорилъ и дѣйспвоваль. Должно предосшавить Исторіи рѣшишь вопросъ, кшо заслуживаешъ болѣе удивленія: Александръ ли, обезпечивающій,

*) № 11-й Пр.ложеній.

вопреки многихъ дѣланныхъ Ему пред-
ставленій, существованіе Наполеона, или
послѣдній, пріемлющій дары отъ своего
соперника? Когда такимъ образомъ огра-
дили судьбу Наполеона съ его семействомъ,
то пребываніе ихъ во Франціи не было
уже совмѣстно съ общоюшельствами: соб-
ственна ихъ безопасность требовала,
чтобы они отправились за границу. Поч-
ти всѣ они выѣхали изъ Парижа съ Рус-
скими паспортами, и въ сопровожденіи
Адъютантовъ Государя. Наполеону сопуш-
ествовалъ Графъ Шуваловъ, спасавшій нѣ-
сколько разъ жизнь его отъ народной яро-
сти. Такимъ образомъ пошъ, кто менѣе
нежели за два года давалъ повелѣніе
взорвать Кремль, принужденъ былъ для
избѣжанія смерти надѣвать неоднократно
плащъ Русскаго офицера. Императоръ
первоначально хотѣлъ послать въ Фон-
шенебло Генерала Чернышева, но отло-
жилъ это намѣреніе, сказавъ, что Напо-
леону, въ несчастіи, неприяно будешь
видѣшь при себѣ того, кто находился при
немъ, когда онъ былъ въ упоеніи побѣдъ.

Эта черта, конюрой не знаю подобной, свидѣтельствуетъ, сколь глубоко Александръ былъ проникнутъ правилами о помилованіи враговъ.

По подписаніи съ Наполеономъ договора въ Фоншенбло, наша армія, снявшись съ биваковъ, расположилась на пространныхъ кашониръ-кварширахъ около Сандиса, Лавона, Ремеля, Шалона и Парижа, и оставалась въ нихъ до того времени, пока, на основаніи условій, заключенныхъ 11го Апрѣля съ Графомъ д'Аршуа, сданы были Франціею крѣпости, занятыя ея войсками въ Италіи, Германіи, Нидерландахъ и Испаніи.

Хотя новый порядокъ вещей, установленный во Франціи, обѣщалъ ей миръ и крошечное правленіе, однако намъ находилось еще много людей, приверженныхъ къ развѣнчанному герою. Одни одолжены ему были мѣснями и почестями, а другіе, какъ напримѣръ, покупщики дворянскихъ и духовныхъ имѣній, видѣли въ немъ залогъ, прочнаго обладанія своею собственностію. Наибольше о кумирѣ своемъ сожалѣли воен-

ные. Но этой причиной милосердия, оказываемыя Государемъ ему и членамъ его фамилии, привлекали на нашу сторону многочисленное сословіе его почитателей, между тѣмъ, какъ Союзники, являя къ нимъ очевидную холодность, удаляли ихъ отъ себя. Скажушь, можетъ быть, что Александръ въ посужкахъ съ низверженными противникомъ руководимъ былъ инцеславіемъ, и что Онъ, въ этомъ случаѣ, плашилъ свойственную великимъ душамъ данъ желанію приобрести линіюю спранию въ Исперіи, зная, что каждое дѣйствіе Его — досоряніе попомства. Но въ опроверженіе этого мнѣнія, я приведу происшествіе, о которомъ нельзя было полагать, чтобы оно когда нибудь сдѣлалось гласнымъ, по совершенной своей ничтожности въ сравненіи съ великими событіями, тогда совершавшимися. Оно послужитъ также доказательствомъ, сколько сердце Александра туждалося мщенія. Однажды Онъ получилъ отъ одной Француженки письмо слѣдующаго содержанія: «Мы лишились въ Наполеонъ нашего благодѣтеля, а съ нимъ

» выходятъ способоу существованія. Желая
» Ваше Величество вели проинивъ него
» войну, однако Французы умѣютъ цѣ-
» нить Ваше великодушіе. Основываясь
» на этомъ общемъ мнѣніи, я прибѣгаю съ
» просьбою, снабдите меня какимъ коли-
» чествомъ денегъ, чтобы я могла безпре-
» пятно доѣхать до Тосканы и по-
» селисья проинивъ береговъ острова Эль-
» бы. Тамъ я буду имѣть въ виду мѣста,
» гдѣ обитаетъ человекъ, на котораго взо-
» ры мои были и будутъ устремлены. «
Мнѣ приказали, отыскавъ прѣисельни-
цу, не подписавшую имени своего, вру-
чить ей потребныя на проѣздъ ея деньги.

Во время переговоровъ объ опреченіи
Наполеона, офицеры его арміи начали при-
ѣзжать изъ Фонтенебло въ Парижъ; но
когда участіе его рѣшилась, столица на-
полнилась ими. Какъ миръ еще не былъ
подписанъ, но они не знали, будетъ ли
присуществіе ихъ намъ шернимо, а поно-
му скрывались, не осмѣливаясь показы-
ваться въ мундирахъ, особенно въ пуб-
личныхъ мѣстахъ. Когда это дошло до

свѣдѣнія Государя, но Онъ приказалъ обнародовать слѣдующее объявленіе: »Узнавъ, что многіе изъ Французскихъ военныхъ всѣхъ чиновъ находящіяся нынѣ въ Парижѣ, или по поводу щеперешникъ обеспокоивельшевъ, или для поправленія здоровья, разброеннаго походами и ранами, полученными на полѣ чести, Его Величество никакъ не полагаетъ, чтобы они починали нужнымъ скрываться. Во всякомъ случаѣ Ему пріятно объявишь имъ, что они свободны, совершенно свободны, и что имъ, какъ и прочимъ Французскимъ гражданамъ, предстоишь обязанность способствовать шѣмъ мѣрамъ, кошорыя надлежишь принять для благоденствія Франціи.« *)

Можно было узнать Французскихъ офицеровъ сколько же по мрачному виду, сколько и по мундирамъ. Вникая въ свойство военныхъ, нельзя было шребовать, чтобы они съ самаго начала обошлись съ нами ласково: они могли не иначе, какъ поспешенно, признашь спасителей своего

*) № 12-й Приложение.

ошечешва въ людяхъ, прошивъ кошорыхъ долгое время сражались. Они обращались съ Русскими вѣжливѣе, нежели съ прочими Союзниками, съ кошорыми бывали у нихъ нерѣдко поединки. Особенно къ Прусакамъ они цинали опличную ненавись, шакъ, что между ними почти ежедневно проливалась кровь. Нѣмецкіе офицеры, хошя и сосѣди Франціи, однако привыкають шруднѣе къ Французскимъ правамъ, языку и обхожденію, чѣмъ Русскіе. Въ это время намъ позволили ходишь во фракахъ, въ кошорыхъ мы являлись уже въ обществахъ, какъ мирные граждане. Прусакки и Авспрійцы не прешавали ходишь въ мундирахъ. Къ шому же, они не старались скромношю поведенія возвысишь, шакъ сказашь, свое шоржештво. У Авспрійцевъ ешь обыкновение, носишь въ военное время на киверахъ и шляпахъ зеленыя вѣшви, кошорыми Французы обижались, принимая ихъ за изображение лавровъ, и опъ шого случались ссоры и даже убійешва. Напрошивъ, Парижанамъ чрезвычайно нравилося, что мы

носили бѣлую повязку на лѣвой рукѣ, и что присовокупили бѣлую койму къ нашимъ кокардамъ на шляпахъ. Это, по видимому, маловажное обстоятельство обращало въ нашу пользу общее мнѣніе, господствовавшее тогда во Франціи, и содѣлывало тѣснѣе связь между нами, потому что все почти Французы, безъ изъятія, украшались бѣлымъ цвѣтомъ въ знакъ привязанности своей къ Бурбонамъ и желанія скората ихъ возвращенія.

Награждая щедро Русскихъ и офицеровъ союзныхъ армій, Императоръ почтилъ и Французскихъ чиновниковъ Своими милостіями. Такимъ образомъ Онъ пожаловалъ орденъ господину Моншессю, который первый ѣздилъ къ Маршалу Мармону, съ предложеніемъ перейши на нашу сторону; Полковнику Лескуру, который спасъ Парижъ, не исполнивъ даннаго ему оубъ Наполеона приказанія взорвать пороховой магазинъ на Гренельскомъ полѣ; архитектору Перу, захваченному нашими разбѣдами наканунѣ Монмаршрскаго сраженія, и разнымъ другимъ лицамъ, а особенно

нѣмъ, которыхъ имѣли поначенію о нашихъ
больныхъ. До какой степени Французъ
дорожилъ Русскими орденами, можетъ
послужить доказательствомъ слѣдующій
анекдотъ объ одномъ изъ лучшихъ писа-
телей ихъ; а въ лирическихъ, болѣе
чѣмъ въ людяхъ другихъ сословій, отра-
жается образъ мыслей времени ихъ. Изъ
числа множества преселеней, наполня-
вшихъ ежедневно пріемныя комнаты Началь-
ника Главнаго Штаба Государева, и комна-
рыхъ мнѣ надобно было приниматьъ, по-
дошелъ ко мнѣ одинъ, и сказалъ, что
можетъ быть его имя мнѣ не совсѣмъ
чуждо. Это былъ знаменитый Шапобрианъ.
Объяснивъ дѣло, за которымъ онъ приз-
жалъ, онъ заключилъ свою рѣчь прозьбою,
во уваженіе безпредѣльной преданности
его къ Государю, исходатайствовать ему
что-либо на память. Я предложилъ ему вы-
разиться яснѣе, и онъ, послѣ многихъ веле-
рѣчивыхъ фразъ, наконецъ оговѣчалъ: «*La
» moindre décoration russe me tendra heureux.*»

Кромѣ наградъ орденами, разосланы
были, по Высочайшему повелѣнію, къ

приходскимъ священникамъ Парижа деньги для раздачи неимущимъ. *) Однажды Парижскіе банкиры пожертвовали въ пользу нашихъ раненыхъ восемь тысячъ франковъ, вырученныхъ ими опъ промѣна Русскихъ ассигнацій. Государь, изливъ имъ Свое благоволеніе, приказалъ деньги раздѣлить на четыре части: одну изъ нихъ оставивъ для Русскихъ, а остальныя отдалъ Австрійцамъ, Пруссакамъ и Французамъ. Деньги, назначенныя послѣднимъ, отосланы Генераломъ Сакеномъ въ Военному Министру Дюнону, при письмѣ, заключавшемся такъ: »Я »почитаю себя счастливымъ, что Его »Величеству угодно было избрать меня »для объявленія вамъ Монаршей милосердія, »изливаемой на вашихъ соотечественниковъ, коихъ храбрости я имѣлъ »много случаевъ быть свидѣтелемъ.« **)

Однимъ изъ незабвенныхъ дней было Свѣтлое Воскресенье, въ которое пѣли молебенъ на площади Людовика XV. Для

*) № 13-й Приложеній.

**) № 14-й Приложеній.

Богослуженія сооруженъ былъ пресполь на мѣстѣ мученической смерти послѣд-наго Короля Французскаго. Омъ равняго, прекраснаго ушра разсѣавлены были наши войска на улицахъ и на площади, и необозримыя толпы народа покрывали ихъ и примыкающія къ нимъ аллеи Тюльерійскаго сада и Елисейскихъ полей. Государь, въ сопровожденіи множесива иношранцевъ, въ числѣ кошорыхъ находилось нѣскольке Французскихъ Маршаловъ и Генераловъ, объѣхалъ войска и, прибывъ на площадь, на кошорой служили молебень, преклонилъ со всѣми Его окружавшими колѣна шамъ, гдѣ за двадцать лѣтъ пролипа была кровь добродѣтельнаго Монарха. Молишва всегда возвышаешъ душу, но она исполняла насъ неизъяснимыми чувсшвами, когда мы изливали посреди Парижа благодареніе наше Всевышнему. Эшопъ день былъ днемъ шоржесива благочесшя Александра. Въ древнія и въ новыя времена покоряли Царешва, но не бывало примѣра, чшобы посреди плѣненной снолицы побѣдишель именовалъ себя шоль-

ко орудіемъ Провидѣнія и своею участію приписывалъ одному Богу. Когда мелебснвие кончилось, то гуль Русскихъ пушекъ раздался по Парижу. Грѣмъ орудій, заснувшій мѣсто тишины во время служенія, цѣплялъ глубину сердца нашихъ:

Въ понедѣль же день, Государь повелѣвалъ Своему бывшему наставнику Лагарпу, находившемуся въ чинѣ Полковника, ордена Св. Андрея Первозваннаго. Уже на другое утро по занятіи Парижа, меня послали къ супругѣ Лагарпа извѣстивъ ее, ошъ имени Императора, что ея мужъ находится въ безопасности въ главной квартирѣ Австрійцевъ, предложивъ ей ошъ Его Величества всевозможныя услуги, караулъ въ загородный домъ ея и деньги, ежели она имѣетъ въ нихъ надобность. Сверхъ того приказано было ей сказать, что Государь не имѣлъ еще ни одной свободной минушы, чтобы ее повѣстить, но что въ самое скорое время будетъ у ней лично. Я нашелъ у госпожи Лагарпъ многочисленное собраніе, и когда

сообщила ей о воле Императора, но она, заплакавъ, отвѣчала: «Вы видите мои слезы, вошь мой отвѣтъ.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника Пасхи, Государь переѣхалъ изъ дома Талейрана въ Елисейскій дворецъ. Въ скоромъ времени прибылъ въ Парижъ Императоръ Францъ, который, во время движенія Наполеона на Сень-Дизье, отправился въ Дижонъ къ Австрійской арміи и съ шѣхъ поръ находился при ней. Въ день пріѣзда, Государь встрѣшилъ его при Русскихъ войскахъ, стоявшихъ въ парадъ, и орданъ былъ паролъ: Вѣна, а отвѣтъ: Францъ. Начались о мирѣ переговоры, которые Государь велъ лично. 11го Апрѣля уполномоченные Союзныхъ Державъ заключили съ брашомъ Лудовика XVIII, облеченнымъ въ званіе Намѣстника, предварительный договоръ, по которому Франціи назначались границы до 1792 года. Сверхъ того Тюльерійскій кабинетъ обязывался сдать всѣ крѣпости, лежащія внѣ старинныхъ предѣловъ Франціи. Въ свободные часы, Государь осматривалъ достопримѣчатель-

ныя заведенія въ Парижѣ, посѣщала членовъ Королевской фамилии, Императрицу Марію-Луизу и Іозефину, дочь послѣдней, бывшаго Вице-Короля Италійскаго Евгенія и нѣкошорыхъ сановниковъ, и приглашала къ Своему столу знаменитыхъ людей всѣхъ сословій, безъ различія паршій, къ кошорымъ они принадлежали.

ГЛАВА VI.

Набожность Русскихъ. — Солдаты. — Ласковое обращение Императора. — Приезд Государя въ театр. — Похвалы Государю. — Речи членовъ Института. — Засѣданіе Института. — Выписка изъ Французскаго журнала. — Раздѣлъ Франціи. — Заключение о пребываніи въ Парижѣ.

Французы, кошорыхъ знаменитѣйшіе соотечественные писатели въ печеніе сношеній проповѣдывали безвѣріе, были крайнѣ удивлены набожносію Государя и Русскихъ. Поколѣніе, образованное въ правилахъ Вольтера и Дидерота, бывшее въ зрѣломъ возрастѣ своемъ свидѣтелемъ, что народный конвенсъ, директорія и Наполеонъ почитали въру единственно политическою необходимосію, орудіемъ къ достиженію власни и удержанію ея, — это поколѣніе съ изумленіемъ взирало на благочестіе своихъ побѣдителей, кошорого признаки поражали его даже въ

самыхъ медаляхъ, уснновенныхъ въ пн-
мяшъ ошечешвенной войны. Вошъ что
помъщено объ эшомъ предметъ въ одномъ
изъ лучшихъ журналовъ погдашняго вре-
мени, а периодическнн сочиненнн во Фран-
цнн сушъ ошголосоки общаго мнъннн: » Ни-
» кшо не можешъ придши въ себя, видн,
» что Монархнн Европы, кошорые имъли
» право мшшш за шолько причиненныхъ
» имъ оскорбленнн и шребовашъ вознаграж-
» деннн разнаго рода, являющнн посреди
» насъ избавншеснми, вмъсно враговъ и
» завоеваншелей, кошорыхъ мы уснграша-
» лнш. Спрашнваешся: что внезапно онн-
» врашшло ошъ насъ грозу, кошорая по
» нашей собешвенной вннъ должна была
» разразншсь надъ нами; что смячнло
» храбрыхъ вошновъ, кошорыхъ мы оже-
» шшочали и возшановляли прошвнъ себя?
» Надобно сознашсь, что эшо релнглнн. Она
» образовала Священннн Союзъ ихъ для
» блага человъческаго рода; всъ вошны ихъ
» ноешш знаки ея на своей одеждъ. Ни-
» какая другая человъческая причина не
» могла подвшгнушъ ихъ къ шъмъ пожер-

» нивованіямъ, копорымъ нѣтъ примѣра въ
 » Испоріи. « *) — » Мы слышали, « говоришь
 » другой журналистъ, « что молодые Рус-
 » скіе офицеры разсказывали, въ самый
 » день поржешвеннаго вешупленія своего
 » въ Парижъ, о подвигахъ своихъ опъ
 » Москвы до Сены, какъ о дѣлахъ, въ ко-
 » торыхъ они были предводимы Промы-
 » сломъ Божіимъ; себъ они предославляли
 » шолько шу славу, что они были избраны
 » орудіемъ Его милосердія. Они описывали
 » свои побѣды безъ восшорга и въ такихъ
 » проешыхъ выраженіяхъ, что мы думали,
 » будшо они условились объ эшомъ изъ
 » особенной учшивости. Они намъ показали
 » серебряную медаль, кошорую Генералы
 » и солданы носятъ въ видѣ знака опличія.
 » На одной споронѣ медали изображе-
 » но Око Провидѣнія, а на другой слова
 » изъ Священнаго Писанія: *не намъ, не намъ,*
 » *а имени Твоему.* « **).

Наши еодданы, копорыхъ содержали
 въ шакой же подчиненности, какъ и въ

*) № 15-й Приложеній.

**) № 16-й Приложеній.

Россій, обходились самымъ дружескимъ образомъ съ обывателями городовъ и деревень. Въ Парижѣ расположены были только ошборныя войска. Росецъ ихъ, престоша образа жизни, и самое невѣденіе мѣсць, куда они были заведены службою; все это возбуждало любезныяшо Французовъ. Вошь какъ одинъ изъ писанелей ихъ изображаетъ нашъ лагерь: » Множе-
» шво Парижанъ бывающъ въ Елисейскихъ
» поляхъ, чшобы видѣшь биваки конныхъ
» нолковъ Россійской гвардіи, въ кошорыхъ
» люди необыкновенной величины и шѣлес-
» ной крѣпосши; иные кажушя въ сажень.
» Досшойно удивленія, какъ люди и лошади
» сохранились въ шоль хорошемъ сосшояніи,
» хошя они пришли изъ ондаленныхъ зе-
» мель, были въ часшыхъ сраженіяхъ,
» и вышергѣли жестокую и продолжисель-
» ную зиму. Парижане, почишавшіе Бель-
» виль и Аржаншейль, Сенклу и Медонъ
» границею свѣша, шѣ, кошорымъ воен-
» ные спаны извѣсны шолько по разска-
» замъ сыновей ихъ, смошряшъ съ удоволь-
» ствіемъ на биваки, усшроенные посреди

» ихъ города. Ошашки сѣна, кошераго
» лошади не съѣли, служашъ солдатамъ
» поешелью. Пуки соломы покрывающъ
» копя ихъ, присавленные къ деревьямъ,
» чшо образуешъ родъ кровли, а подъ нею
» всадники и имущество ихъ. Передъ каж-
» дымъ бивакомъ разложены огни, гдѣ ва-
» ряшъ пищу. Здѣсь видише война, копорый
» рѣжешъ мясо, другой рубишъ дрова; иной
» чишишъ оружіе или опдыхаешъ, имѣя
» изголовьемъ сѣдло своей лошади. Многіе
» изъ нихъ слушающъ съ удовольствіемъ,
» какъ бы разумѣя, замѣчанія прогуливаю-
» щихся на счешъ обычаевъ ихъ; опвѣшовъ
» же, дѣлаемыхъ ими на наши вопросы,
» мы или не понимаемъ вовсе, или шолько
» опчасни по шѣлодвиженіямъ, въ кошо-
» рыхъ видно добродушіе ихъ и искрен-
» нее съ нами согласіе. « *)

Не возможно и намъ забыть ласковаго
обращенія Парижанъ, копорыхъ дома и
сердца были опкрыны для Русскихъ. По-
явленіе нашихъ офицеровъ возбуждало не-
рѣдко рукоплесканія въ шешрахъ, кошо-

*) № 17-й Приложеній.

рые, особенно въ первое время, оглашались восклицаніями: »да здравствуютъ Русскіе!« Тоже случалось и въ кофейныхъ домахъ, гдѣ сначала хозяева не хотѣли брать съ Русскихъ денегъ. Чшо признашельность къ намъ Французовъ была искренняя, а не прищверная, шому видны были ежедневно доказательство; между прочимъ многія селенія, какъ милосери, просили перевезенія къ нимъ нашихъ раненныхъ и больныхъ офицеровъ, чшобъ имѣшь возможность оказашъ имъ всякое зависящее отъ нихъ вспомошествованіе. Русскіе вообще обязаны признашельнымъ воспоминаніемъ Парижанамъ, за шо, чшо они болѣе прочихъ чужестранныхъ народовъ цѣнили доблести Александра и подвиги нашихъ войскъ.

Можно удобнѣе вообразить, нежели описашъ спеченіе народа, когда Государь въ первый разъ посѣнилъ шеапръ. Назначено было предешавляшь Траяново шоржество. Но передъ самымъ прибышiemъ Императора поднялся занавѣсъ и объявили, чшо Его Величешву не угодно приняшь

на Своей сценѣ похвалъ, которыми наполнена эша опера, и посредствомъ кошорыхъ Французы желали принести побѣдншело дашь своей благодарности; почему предсавляли Веспалку. При появленіи Государя, ликованія, кошорыя, казалось, потрясали огромное зданіе шеашра, продолжались болѣ четверни часа и были повторяемы во весь вечеръ. Во время междувѣсивій зришели, не довольсшвуясь, что музыканшы играли народную пѣсню Генриха четвершаго, желали, что-бы извѣсшншй актеръ Лансъ ее пропѣлъ. Онъ вышелъ съ бумагою въ рукахъ, и на ея голосъ раздалися въ честь Государя стихи, кошорые въ скоромъ времени сдѣлалися общенародными. *) Въ предсавленіи Веспалки участвовало лучшіе музыканшы, танцоры и пѣвцы, а ложи наполнены были щеголихами, испощившими все ушонченности модъ, что-бы придать большій блескъ своимъ прелесціямъ. Сколько слухъ и взоръ ни были очарованы эшимъ зрѣлищемъ, однако же глаза мои часшо

*) № 18-я Проложенія.

обращались на споловинныхъ неподвижно на часахъ, близъ вѣнѣса, двухъ солдатъ Павловскаго гренадерскаго полка: ихъ присутствіе было въ эпоху вечеръ едва ли не самымъ любопытнымъ явленіемъ въ Парижской оперѣ.

Такимъ образомъ протекало время въ Парижѣ. Французы и Русскіе предавались искренней радости: первые потому, что избавились отъ ига, ихъ угнетавшаго, а вторые, что опмснили за опечесшво и самымъ блистательнымъ пушемъ достигли окончанія войны. Весеннее солнце не сходило съ небосклона. Улицы и гульбица наполнены были съ ушра до вечера множесшвомъ народа. Смѣло можно сказать, не опасаясь упрека въ лести, что предметомъ общихъ разговоровъ было великодушіе Государя, прославляемое художниками и писателями. Не проходило дня, чтобы живописцы и ваятели не являлись съ Его изображеніемъ, а стихотворцы съ произведеніями пера своего въ честь Его Величесшва. Не было сословія въ Парижѣ и Франціи, кошорое бы не превоз-

носило Государя при всякомъ случаѣ. Въ главномъ уголовномъ судѣ происходило въ то время первое публичное засѣданіе. Извѣстный своимъ краснорѣчіемъ Белларъ, прежде нежели прислунилъ къ изложенію пѣжбы, сказалъ: »Герой почти баснословный, опличный Своимъ плѣвнишельнымъ обращеніемъ сполько же, какъ и рыцарскими добродѣтелями; Тошъ, чье имя, покрывное уже съ давнихъ вѣковъ другаго рода славою, украшается нынѣ единспвенною и новою славою въ Испоріи, научая Европу, что сила оружія, копорая покровишельспвуешъ и милуешъ, можешъ испорганъ слезы умеленія.« *)

Во Французскомъ Инспишуптѣ профессоръ краснорѣчія Вилльменъ, прославившійся въ послѣдствіи историческими сочиненіями, говорилъ: »Александръ, по великодушію Своему, являешъ взорамъ нашимъ одно изъ шѣхъ лицъ, какія нахходимъ въ древней Испоріи, исполненное спрасшію къ славѣ. Его могущество

*) № 19-й Приложеній.

» и льша ругающа за продолжительный
» миръ въ Европѣ. Геройскій характеръ
» Его, совокупясь съ просвѣщеніемъ, свой-
» ственнымъ новѣйшимъ народамъ, упро-
» чилъ миръ. Онъ воскресилъ въ боль-
» шемъ блескѣ образъ Монарха-Философа,
» предсавленный Маркомъ Аврелиемъ, и
» мы наконецъ увидимъ на пресполѣ муд-
» росль, вооруженную власшю, споль же
» обширною, какъ и желанія, пишаемая ею
» для блага человѣческа. » *) Когда Госу-
» даръ принималъ членовъ этого ученаго
» сословія, то Предѣдатель сказалъ: » Сча-
» стіе наше есть плодъ Вашихъ благодѣ-
» яній и побѣдъ. Вы научили побѣдителей
» новому способу шоржешествованья. Бѣд-
» ствія вселенной доказываютъ, что до
» сихъ поръ не знали, въ чемъ состоитъ
» настоящее величіе. Ошныи не будутъ
» удивляться величію, сопуществуемому
» ужасомъ: оно тогда шолько можеть быть
» признано справедливымъ, когда соеди-
» нено съ любовію. Удивленіе наше совер-

*) № 20-й Приложеній.

» шенно: мы не хвалимъ, Государь, но благословляемъ. « *)

Мнѣ случилось бытъ въ засѣданіи Инстингуша, происходившемъ въ присутствіи Государя и многочисленнаго, блестящаго собранія. Испорикъ Лакрешель привѣщивалъ Государя рѣчью, въ которой, упомянувъ о томъ славномъ для наукъ времени, когда Петръ Великій занимался ими во Франціи, сказалъ: »Какъ скоро созрѣли плоды просвѣщенія, кошорое Петръ здѣсь почерпалъ! Съ какою мздою Александръ воздаешъ намъ то, что Предокъ Его, преобразовавъ Свое Царство, у насъ заимчивалъ. « Лакрешель заключилъ рѣчь сими словами: » Въ томъ день, кошорый могъ бытъ для насъ шоль ужасенъ, но кошорый не произвелъ никакого смяшенія, мы говорили, какъ Филокшешъ Софокловъ: Воины, не являющіе въ себѣ враговъ нашихъ, сколь намъ сладосно слышашъ изъ вашихъ ушей звуки нашего природнаго языка! « **)

*) № 21-й Приложеній.

**) № 22-й Приложеній.

Слѣдующая сшанья, помѣщенная въ шо же время въ одномъ журналѣ, предлагаеиша здѣсь въ переводѣ. Чинашеди усмош- ряншъ изъ нея лучше всякихъ похваля, кошорыя подѣ перомъ Русскаго могушъ показашъя приспраешными, чувсшва, оду- шевлявшія къ Александру народѣ, Имъ покоренный: » Какое величешвенное зрѣ- » лице являюшъ нынѣ Мошархи, кошорыя » пришли сюда съ оружіемъ въ рукахъ, » чшобы обезпечить наше спокойствіе и » благополучіе! И шакъ Франція, изнемо- » гающаая подѣ шажжими ранами, кошорыя » не могли сокрышъя въ блескъ побѣдъ, и » удрученнаая своими завоеваніями, должна » была найши въ бѣдешвіяхъ своихъ конецъ » злополучіямъ. Кшо бы подумаль, и » могла ли она надѣянъяся, чшо ея спасеніе » изыдеишъ изъ шранъ, кошорыя она разо- » ряла? Могла ли она ожидашъ, чшо вмѣшо » мщенія увидишъ въ ожешшоченныхъ ею » и шоржешшвуюющихъ врагахъ своихъ, кро- » шосшъ и милосердіе, соединенныя съ при- » вѣшливосшю, кошорая украшаешъ чело- » вѣчешшо и удвоиваешъ цѣну благодѣяній?

» Съ давнихъ лѣтъ мы привыкли видѣть
 » верховную власнь, окруженную прелес-
 » щами добродѣтели. Давно уже мы не
 » слышали энихъ унизительныхъ рѣчей,
 » кошорыя, будучи произнесены на прес-
 » шоль, проливають въ сердца радоснь,
 » энихъ словъ крошески и любви, соежав-
 » ляющихъ насъ поющее краснорѣчїе Монар-
 » ховъ, поному что они суть самое убѣ-
 » дительное выраженїе могущесства ихъ.
 » О Тигъ! унѣха реда человѣческаго! о
 » добрый Генрихъ, великій Людовикъ XIV,
 » и ты, несчастный Монархъ, кошорый
 » на лобномъ мѣстѣ говорилъ о прощенїи!
 » Нѣсколько словъ, сказанныхъ вами, пов-
 » шоряюща ноннѣвъ попомениѣ и, слыша
 » ихъ, мы проливаемъ сладкія слезы въ эту
 » годину, когда привыкли шолько плаканъ
 » оны горесни. «

» Нѣкогда Ишорїа напишешъ имя Твое
 » подѣ сихъ славныхъ именъ, о велико-
 » душный Александръ, соединившїй съ изя-
 » щноснїю великаго подвига плѣнитель-
 » носнь выраженїя, и доказавшїй, что Ты
 » не шокмо умѣешь дѣлать добро, но шво-

» рини его прекрасно. Ты насъ мгновенно
 » переселилъ, шакъ сказашь, въ другія
 » времена, Ты намъ далъ дышань новымъ
 » воздухомъ, возвратилъ нѣ ощущенія,
 » копорыхъ несчастія, продолжавшіяся
 » слишкомъ долго, по видимому уже насъ
 » навсегда лишали. Примми награду за Твое
 » щедрошы! Мы Тебя поияли: Ты говорилъ
 » съ народомъ, Тебя воспигающимъ. За-
 » воеванель, посившій въ древности Твое
 » имя, окровавилъ вселенную, чшобы его
 » похвалили въ Аоннахъ; одно движеніе
 » Твоего сердца было досшашочно, чшобы
 » возбудишь восшоргъ въ Парижъ и Фран-
 » ціи. Наслаждайся здѣсь, въ сихъ новыхъ
 » Аоннахъ, славнѣйшихъ нежели древнія,
 » счастливыми дарами, копорыми природа
 » Тебя наградила. Наслаждайся любовію
 » къ искушвамъ, копорыя будутъ сорев-
 » новашь къ прославленію Твоему, уважені-
 » емъ Твоимъ къ памяшникамъ генія, кошо-
 » рые побѣдоносная рука Твоя покровишель-
 » ствовала, эшимъ удивишельнымъ при-
 » мѣромъ просвѣщенія, подаваемымъ Тобю
 » воиншвенному юношешву, слѣдующему

» за Твоими знаменами, и кошорое благо-
» родными поступками въ снѣнахъ нашихъ,
» явило себя достойнымъ имѣшь Тебя
» своимъ Царемъ; наслаждайся совершен-
» ною нашею признашельностію. Изгладяш-
» ся слѣды бѣдснвій, кошорья, можешь
» бышь, причинило Твое оружіе въ нашемъ
» опечеснвѣ по жестокой необходимости
» войны; но памяшь Твоихъ благодѣній
» навсегда запечашлѣлась въ сердцахъ на-
» шихъ. Сила, какъ варварь, сжегъ сно-
» лицу Аппики и генія, не внемля въз-
» ваемой памяти великихъ мужей, кошо-
» рые увѣковѣчили ее; но Тебѣ не нужно
» было указывать на знаменишья шѣни,
» кошорымъ мы обязаны нашею славою:
» краснорѣчивый и шайный голосъ говорилъ
» Тебѣ въ глубинѣ души: вошь опечеснво
» Корнеля и Расина, Боссюэша и Бюффона.»

» Мирное пушесншвіе Петра Великаго
» по Франціи пребыло незабвеннымъ для
» его современниковъ и пошомковъ ихъ;
» но присушсншвіе Александра, предводи-
» шельсшвующаго Своими побѣдоносными
» войсками, оставишь еще глубочайшя

» впечатлѣнія въ грядущихъ вѣкахъ. Первый изъ сихъ Героевъ искалъ посредина насъ просвѣщенія, а Другой научаешъ насъ, какимъ образомъ мы должны пользоваться нашимъ просвѣщеніемъ.» *)

Возразяшъ, можешъ бышь, что въ рѣчахъ, общенародно произнесенныхъ, и въ печатныхъ спашьяхъ Парижане должны были превозносить своего Побѣдителя; но въ опроверженіе смѣло сошлемся на тысячи находившихся тогда въ Парижѣ Русскихъ, какъ близкихъ свидѣтелей признательности и восшорга, кошорыми жили столицы Франціи были исполнены къ Государю. Даже въ Масонскихъ ложахъ, мужскихъ и женскихъ, кошорыхъ тогда считалось въ Парижѣ болѣе семидесяти, рѣдко проходило засѣданіе безъ того, чтобы не возсылали благодареній къ Винovníку спасенія ошечешва ихъ; а въ эшихъ собраніяхъ, какъ извѣстно, рѣчи говорашся не для того, чтобы идти въ огласку посредствомъ печати. Ежели бъ мы и согласились на минушу, что похвалы Парижанъ

*) № 23-й Приложеній.

были не искреннія, шо убѣдимся въ прошивномъ, взглянувъ на изліяніе чувствъ ихъ при полученіи ими извѣстія о кончинѣ Александра. Въ это горестное время мы увидѣли рѣдкій примѣръ, что похвалы, произнесенныя нѣкогда предъ Самимъ Имъ, не прешергѣли измѣненій при сугубомъ опытѣ времени и смерти, и что вишіи въ своихъ выраженіяхъ предупредили голосъ попомсхва, которое повѣришь съ шрудомъ, какъ великъ былъ нашъ Александръ, когда Онъ предводилъ сивоваль нами за Эльбою, за Рейномъ и въ Парижѣ.

Въ исходѣ Апрѣля мѣсяца пріѣхалъ въ Парижъ Лудовикъ XVIII, и былъ встрѣченъ за нѣсколько шанцій Государемъ, Кошораго швердосшію и насноянніями Наполеонъ былъ низвергнушь и Бурбонамъ возвращено законное ихъ наслѣдснво. Многіе думали, что Европа не достигнетъ прочнаго мира, доколь Франція не будетъ посшавлена въ число шпоросшеченныхъ Державъ. Для этого полагали ошшоргнушь ошъ нея разныя обласши. Не шрудно было исполнить

это предположеніе, поному что Франція, истощенная, не могла ни въ чемъ проши-
вишься Союзникамъ, и должна была без-
прекословно покоряться волѣ своихъ по-
бѣдишелей, занимавшихъ крѣпости ея и
самую столицу. Несмѣтная еще за два
года армія ея почти не существовала.
Двѣсти тысячъ воиновъ оспаивались воен-
нопльными въ Россіи, около ста тысячъ
были разбросаны въ разныхъ крѣпостяхъ
Германіи и Италіи, а въ предѣлахъ Фран-
ціи считалось едва нѣсколько десятковъ
тысячъ, большею частію новонабранныхъ
солдатъ, кошорые до такой степени были
изнурены походами и нравственно убиты
двухъ-лѣтними пораженіями, что солдатами
покидали полки и возвращались въ дома
свои. Въ числѣ Генераловъ Французскихъ,
хотя и находились люди съ способностями,
но не было ни одного, кошорый бы зна-
менинностію подвиговъ и имени своего
могъ собрать вокругъ себя прежнихъ со-
служивцевъ своихъ. Когда воззванія самого
Наполеона, въ 1814 году, оспаивались безъ
дѣйствія, шо шѣмъ менѣе можно было

ожиданъ успѣха опть воззваній Маршаловъ его, кошорые въ послѣднихъ походахъ, бывъ побѣждены каждый въ свою очередь Генералами союзныхъ войскъ, явили, что никшо изъ нихъ не былъ въ сосшоянїи предводительствовашь арміями. Въ шакомъ положенїи, ничшо не воспрещашствовало бы располаганъ по произволу жребїемъ покеренной сыраны. Но Государь рѣшишельно воспрошивилъ всѣмъ предложенїямъ, клонившимся къ раздѣлу Франціи, находя, что для поддержанїя полишическаго равновѣсія надлежало оставишь сіе Государство почши въ шомъ видѣ, въ какомъ оно находилось при Лудовикѣ XVI. Разговаривая со мною объ эшомъ предметѣ, Онъ сказалъ: » Мысль раздѣлишь Францію » на часши, Я нахожу пушною, хошя *многіе* » ее имѣли.« Примѣчательшо, что ни одинъ Французскій писатель не упоминаешъ объ эшомъ благодѣянїи, оказанномъ Александромъ опшечеству ихъ. Полагашь должно, что они дѣлаюшъ эшо по невѣдѣнїю; ибо нѣшъ другой причины умалчивашъ о шосшупкѣ, кошорому они обязаны вели-

чайшимъ счастьемъ, но ешь бышь народомъ независимымъ и самоспошпельнымъ.

18го Мая подписали миръ, и пушечные выспрѣлы возвъспили, что для Европы насшала новая эпоха. Доведа войну до желаннаго конца, Государь осмошрѣлъ въ послѣдній разъ Свой войска и опшравился въ Лондонъ, черезъ чешыре дня послѣ заключенія мира. Онъ общалъ Союзникамъ прѣвхашь осенью въ Вѣну, гдѣ, на основаніи договора 18го Мая, надлежало проиеходишь окончашельнымъ совѣщаніямъ о дѣлахъ всѣхъ Державъ; пошому что всѣ, болѣе или менѣе, посшрадали опъ переворошовъ и продолжишельныхъ войнъ. Караулы были сданы національной гвардіи, и наша армія предіриняла обрашный походъ изъ Франціи. Сакенъ сложиль съ себя званіе Генераль-Губернашора. Городовое правленіе поднесло ему въ знакъ признательности, ружье, нару писшолешовъ и шпагу. На одной спорошъ шпаги было написано: »Миръ 1814 года, « а на другой: »городъ Парижъ Генералу Сакену.« Въ опредѣленіи, на основаніи кошораго эшо

оружіе было поднесено нашему Полководцу, сказано: » что онъ водворилъ въ Парижъ тишину и безопасность, избавилъ его отъ излишнихъ расходовъ, покровительствовалъ присущеннымъ и судебнымъ мѣстамъ, и что жители, благодаря его бдительности, могли предаваться обыкновеннымъ своимъ занятиямъ, и почитали себя не въ военномъ положеніи, но пользовались всѣми выгодами и ручательствами мирнаго времени. « Городовое правленіе, « сказано въ заключеніи опредѣленія, » почитаетъ обязанностію изъявить Генералу Сакену свою признательность за благодѣянія, оказанныя жителямъ. « *) Эпопъ памятникъ Сакенъ поднесъ Московской Оружейной Палатѣ.

Такимъ образомъ совершилось пребываніе Русскихъ въ Парижѣ, которое исполнилъ позднихъ попомковъ благоговѣніемъ къ имени Александра, и во мракѣ вѣковъ будешь сіяшь неувыдаемою славою. Онъ забылъ грабежи и пожары въ

*) № 24-й Приложеній.

Своемъ Царствѣ, уважилъ памяшники враговъ Своихъ, избавилъ Европу отъ военнаго деспотизма, возстановилъ законную власть Царей, возвратилъ двѣсти тысячъ плѣнныхъ, почтилъ даже самихъ воиновъ, сражавшихся въ непріятельскихъ полкахъ, обезпечилъ бышіе и сосшоаніе нашего Своего соперника и вознесъ Россію на такую степень величія, на которой она прежде никогда не бывала. А вы, шорже-спивовашіе въ то время подъ знаменами Александра, развѣвавшимися въ Парижѣ не посреди дыма и пепла, вы, которыхъ уже шакъ не много оспаешя въ рядахъ нашихъ, сколь ушѣшишельно для васъ помышляшь, что это время будетъ навсегда украшеніемъ Исторіи Россіи!

Г Л А В А VII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — МЕНЯНІА ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНИИ. — ГЕТТИНГЕНЪ. — МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — ПРАЗДНИКЪ ВЪ ПАВЛОВСКѢ. — ОТЪЕЗДЪ НА КОНГРЕССЪ ВЪ ВАМУ. — ВАРШАВСКОЕ ГЕРЦОГСТВО. — ВЕНА.

По высупленіи нашихъ войскъ изъ Парижа, я былъ въ нерѣшимости, какимъ образомъ успроишь обратное мое путешствіе въ Петербургъ. Сперва я располагалъ ѣхать въ Англію; но, помышляя, что тамъ надобно быть въ непрерывной дѣятельности для обозрѣнія множесства любопытныхъ предметовъ, которые находяща въ этомъ Государствѣ, опложилъ это намѣреніе: послѣ прехъ походовъ я чувствовалъ необходимость опдыха. Я какъ теперь помню мою радость, когда, оставшись въ Парижѣ одинъ и безъ за-

нашій по службѣ, я съѣлъ въ Тюльерійскомъ саду подъ стѣнь вѣшвисаго дерева, въ увѣренности, что меня никто не пошревожитъ. Это было особеннаго рода наслажденіе послѣ шрехъ чрезвычайно шрудныхъ походовъ, во время кошорыхъ ни одна минуша мнѣ не принадлежала. Пошомъ я думалъ плышь изъ полуденной Франціи въ Ишалію, пошшишь грознаго узника на ошровъ Эльбъ и поклонишья гробу Виргилія. Изъ Ишаліи я хошлъ опшравишья къ ошровамъ Архипелага, взглянушь на Аѣины, Спаршу и Коншаншинополь, и возврашишья въ Россію чрезъ Балканы, не предполагая, что чрезъ пашнадацашъ лѣтъ судьба приведетъ меня по хребту эшихъ горъ съ Россійскими орлами ко врашамъ Визаншіи. Это обольшишельное предначершаніе нѣсколькѣ дней меня занимало; но, опасаясь прошивныхъ вѣшровъ и ошановки въ караншинахъ, я избралъ другой планъ, кошорый хоша менѣ шѣшилъ воображеніе, однако болѣе удовлешворялъ пошребности сердца. Я вознамѣрился ѣхашъ въ незаб-

венный для меня Гештингенъ, а пошомъ моремъ изъ Любека въ Кроншпаль.

Въ исходѣ Мая, я просился съ Парижемъ. Пушь сокращали разговоры съ двумя шоварищами о необыкновенныхъ событіяхъ, кошорыя совершилися предъ нашими глазами, о разныхъ приключеніяхъ въ походахъ, роскошномъ Парижѣ и шорже-спвѣ Россіи. Французскіе военные, съ кошорыми мы дорогою вспрѣчались, смошрѣли на насъ ненависнымъ окомъ. Иначе и бышь не могло. Съ возшановленіемъ Бурбоновъ исчезли мечшы военныхъ о приобрѣшеніи почесшей, богашствъ и славы, кошорыми прежній обладашель льсинилъ ихъ легкомыслію. Эши люди, порождение многолѣшнихъ войнъ, возросшіе въ праздности биваковъ, не знавшіе другаго ошечства, кромѣ своего полковаго шшаба, другихъ ушѣхъ, кромѣ злоупшребленія права сильного, гошovy были, для наполненія пушошы своего сущесшвованія, снова возжечъ пламень всемірной войны. Но едва мы перешали Рейнъ, какъ бы-ли свидѣшелями совсѣмъ иныхъ явленій:

Нѣмцы постигали благодаренія, долженствовавшія послѣдовать ошъ заключенія мира. Блескъ, кошорымъ покрылось Россійское оружіе, и подвиги Александра, избавившаго Германію ошъ ига, были ими въ полной мѣрѣ признаваемы. Они повсюду насъ принимали самымъ радушнымъ образомъ. Названіе Рускаго офицера было тогда леснѣе всякаго громкаго шипла.

Да позволено мнѣ будетъ посвящашъ нѣсколько строкъ признашельности мѣсшу, въ кошоромъ я получилъ образованіе. Я пріѣхалъ въ Гешпингенъ уже поздно вечеромъ, и почши побѣжалъ по городу, гдѣ провелъ шри счастливѣйшихъ года въ шакомъ возрастѣ, кошорый можно назвашъ цвѣшомъ нашего бышя. Каждый домъ, каждое дерево, все говорило мнѣ знакомымъ, привѣшнымъ языкомъ. Случалось мнѣ встрѣчашъ ночную звѣзду на берегахъ Лемана, въ развалинахъ Помпей и на Капинолійскомъ холмѣ; но сколь ни велико было наслажденіе посреди эшихъ классическихъ мѣсшъ, однако же оно уснувало удовольшевю, кошорое я ошу-

щаль ночью, увидя себя вновь посреди уединеннаго Гешпингена. Въ слѣдующіе дни я посѣщилъ Венде, Плессу, Мариенпрингъ. Все въ нихъ сохранило прежній цвѣшущій видъ свой; но я грустилъ, ибо видѣлъ, что измѣнился шолько одинъ я, что прошло уже время независимости, посвященной исключительно наукамъ и природѣ, и что не было уже болѣе вокругъ меня друзей юности, съ которыми здѣсь мы нивали чашу невинныхъ радостей, не вѣдая превращеностей жизни, для насъ тогда покрывшихъ непроницаемою завѣсою. Какъ сильно заблуждающія порицатели Германскихъ университетовъ, представляющіе эти священица Музъ вершениами развраща! Они основываютъ свои сужденія на словахъ путешественниковъ, издавшихъ мимоходомъ студентовъ, которые въ сшранныхъ одеждахъ, съ усами и звонкими шпорами ходягъ по улицамъ; но путешественники, встрѣчая повѣсь, не могутъ видѣшь несравненно большаго числа шѣхъ молодыхъ людей, которые ошь ранняго утра до поздней ночи шуру-

дяща въ своихъ скромныхъ кабинетахъ. Ежели изъ Нѣмецкихъ университетовъ выходятъ юноши безнравственныя, какъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній; по числу ихъ ничтожно въ соразмѣрности съ шѣми, кошорыя съ непоколебимою вѣрностію служатъ своимъ Государямъ и съ просвѣщеннымъ умомъ дѣйствуютъ къ пользѣ общей, въ кругу, для нихъ судьбою назначеномъ.

Неблагопріятный вѣсперъ задержалъ насъ нѣсколько времени въ Травеминдѣ. Здѣсь единственная опрада моя соснояла въ прогулкахъ вдоль песчаного берега моря. Неизмѣримое пространство моря, глухій ревъ раздроблявшихся валовъ и совершенное безмолвіе, царствовавшее повсюду, располагали меня еще болѣе къ помышленію о шумномъ Парижѣ, кошорый я шакъ недавно осшавиль, о золотыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Гешпингенѣ и свѣшлыхъ надеждахъ, предсшавлявшихся тогда для будущности Россіи. Наконецъ распусшили паруса и дня черезъ два мы увидѣли Борнгольмъ, кошорого имя, со

времени Карамзина, сдѣлалось достояніемъ Русской словесности. Финскій заливъ былъ усѣянъ кораблями; великое число ихъ свидѣтельствовало объ оживленіи шорговли.

Государь, проживъ въ Лондонѣ съ 26го Мая по 10^е Іюня, возвратился въ Россію чрезъ Голландію, Кобленцъ, Карлеруте, Лейпцигъ и Франфуршъ на Одеръ, путешествуя, для избѣжанія всякихъ нарядныхъ встрѣчъ и пріемовъ, подъ именемъ Генерала Романова. Онъ прибылъ въ Пешербургъ 6го Іюля, послѣ полушорогодичнаго отсутствія, и черезъ нѣсколько дней, окруженный Генералами, вмѣстѣ съ Нимъ подвизавшимися, ѣхалъ верхомъ въ Казанскій Соборъ, служивъ благодарственный молебенъ. Безчисленное множество поданныхъ шло вокругъ обожаемаго Монарха, Кошорый первый, послѣ Петра Великаго, лично предводилъ войсками; а когда Онъ преклонилъ колѣна, що казалось, что добрая, ангельская душа Его парила къ небесамъ. Вскорѣ прибыла гвардія и начались праздники.

Самый примѣчательный изъ нихъ былъ въ Павловскѣ, гдѣ на опкрышомъ воздухѣ актеры предсавляли различныя дѣйствія, ошносившіяся до минувшей войны. Послѣ пешпра данъ балъ, а пошомъ ужинъ, пригошовленный въ палаткѣ, на кошорой большими, ярко освѣщенными буквами было написано: »Побѣдишелямъ.« Во время шпола пѣли сочиненную Г. Лобановымъ пѣсню :

Ѣздилъ Русской Бѣлый Царь
Изъ своей земли далеко,
Злобу поражашь.

Пѣсня была принята военными съ вошпоргомъ, изъявленнымъ рукоплесканіями и шребованіемъ, чшобы ее повшорили.

31го Августа я получилъ приказаніе опсправиться въ Вѣну, гдѣ назначался Конгрессъ для общаго примиренія Европы. Въ Пешербургской и Псковской губерніяхъ, чрезъ кошорыя я ѣхалъ, не было никакихъ пригошовленій для приема Государя; но далѣе я встрѣчалъ на каждой почшѣ дворянскихъ предводишелей и гражданскихъ чиновниковъ, и находилъ объды

и завшраки, на которые временные хозяева приглашали меня самым учтивым образом. Казалось, будто въ привѣтствіяхъ ихъ слышны были слова: »забудьше прошедшее.« Въ Вишебскѣ собралися вокругъ меня люди разнаго званія; на вопросъ мой: »Много ли жишелей вышло изъ города при приближеніи непріятеля?« одинъ молодой купецъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на споявшихъ вблизи Евреевъ и Поляковъ, ошвѣчалъ съ жаромъ: »Ни одинъ Русской въ то время въ городѣ не оставался.« Вскорѣ я переѣзжалъ чрезъ Березину, кошорую мы шакъ часпо разсмашривали на каршѣ въ Тарушинскомъ лагерѣ, полагая, что на эшой рѣкѣ должны кончиться бѣдешвія Россіи. Вообще отъ Двины до Нѣмана рѣдкій городъ не ознаменованъ какимъ-либо происшествіемъ опечесшвенной войны. Если Лаціумъ и Целопонисъ причисляюся къ классическимъ спранамъ, то почему шакимъ же названіемъ не почнишь края, гдѣ Россія боролась въ Европою? Преданіе о эшой войнѣ, какъ драгоцѣнное наслѣдство,

должно переходить изъ рода въ родъ; и если бы когда нибудь облака помрачили горизонтъ Россіи, то пусть попомки, освѣжа въ своей памяти событія роковаго года, воскресящъ славу нашего опечесшва!

Сенаторъ Новосильцовъ ожидалъ прибытія Государя въ Брестъ-Литовскомъ, чшобы предваришъ Его Величешво о посланныхъ Варшавскаго Герцогешва, османовившихся въ мѣсечкѣ Бѣломъ, гдѣ они между собою поссорились за то, чшо не соглашались, кому изъ нихъ привѣшшвовашъ Императора. Жишели Герцогешва, съ кошорыми я имѣлъ случай дорогою разговаривашъ, ожидали съ нешерпѣніемъ опредѣленій Конгресса, полагая навѣрное, чшо опечешво ихъ будетъ возобновлено. Какъ побѣжденные, они не имѣли на то никакихъ правъ. Даже и въ шакомъ случаѣ, ежели бы Конгрессъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность возобновить полишическое бышіе разныхъ народовъ, ушрашившихъ его со времени Французской революціи, то многіе изъ нихъ имѣли на то большія права, нежели Польша;

накъ напрымърѣ Венеціанская и Генуэзская республики, издревле славныя въ наукахъ, художестввахъ и шорговлѣ, или Кавалеры Мальшійскаго Ордена, кошораго Ишорія, въ печеніе семи вѣковъ, украшалась полезными для всѣхъ Христіанскихъ народовъ подвигами добродѣтели и храбросни. Чшо касаетсѣ до шого обшпашельсшва, будшо бы раздѣль Польши нарушилъ полишическое равновѣсіе Европы, шо и эшо несправедливо. Съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка, положеніе всѣхъ Державъ измѣнилось. Однѣ лишились своей независимосши, другія ослабѣли, иныя расшросшранили предѣлы свои, и возшановленіе равновѣсія въ шакомъ видѣ, какъ оно сущесшвовало до революціи, сдѣлалось шеперь одною мечшою, а раздѣль Польши, — гнѣзда вѣчнаго раздора и междоусобій, — полишическою древносшію, не имѣющею болѣе ни малѣйшей пракшической важносши.

Дорогу по Галлиціи и Моравіи можно уподобишь прогулкѣ. Красивыя мѣсшоположенія начинающѣ ошъ Біерска и про-

должающа до самой Вѣны. Мудрое Австрийское правительство благодѣшествоваше спранамъ, ему подвластнымъ, и вездѣ видны слѣды благоразумныхъ законовъ, кошорыхъ неприкосновенность ограждаешя коллегіальными обрядами. 12го Сентября я прѣехалъ въ Вѣну и поселился въ Императорскомъ дворцѣ, гдѣ заспалъ все въ большой суматохѣ, подобно тому, какъ въ часномъ домѣ наканунѣ какого нибудь пиршества. Въ это время были уже въ Вѣнѣ болѣе семидесяти особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ; многія изъ нихъ жили во дворцѣ. Въ его длинныхъ корридорахъ и огромныхъ залахъ встрѣчались лица всѣхъ Европейскихъ спранъ, слѣдовательно говорящія на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ возможныхъ мундирахъ, такъ что въ первые дни это казалось наспоющимъ маскарадомъ: только не доставало Папы и Султана.

ГЛАВА VIII.

Привѣдъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. — Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Различныя требованія на Конгрессѣ. — Представленіе Принцевъ. — Взглядъ на Конгрессъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса. — Слова Государя о границахъ Россіи. — Чиновники при Государѣ. — Баронъ Штейнъ.

13го Сенсября громъ пушекъ возвѣстидъ прибытіе Государя. Комнашы, назначенныя для Его Величешва, были наполнены вельможами Авспрійскаго Двора и иношранцами, желавшими увидѣшь Мнрошворца Европы. По знашности фамилій вельможъ и пріемамъ ихъ, легко было можно заключишь, что они принадлежатъ къ древнѣйшему Двору Европы. Авспрія шакое Государешво, въ кошоромъ менѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ, дѣйшвовадь духъ нововведеній; шамъ спаринныя

дворянскія фамиліи » умъ и душа народа, « пользующаясь особеннымъ уваженіемъ, справедливо смятанымъ на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, и испинно барскимъ образомъ жизни въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ они проводятъ большую часть года.

Тутъ же присуществовали Великія Княгини Марія Павловна и Екашерина Павловна. Принцъ де Линь сказалъ: » Великая » Княгиня Марія привязываетъ къ себѣ » сердца, а Екашерина беретъ ихъ при » сшупомъ. « При Ихъ Высочествахъ находились посланники наши, Графъ Головкинъ и Ханьковъ. Первый извѣстенъ по сольствомъ въ Кашай, а второй сочинялъ прекрасные стихи на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Такъ въ Римѣ, въ царствованіе Августа, вельможи владѣли съ шакою же легкостію Греческимъ языкомъ, какъ и своимъ природнымъ.

Генераль Жомини предспавиль меня Принцу де Линь, вкусу и дарованіямъ кошораго Европа ошдавала справедливосшь болѣе пятидесяти лѣтъ. Но я видѣлъ въ немъ, шакъ сказашъ, ошашки шого нео-

быкновеннаго человѣка, кошорый былъ душею общества Екашеринны и Фридриха, Маріи-Аншуганешы и Юсифа, и кошорый для Русскихъ оспанешся незабвеннымъ, пошому что, постигнувъ геній Великой Законодательницы Россіи, онъ изобразилъ его съ благоговѣніемъ подданнаго и безпристрастіемъ иностранца. Видъ его шоль важень, что я, не знавъ его, спросилъ: »Кшо эшошь спарець?« — Ему тогда было около восьмидесяти лѣтъ; онъ былъ росшу высокаго, имѣлъ уша красно-рѣчивыя, глаза бышрые. Говоря съ нимъ о пребываніи его въ Россіи, я мысленно переносился во дни плаванія Екашеринны по Днѣпру, и воображалъ, какъ Она, съ высокихъ горъ Тавриды, показывая на страны, воспѣшья Овидіемъ и увѣковѣченныя именованіемъ Ифигеніи, говорила Принцу де Линь: »Эшошь берегъ Чернаго моря я жалую вамъ.« Я сдѣлалъ ему нескладное привѣщешвіе, по Французски, пошому что мнѣ спрашно было объясняшься съ нимъ на шомъ языкѣ, на кошоромъ онъ бесѣдовалъ съ Жанъ-Жакомъ

и Вольперомъ. Примѣняя мое замѣшательство, онъ началъ говорить о нашей словесности. »Россія непосижима!« сказалъ онъ, »Ломоносовъ и Державинъ соединяющъ съ Европейскимъ образованіемъ понятія восточныхъ народовъ, а сочиненія Шувалова, Головкина и Уварова спояшъ на ряду съ произведеніями лучшихъ Французскихъ писателей.« Ошъ ешихошворцевъ рѣчь перешла къ прозаикамъ, и Принцъ де Линь, узнавъ ошъ Гемерала Жомини, что я писалъ исторію прошедшей войны, просилъ, съ свойственною ему вѣжливосшію, позволенія перевести ее на Французскій языкъ. »Эшо лучшее средство прославишь мое сочиненіе,« ошвѣчалъ я.

Вскорѣ объявили о прибышій Государя во дворець, и какъ Принцъ де Линь былъ Капшаномъ гвардіи, шо нашъ разговоръ прервался, и онъ занялъ мѣшо свое во фронтѣ. Сперва шли Императоры Александръ и Францъ, пошомъ Король Прусскій вель обѣихъ Великихъ Княгинь, а позади ихъ слѣдовали прочіе Короли и

Принцы, между копорыми находился и Эрцгерцогъ Карль. Нѣкогда защитникъ Германіи, онъ посвятилъ попомъ свои досуги описанію походовъ, пославившихъ его въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, на ряду съ отличнѣйшими полководцами. Онъ художавъ и невысокъ ростомъ, какая-то задумчивость видна въ глазахъ его. Когда Монархи вошли во внутреннія комнаты, то насъ пригласили къ роскошному столу Гофмаршала.

Въ печеніе всего Сентября мѣсяца, безпрестанно пріѣзжали на Конгрессъ Владѣтельные особы, Послы и Министры Державъ, депутаты вольныхъ городовъ и Республикъ, и лица съ полномочіями разнаго рода. Явилось шакже большое число банкировъ, художниковъ, лихеращоровъ, прожекщеровъ и путешешвенниковъ, привлеченныхъ въ средоточіе тогдашняго политическаго міра видами честолюбія и корысти, или просто любовнышесвомъ. Всѣ между собою знакомились, дѣлали другъ другу взаимныя посѣщенія, заводили связи. Слабѣйшіе спа-

ралась частнымъ образомъ и побочными пушями склоняшь заблаговременно голоса въ свою пользу; между шѣмъ какъ Державы, имѣвшія спопысячныя арміи въ подкрѣпленіе своихъ шребованій, спокойно ожидали опкрышія засѣданій. Желанія, надежды и шребованія Кабинетовъ и лицъ были споль же различны, какъ и самыя выгоды каждаго изъ нихъ. Всѣ шеперь думали найши благопріятный случай для вознагражденія своихъ пошеръ, шѣмъ болѣе, что при началѣ Конгресса, и даже довольно долго въ продолженіе его, многіе не имѣли опредѣлишельныхъ понашій о его сущности и назначеніи, и ошибочно полагали, что Конгрессъ былъ верховнымъ судилищемъ во всѣхъ дѣлахъ Европы вообще. Однимъ было нужно расширение границъ, другіе шолько просили о возвращеніи прежнихъ правъ своихъ и вѣковаго своего достоянія. Земли, кошорыя въ послѣдніе годы ушрапили свое самоспояшельное сущесшвованіе, и Монархи, лишившіесе прешоловъ, или почипавшіе права владѣнія своего не довольно швер-

дыми и основательными, присылали, судя по возможности, явныхъ или тайныхъ предсавишелей. Въ то время какъ Россія предъявляла требованія на Варшавское Герцогство, Пруссія на Саксонію, а Австрія на верхнюю Италію, Женевская Республика домогалась опть сосѣдняго ей Швейцарскаго Кантона нѣсколько десятииъ виноградниковъ. »Въ чемъ заключаются приязанія Ганзеатическаго Союза?« спросилъ я у Сенатора Шмина, уполномоченнаго опть шрехъ вольныхъ торговыхъ городовъ Бремена, Гамбурга и Любека. Онъ опвѣчалъ: »Кольбернъ, предлагая Французскимъ купцамъ покровишельство, желалъ знашь, чѣмъ онъ можетъ бышь имъ полезенъ? Они сказали ему: не мѣшайшесь въ наши дѣла.«

Талейранъ, кошорый здѣсь за нѣсколько лѣтъ, бывъ Министромъ иноспранныхъ дѣлъ шоржесшвовавшаго надъ Австрією Наполеона, предписывалъ законы, явился одинъ изъ послѣднихъ, съ лицомъ, на кошоромъ начертано было, что онъ сошарлся въ чрезвычайныхъ переворотахъ,

научившихъ его ничему не удивляясь. Въ это время прибыла также Императрица Елисавета Алексеевна, украшавшая престолю совершенствомъ женскихъ добродѣтелей. День Ея прїезда былъ праздникомъ для Вѣнскихъ жишелей; но мы, Русскіе, выдавшіе Ее вблизи, врядъ ли будемъ въ состояніи выразить шѣ чувства, которыя мы къ Ней питали. Коронованнымъ Главамъ и Полномочнымъ Посламъ Государь давалъ каждому порознь прїемныя аудіенціи, а для прочихъ Принцевъ крови назначенъ былъ день, въ который ихъ пригласили всѣхъ вмѣстѣ. Число ихъ было шакъ значительное, что они едва помѣстились въ довольно просторной залѣ. Смошря на нихъ въ этотъ день, я подумалъ, что почти всѣ они за нѣсколько лѣтъ шолпились шакимъ же образомъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, во время правленія Наполеона, что ихъ войска, присоединенныя къ Французскимъ, разоряли Россію, и что они сожигали домашныя огни и праздновали, когда получали извѣстія о взятіи непріятелями

Смоленска и Москвы. Эта мысль такъ сильно мною овладѣла, что я дѣлалъ довольно лаконическіе отвѣты, когда нѣкоторые изъ Принцевъ обращались ко мнѣ съ привѣщешвіями. Видъ подобоспращенія, съ какимъ они вперяли взоръ на дверь, изъ кошорой надобно было выйти Государю, въ рукахъ Кошораго шеперь была ихъ судьба, служилъ доказательствомъ благоговѣнія, исполнявшаго ихъ къ Его Особѣ.

Когда кончилась повѣрка полномочій, открылись засѣданія Конгресса. Его цѣль состояла только въ томъ, чтобы, дополнивъ спашь мирнаго договора, заключеннаго въ Парижѣ, 18го Мая, возстановить поправленное политическое равновѣсіе. Предварительно разсуждаемо было, какимъ образомъ вести переговоры, потому что въ каждомъ изъ прежде бывшихъ Конгрессовъ, начиная съ Мюнхенскаго и Оснабрюкскаго, дѣла производились особеннымъ порядкомъ. Для этого положили, чтобы Конгрессъ состоялъ изъ уполномоченныхъ отъ восьми Державъ, подни-

савшихъ Парижскій миръ. Сіи лица въ нужныхъ случаяхъ имѣли право совѣщашься съ уполномоченными прочихъ Государствъ, не учасшвовавшихъ въ мирномъ договорѣ 18го Мая. Такимъ образомъ составилъ Комитетъ, названный Комитетомъ *восьми*, кошорый, немедленно назначивъ при комиссеіи: одну для сочиненія Союзнаго акта Германіи, другую для дѣль Италіи, а шрешью для дѣль Швейцаріи, занялся рѣшеніемъ самаго важнаго вопроса, а именно: какими началами руководстввовашься въ опредѣленіи границъ каждаго Государства? Нельзя было возвращишься къ шому положенію, въ кошоромъ Державы находились прежде Французской революціи, пошому что завоеваніями, ушпунками и мирными договорами Люневильскимъ, Аміенскимъ, Тильзитскимъ, Пресбургскимъ, Шенбрунскимъ и другими, предѣлы всѣхъ Государствъ измѣнились; а нисровергнушь все, сдѣланное въ продолженіе двадцаши лѣтъ, было шолько же невозможно, какъ и възсшановишь шо, что врежде сущесшвовало.

И такъ, за лучшее признали, соорудить новое политическое зданіе, раздѣливъ земли, отторгнушыя отъ Франціи, какъ то: Варшавское Герцогство и многія области въ Германіи и Италіи, копорыя прежде принадлежали Французской Имперіи, и копорыхъ населеніе превышало шридесятъ одинъ милліонъ жителей. Въ этомъ заключались важнѣйшія занятія Конгресса. Онъ былъ менѣе продолжителенъ, нежели Мюнстерскій и Утрехтскій, и утвердилъ за Россією Царство Польское, возстановилъ Монархіи: Австрійскую, Прусскую, Неаполитанскую и Сардинскую, основалъ Нидерландское Королевство, опредѣлилъ почныя границы различнымъ владѣтелямъ Нѣмецкой земли и Италіи, составилъ Союзный актъ на развалинахъ Германской конфедерации, даровалъ шаконный же Швейцаріи, и наконецъ, не упоминая о многихъ вшороспешенныхъ мѣроположеніяхъ его, положилъ основаніе къ уничтоженію поспыднаго шорга Африканскими невольниками.

Легко вообразишь, что предшавишнелами различныхъ Государствъ были избраны люди съ отличными способностями, или по крайней мѣрѣ такіе, копорые почитались за умнѣйшихъ. Русскіе Полномочные были не что иное, какъ исполнители предначертаній Александра, Копорый вообще Своею славою обязанъ только одному Себѣ. По природнымъ дарованиямъ, образованію и проницательности, Александръ споялъ на несравненно высшей степенн, нежели всѣ, Его окружавшіе. Нравственное Его превосходство было признано ими безусловно. Перемена, происшедшая въ Его характерѣ со времени опечесшвенной войны, была очевидна. Ошбросивъ прежнюю къ Себѣ недоувѣрчивость, Онъ сдѣлался швердъ и предпримчивъ. Въ опношеніи къ чужестраннымъ Державамъ, Его положеніе было безпримѣрно: воспоржесшвовавъ надъ ними силою, Онъ попомъ явился примирителемъ ихъ. Враги Его, увѣренные въ Его правосудіи, избирали Его посредникомъ; а за безкорышіе Его ручались

самыя выгоды безпредѣльной Имперіи Его, для коной всякое излишнее распрощраненіе было вредно. » Эшимъ счастливымъ » положеніемъ границъ нашихъ, « сказалъ мнѣ однажды Государь, » обязаны мы Про- » мыслу Божію, Кошой пославилъ Рос- » сію въ такое соснояніе, что ей не нуж- » но новыхъ приобрѣшеній. По сему она » имѣешь безприспращный голосъ въ по- » лиическихъ дѣлахъ Европы, подобно » какъ въ часномъ бышу человекъ, кошо- » рому не оспашеся ничего желашъ, всег- » да бывашъ ошкровеннѣе и призывашся » другими въ посредники. Эшо, « продол- » жалъ Имперашоръ, » дало намъ большой » перевѣсъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ и въ » Парижѣ, какъ во время перваго, шакъ » и вшораго нашего шамъ пребыванія. « *)

*) *Примчаніе.* Слова сіи сказаны были во грема одного, весьма любопышнаго разговора, кошой мною въ пошъ же день былъ записанъ, шочно въ пошъ видѣ, какъ онъ происходилъ. На возвратномъ пути изъ Варшавы, въ 1816 году, Государь оспановился для обѣда на станціи Клейнъ-Пунгеръ, не далеко отъ Дерпша. За споломъ насъ было шрое: Его Величество, Князь Пешръ Михайловичъ Волковской и я. Имперашоръ спросилъ меня, поравился ли мнѣ видъ Чудскаго озера, мимо кошораго мы шолько что проѣхали? Я ошвѣчалъ, что оно привело мнѣ на память древніе предѣлы Россіи. — » Признайся, « возразилъ Госу-

Въ зашруднишельныхъ случаяхъ, гдѣ полномочные Государя встрѣчали прошиворѣчія, Онъ лично вель переговоры не шолько съ Монархами, но и съ Минисшрами, копорые проводили съ Нимъ наединѣ въ кабинетѣ по нѣскольку часовъ въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ случалось неоднократно приглашанъ къ Его

дарь, « что съ шѣхъ поръ границы наши поразширились. Я не знаю, « продолжалъ Онъ, « Государства, копорое бы имѣло споль выгодныя границы. Возьмемъ опть самаго Сѣвера. Бошническій заливъ ешь непреодолимая спѣна, и въ окрешносняхъ Ториео нападеній боольшя намъ не должно, попому что памъ ходягъ один оленъ и Лапладцы. Мысль Петра Перваго была, чтобы имѣть гранацею Бошническій заливъ, но ему не удалось привесши ее въ исполненіе. Обспояпельства заставили насъ веспи войну со Шведами, и завоеваніе Филладіи имѣло уже для Россіи величайшую пользу. Безъ него, въ 1812 году, не могли бѣ мы, можешъ бышь, одержашъ успѣха, попому что Наполеонъ имѣлъ въ Наслѣдномъ Шведскомъ Принцѣ своего подручника, копорый, находясь въ плши маршахъ опть нашей сполпцы, немилуемо быль бы приужденъ соединивъ свои силы съ Наполеоновыми. Наслѣдныи Принцъ нѣскольку разъ мнѣ эшо сказывалъ, и присовокупилъ, что онъ имѣлъ опть Наполеона предписаніе объявивъ Россіи войну. Однако же Принцъ зналъ, что хоша мы и могли имѣть въ войнѣ неудачу, но что чрезъ нѣскольку лѣтъ мы оягъ бы воспали, или по смерти Наполеона, или при перемѣнѣ обспояпельствъ, и, укрьпясь собспвенными силами своими, опшомспили бы Шведамъ. Что касается до Турціи, шо, по многимъ соображеніямъ, а особенно по безсялію, въ копоромъ она теперь находилъся, она ешь для насъ самый безопасныи, а попому наилучшій сосѣдъ. Теперь взглянемъ на нашу Европейскую или западную границу.... »

Величеству Герцога Веллингтона, Лорда Касшелъре и Князей: Талейрана, Гарденберга, Мешшернаха и другихъ знаменишыхъ дипломашовъ, и слышашъ изъ ближней комнашы продолжишельныя и громкія ихъ пренія, послѣ кошорыхъ эши господа выходили иногда съ пламенными лицами. Сверхъ того, изо всѣхъ Монарховъ, находившихся въ Вѣнѣ, одинъ Государь шолько сочинялъ Самъ дипломашическія номы о важныхъ предмешахъ, о кошорыхъ совѣщались на Конгрессѣ. Онъ былъ шолько же краснорѣчивъ и убѣдишеленъ на бумагѣ, какъ и на словахъ. Россія не забудетъ, что въ роковое для Европы время, она имѣла Царя, Кошорый на ранномъ полѣ являлъ великія доблести, а въ Европейскомъ Ареопагѣ, гдѣ надлежало разсѣчь новый Гордіевъ узелъ, удержавъ за Собою первеншвуюющее мѣсто, не спрашился возраженій искушенѣйшихъ Государешвенныхъ мужей Своего вѣка и шоржешшвовалъ надъ ними не силою, пошому что она была здѣсь неумѣшна, но убѣжденіемъ и превосходешвомъ Своихъ умешвенныхъ способностей.

Уполномоченные съ нашей стороны на Конгрессъ были: Князь Разумовскій и Графы Сшакельбергъ и Нессельроде. Сверх того при Государѣ находились слѣдующіе лица: Генераль-Адьюшаншы: Уваровъ, Князь Волконской, Баронъ Жомини, Графъ Ожаровскій, Князь Трубецкой, Голенищевъ-Кутузовъ и Чернышевъ; Флигель-Адьюшаншы: Брозинъ, Панкрашевъ и Киселевъ; для гражданскихъ дѣлъ, Сшасъ-Секретарь Марченко. Кромѣ шрехъ главныхъ уполномоченныхъ, Императоръ употреблялъ шакже для разныхъ дипломатическихъ дѣлъ: Генерала Поццо-ди-Борго, Барона Аншшеша и Графа Каподишпрія, и имѣлъ особенную довѣренность къ одному изъ первыхъ Государственныхъ людей нашего вѣка, Барону Шшейну, соединившему съ классическимъ образованіемъ необыкновенныя умшвенныя способности. Онъ не былъ шогда въ службѣ ни одной Державы, носилъ Прусскій мундиръ, нашу Андреевскую леншу, имѣлъ домъ въ Прагѣ, а помѣшья въ Нассаускомъ Герцогствѣ. Послѣ паденія Пруссіи и порабощенія

Германіи, Шпейнъ былъ главою шайныхъ обществъ, кошорыя шамъ соснавились для низложенія владычества Французовъ. Раздраженный его поспунками, Наполеонъ объявилъ его врагомъ всеобщаго спокойствія, присвоилъ себѣ имѣнія его и приказалъ предать его военному суду; но Шпейнъ скрылся сперва въ Австрію, а потомъ въ Россію. По изгнаніи непріятелей изъ предѣловъ нашихъ, онъ находился въ главной квартирѣ Государя, а послѣ Лейпцигскаго сраженія управлялъ занятыми союзными войсками землями, коихъ владѣтели не хотѣли добровольно участвовать въ освобожденіи Германіи, и шѣми обласіями, о кошорыхъ не определено еще было, кому онѣ должны были принадлежать. Происходя онъ одного изъ самыхъ древнихъ родовъ Нѣмецкой земли, ибо о предкахъ его упоминается въ царствованіи Карла Великаго, всѣ желанія свои успрямлялъ онъ къ одной мысли: видѣшь свое ошечество поржесшующимъ, а Францію униженною. »Рейнъ ешь рѣка »Германіи, а не граница ея«, говаривалъ

онъ часно. Сколь ни возвышенны были его умъ и дарованія, сколь ни безпредѣльна была его дѣятельность, но ненависть его къ Наполеону и желаніе возстановить Германское опечесство, ни съ чѣмъ сравниться не могли. О какомъ бы предметѣ онъ ни говорилъ, но каждый разъ склонялъ рѣчь на то, чтобы ослабить Францію. Его совершенно было можно уподобить Кашону, швердившему о разрушеніи Карагена.

Г Л А В А IX.

Праздникъ въ Аугартенъ. — Поля сраженій при Аспернъ и Ваграмъ. — Обѣдъ въ Энциерсдорфъ. — Шенбрунъ. — Римскій Король. — Праздникъ въ Пратеръ. — Обѣдъ въ домѣ Графа Раву-
мовскаго.

23го Сеншября давали въ шакъ называемомъ Аугартенѣ праздникъ въ честь инвалидовъ. Множесство каретъ и пѣшеходовъ покрывало улицы, ведущія къ саду, на ворошахъ кошораго, по повѣленію Императора Юсифа, помѣщена слѣдующая надпись: »Мѣсто, посвященное народу по-
» чинашедемъ его.« Монархи, Принцы и весь Дворъ находились въ нарочно приго-
швленной для нихъ бесѣдкѣ. Инвалиды, кошорые въ Австріи имѣющъ особенный мундиръ, открыли праздникъ. Они проходили мимо царской бесѣдки по два въ рядъ и сѣли въ концѣ аллеи за длинные столы,

поспавленные около профеевъ, на верху кошорыхъ играли музыканшы. Пономъ бѣгуны и вольшижеры показывали искусство свое въ печеніе часа; а когда смерклось, шо Дворъ ошправился смонрѣшь обѣдъ пресшарѣлыхъ воиновъ, кошорые привѣшсшвовали Монарховъ громкими восклицаніями. Послѣ фейерверка намъ надлежало проходитьъ сквозъ вороша, посшроенныя на подобіе Бранденбургскихъ въ Берлинѣ. Мы едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли колонну, кошорую предполагали воздвигнушь въ Москвѣ изъ непріяшельскихъ орудій. Пушки были посшавлены одна на другую, а внизу находилось грудное изображеніе Государа, вѣчаемаго небѣдою. Не знаю, какими глазами иностранцы смонрѣли на эшонъ смолтъ, пошому что все Европейскія Державы способсшвовали къ доспавленію машеріаловъ для него. Императрица и Великія Княгини, недалеко ошь кошорыхъ я смонрѣлъ, были шронушы: я жалѣлъ, что шемноша вечера не позволяла мнѣ видѣшь въ эшу минушу лице Александра.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ этого праздника, Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ Государю обозрѣшь поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ. Намъ соупоменовали двое Русскихъ Генераловъ, Чернышевъ и Графъ Вишшъ, которые въ 1809 году находились при Наполеонѣ. Они рассказывали о дѣйствіи Французской арміи, а между нѣмъ Эрцгерцогъ говорилъ о движеніяхъ своихъ войскъ: такимъ образомъ раскрывалось предъ нами то, что происходило съ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Сперва мы поѣхали въ Аспернъ, гдѣ едва Французская армія не погибла. Какъ въ военной исторіи не была извѣсна причина, почему Эрцгерцогъ, послѣ уничтоженія мостовъ на Дунаѣ, не довершилъ пораженія своихъ непріятелей, но я чрезвычайно былъ любопышенъ знать, какимъ образомъ онъ объяснилъ это обстоятельство. Наконецъ я услышалъ, что Государь, какъ будто невзначай, предложилъ ему объ этомъ вопросъ. Эрцгерцогъ отвѣчалъ: » что онъ имѣлъ недоуспашокъ въ снарядахъ. « Ошвѣштъ не всѣмъ

показался удивительнымъ, и многіе осмѣлились при шомъ мнѣнии, что Австрійскій полководецъ не воспользовался побѣдою, пошому что онъ не воображалъ, до какой степени Французская армія была разспроена. При эшомъ случаѣ Генераль Жюмини разсказалъ мнѣ, что Наполеонъ, разговаривая съ нимъ послѣ Эслингенскаго сраженія, произнесъ слѣдующія слова: »Всякому кадешу извѣстно, что »нельзя переходить Дунай безъ большой »пошери въ виду ста двадцатиштысячной »непріятельской арміи; но я зналъ въ »спеченіе пятнадцати лѣтъ моего про»шивника.« Французы обязаны спасеніемъ своимъ какъ эшому заблужденію Эрцгерцога, такъ равно и ошчаянной храбрости Массены, кошорый со шпагою въ рукахъ, ше на лошади, шо пѣшкомъ, ободрялъ солдатъ, бранилъ непріятелей и кричалъ, что они не осмѣляшся преслѣдовашъ ихъ. На полѣ шлоишъ дерево, близъ кошораго Наполеонъ, увидѣвъ раненаго Маршала Ланна, началъ ушѣшашъ шариннаго своего сподвижника. Ланнъ, въ уста кошораго

Французскіе писатели влагають красно-рѣчивыя слова, просио ошвѣчалъ Наполеону, чшобъ онъ оспавиль его въ покоѣ и помышлялъ бы шолько о средсвахъ извлечь армію изъ шого ужаснаго положенія, въ какое онъ ее ввергнулъ. Когда мы подѣхали къ берегу Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку, чшобы переправинься на ошровъ Лобау, шо произошло внезапно общее между нами молчаніе. Невольно предаешья размышленію въ шѣхъ мѣсцахъ, гдѣ исполнилась или могла рѣшнись судьба великихъ происешивій. Государь прервалъ молчаніе, сказавъ: »Какой человекъ! онъ поручаешъ погибающую армію Массенъ, а самъ ѣдешъ ошдыхашъ и проводишь ночь въ крѣпкомъ снѣ.«

Осмошрѣвъ поле сраженія при Аспернѣ, мы прибыли около полудня въ Энцердорфъ, гдѣ былъ пригошовленъ роскошный обѣдъ. Предъ шоломъ, мы, Русскіе, разговаривали между собою. Государь, замѣняя, чшо мы шояли поодаь всѣхъ, подошелъ къ намъ и сказалъ: »Обращай-

» шесть какъ можно вѣжливо съ иностранцами; надобно имъ показашь, что мы не медвѣди, « Выпивъ за здоровье Эрцгерцога Карла, мы поѣхали въ Ваграмъ, гдѣ Наполеонъ, не взирая на выгодное мѣстоположеніе Австрійцевъ, явилъ во всемъ блескъ свои необыкновенныя способности. Эрцгерцогъ говорилъ объ нихъ безъ всякаго лицепріятія, какъ мужъ, цѣнящій высокое достоинство своего соперника. Онъ являлъ скромность, приносящую ему шѣмъ болѣе чести, что на этихъ поляхъ онъ былъ побѣжденъ, хотя впрочемъ пораженіе при Ваграмѣ не помрачило его славы. Въ пять часовъ мы пріѣхали въ Дейчъ-Ваграмъ, гдѣ нашли ожидавшія насъ придворныя коляски, въ которыхъ мы возвратились въ Вѣну прекраснѣйшимъ осеннимъ вечеромъ.

3го Октябрия насъ пригласили въ Шенбрунь, загородный дворецъ, отстоящій отъ Вѣны верстахъ въ шрехъ. Въ саду, на горѣ, построены храмъ славы, нѣкогда любимое мѣсто Маріи-Терезіи, откуда она обозрѣвала свою столицу и ея

окрестности. Подъ меня споялъ какой-то въжливый Камергеръ, кошорый называлъ мнѣ по именамъ присуществовавшихъ шунъ госшей, кошорыхъ я не зналъ: »Вошъ » Принцъ Альбани,« сказаль онъ. — » Неужели,« спросиль я, » другъ Винкельмана?« — » Онъ самый,« ошвѣчалъ Камергеръ, » и прекрасная Вилла Альбани ему принадлежишъ.« Я подошелъ къ Принцу. Онъ говорилъ мнѣ о Винкельманѣ, кошорый жилъ въ его домѣ, рассказывалъ много подробностей, касающихся до великаго писателя, и бесѣдуя объ изящныхъ искусствахъ и Римѣ, мы едва не забыли, что находились посреди самаго блестящаго обществва въ свѣшъ.

Шенбрунскій дворецъ являлъ картину непосредствва и превращенности счастья. Въ немъ живаль Наполеонъ, послѣ двухрашнаго покоренія Вѣны, въ немъ подписаль онъ въ 1809 году миръ, по силѣ кошораго Австрія уступила ему просшранныя обласши, населенныя болѣе нежели шрема милліонами жишелей, и въ эшомъ самомъ дворцѣ помѣстили во

время Конгресса, сына Наполеонова. Я просилъ позволенія видѣшь ребенка, кошораго режденіе, воснѣшное и празднованное во всѣхъ часяхъ свѣша, казалось залогомъ прочнесши новой полишической сисшемы, и кошорый, едва вышедъ изъ колыбели, уже сдѣлался игралищемъ судьбы. Меня повели въ комнашу, небогато убранную. Посреди ея стояли шри женщины въ черныхъ плашьяхъ. Одна изъ нихъ, госпожа Моншескью, держала за руку малюшку, имѣвшаго тогда чешыре года ошъ роду. Густые бѣлые волосы, надавшіе локонами на плеча, осыняли прекрасные голубые глаза его и милovidное лице, кошораго бѣлизна увеличивалась ошъ черной гусарской куршки, украшенной звѣздою почешнаго легіона и шремя небольшихъ орденами, учрежденными ошцемъ его. Онъ любилъ посѣщенія военныхъ и со вниманіемъ осмашривалъ мой мундиръ и шагу. Воспншашельница его сказывала мнѣ, что онъ часто швердилъ о Фоншенбло и Рамбулье, и всякой день спрашивалъ о своемъ папенькѣ. Его окружали

исключительно Французы; Нѣмцевъ при немъ не было. Минувъ черезъ десять послѣ меня, вошло къ нему нѣсколько Англичанъ, кошорые начали дѣлать нескромныя вопросы, и я удалился.

Воспоминаніе Лейпцигскаго сраженія праздновали 6го Октября въ Прашерѣ обѣдомъ, за кошорымъ находилось придцашъ тысячъ войскъ. Они сперва проходили церемоніальнымъ маршемъ. Государь, по приближеніи гренадерскаго Своего имени подка, шалъ впереди перваго взвода, обнажилъ шпагу и отдавалъ честь Имперашору Францу, что приняно было Вѣнскими жителями съ большимъ удовольствіемъ, ибо никто этого не ожидалъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіе парада не оплучался ошъ своего кирасирскаго полка, командовалъ имъ на Нѣмецкомъ языкѣ и также салюшовалъ Австрійскаго Имперашора. По окончаніи угощенія, народъ разсѣялся по Прашеру, кошорому нѣтъ подобнаго въ Европѣ. На этомъ прекрасномъ гуляньи каждой почти день гремишъ музыка, разъѣзжаюшъ щегольскіе

экипажи, молодые люди рисуются на спешныхъ лошадяхъ, милостивныя дѣвушки подносятъ букеты цвѣтовъ и безчисленное множество добродушныхъ Нѣмцевъ, копорыхъ, кажешся, не волнуютъ никакія спрасши, сидятъ за круглыми сподликами, или ходятъ пѣшкомъ по шемнымъ кашпановымъ аллеямъ. Не взирая на великое число посѣщителей, бывающихъ въ Прагеръ, особенно по Четвергамъ и въ Воскресные дни, шамъ не видно ни одного полицейскаго чиновника. Тишина и спокойствіе никогда не нарушающся: кажешся, что всякой знаешъ свое мѣсто. Эрцгерцоги и военные являющся во фракахъ и безъ орденовъ, копорыми вообще въ Австріи награждающъ съ величайшею скупосшію. Жадносшь къ достиженію знаковъ опличія, составляющая истинную болѣзнь нашего вѣка, въ Австріи еще неизвѣсна.

На слѣдующій день, Государь пригласилъ болѣе шрехъ сошъ особъ къ обѣденному ешолу въ великолѣпномъ домѣ Графа Разумовскаго, поселившася въ Вѣнѣ.

Кромѣ двухъ Императоровъ съ Ихъ супругами, чешырехъ Королей и шридцати особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ Домамъ, шущь находилися шолько военныя, участвовавшіе въ Лейпцигскомъ сраженіи. Шоловая зала, перешроенная для этого праздника изъ манежа, была убрана знаменами всѣхъ Союзныхъ Державъ. На шолахъ возвышались воинскіе шрофеи. Они состояли изъ шрехцвѣсныхъ Французскихъ знаменъ, украшенныхъ орлами и круглыми щитами, съ означеніемъ сраженій, выигранныхъ въ послѣдніе походы. Такимъ образомъ каждый изъ присушествовавшихъ видѣлъ передъ собою дни еобшвенныхъ своихъ подвиговъ или славы своихъ единоземцевъ; а для военного восшоминаніе ешь шакое сокровище, кошораго ничѣмъ оцѣнить не возможно. Шромнось не позволила начершашъ побѣдъ, одержанныхъ въ ошечешвенную войну; а пошому шущь не было именъ: Бородина, Тарушина, Краснаго, и другихъ дней, увѣковѣчившихъ блескъ Русскаго оружія. Эшощь праздникъ былъ данъ въ шощь

самый день, въ кашорый ровне за два года предъ нѣмъ, неприятели выгнаны изъ Москвы и занялась заря свободы нашего ошечесства и Европы. За обѣдомъ Государь преимущественно обращалъ рѣчь къ Эрцгерцогу Карлу и Фельдмаршалу Князю Шварценбергу, кошораго Онъ два раза обнялъ; а Великая Княгиня Екашерина Павловна, выходя изъ-за стола, подада ему руку, почему предводишель союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ, кошораго Императоръ при каждомъ случаѣ особенно ошличалъ, шель впереди многихъ Эрцгерцоговъ и Принцевъ.

ГЛАВА X.

Поездка въ Венгрію. — Славяне. — Битва. — Национальный Музеумъ. — Взглядъ на Офицъ и Пестъ. — Представленіе Венгерцевъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія Женщины. — Гулянья на Маргаритиномъ Острову. — Балъ у Графа Шацкога. — Отъѣздъ въ Прессбургъ. — Разговоръ о Венгріи. — Стихотворенія.

Какъ пріятны минушы, когда гонѣвимся ѣхашъ въ какое Государство, въ кошоромъ мы еще не бывали! Мысль, видѣшь новую землю, другихъ людей, слышашъ сужденія ихъ, распространишь кругъ своихъ понашій: все это занимаетъ воображеніе прелесными ожиданіями. Такъ радовался я при извѣстїи, что мнѣ предшопшъ поѣздка въ Венгрію, куда Государь отправлялся на пять дней вмѣстѣ съ Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ, брашомъ его Принцемъ Вильгельмомъ и Эрцгерцогомъ Палациномъ.

*

12го Октября вечеромъ мы поѣхали изъ Вѣны прямо въ Офенъ, съ шѣмъ, чтобы на возвращномъ пути посѣтить Пресбургъ. На развѣштѣ слѣдующаго дня, я находился уже въ предѣлахъ Венгріи, гдѣ увидѣлъ разбросанныя селенія, необработанныя поля, одѣшыхъ въ овчины бѣдныхъ, длинноволосыхъ крещьянъ, съ небришыми усами. Шпанціонные смошришели и чиновники, выходившіе къ намъ на вспрѣчу, были все въ гусарскихъ плашьяхъ: эшо одежда дворяншва, даже ученыхъ и профессоровъ. Дорога шла большею часшію вдоль Дуная, на кошоромъ не было ни одного судна; кое-гдѣ показывались рыбацьи лодки; берега покрышы пролѣскомъ, и шюявшія въ нѣкошорыхъ мѣсшахъ надъ рѣкою уше-сисшыя скалы придавали еще болѣе дикосши эшой каршинѣ. Все напоминало мнѣ здѣсь, что я уже не подѣ небомъ счастливой Германіи, гдѣ мудрые законы ограждающъ права лицъ и собсшвенности, и гдѣ нравсшвенносшь, распро-спраненная во всеъхъ сословіяхъ, способсшвуетъ съ своей шороны успѣшному

дѣйствію законовъ. Въ полночь мы пріѣхали въ Офень.

14го Октябрю, рано поутру, когда во дворцѣ все еще покоилось, я спустился съ горы, на кошорой стоишь замокъ, гулялъ по Офену и ходилъ въ Песнь, лежащій на прошивномъ берегу Дуная, кошорый здѣсь также широкъ, какъ Нева въ Пешербургъ. Къ сторонѣ Вѣны видны горы, а внизъ по теченію рѣки, взоръ шеряется въ необозримыхъ снечахъ. Въ скоромъ времени народъ меня окружилъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на Русскаго; особенно подходили ко мнѣ Сербы и Славяне. Нѣкоторые изъ послѣднихъ говорили мнѣ: »Мы пріѣхали въ Офень издалека, »чтобы увидѣшь Монарха Славянскаго »поколѣнія.« — »Все, что мы объ Немъ »слышали,« прервалъ одинъ изъ нихъ, »увѣряешь насъ, что Онъ печашъ Царей.«
Выраженіе поэтическое, показывающее чувства соплеменниковъ нашихъ и единоверцевъ, кошорые часшо обращаются мысленно къ Россіи съ такими желаніями, какія исполняли Израильщанъ, во время

плѣненія Вавилонскаго. Они рассказывали мнѣ о своемъ восхищеніи, когда узнали объ испребленіи непріятелей въ 1812 году. »Мы радовались,« говорили они, »что »Бонапарте нашелъ преграду завоеваніямъ »посреди Славянскаго племени.« Одинъ изъ Славянскихъ ученыхъ, желавшій въ шестъ день поднести Государю книгу своего сочиненія, писалъ ко мнѣ письмо, въ кошоромъ между прочимъ сказано: »Я »хотѣлъ воспользоваться эшимъ благо- »пріятнымъ случаемъ, чтобы повергнушь »книгу мою къ спонамъ всѣми обожаемаго »Монарха Славянъ, и доказашъ, что и мы, »Славяне, въ нашемъ уголкѣ земли, спар- »раемся пребышь Славянами, шрудимся »надъ нашимъ азыкомъ, любимъ науки и »взираемъ съ привязанносцію и благо- »говніемъ на Россію, какъ на великое »ошечество Славянъ.« Полишическое по- ложеніе ихъ между прочимъ шаково, что ежели кто изъ нихъ ошличился заслугами, шо его жалуютъ въ Австрійскіе или Венгерскіе дворяне. Принято за правило, что Славянскихъ дворянъ существовашъ

не можеть; даже старающа испреблянь мало по малу ихъ варѣчїе, копорое для всѣхъ народовъ, особенно для покоренныхъ, сославляешъ драгоцѣнное достояніе.

Возвращаясь во дворець, я встрѣпилъ Иеромонаха, живущаго чешыре года при могилѣ прекраснѣйшей изъ внукъ Екатерины, Великой Княгини Александры Павловны, погребенной въ мѣсечкѣ Иремѣ, въ семи верстахъ отъ Офена, въ сторонѣ отъ большой дороги. Богомольцы собирающа шуда во множествѣ въ нѣкоторыя праздники и благословляющъ память усопшей, кошорая прибрѣла общую любовь въ теченіе кратковременнаго своего пребывания въ Венгріи. Монахъ сказалъ мнѣ, что съ шѣхъ поръ, какъ онъ живешъ въ Иремѣ, изъ Принцевъ Австрійскаго дома только одна Императрица Марія-Луиза несѣшила это уединенное мѣсто.

Въ десять часовъ ушра, Дворъ отправился осмашривашъ достоинна вниманія заведенія въ Офенѣ и Пештѣ. Примѣчательнѣе прочихъ національный Музеумъ, учрежденный для помѣщенія всѣхъ еспешвен-

ныхъ произведеній, добываемыхъ въ Венгріи. Въ немъ также находяшся древности ея, сшаринныя оружія, ушвари, монеты, искусшвенные предмешы, дѣлаемые шуземцами, и сочиненія и каршы, касающіяся до этого края. Графъ Сеченій, кошорый въ 1802 году завѣщаль Венгріи свою библіотеку, соедоющую изъ ошечесшвенныхъ книгъ, почишаешся основашелемъ заведенія. Его примѣръ въ скоромъ времени нашель подражашелей и, по прошесшвіи дѣрехъ дѣшъ, библіотека до шого приумножилась, что надобно было перенесши ея въ обширнѣйшій прошивъ прежняго домъ. При этомъ случаѣ родилась сшасшливая мысль, къ книгохранилищу присовокупиши древности и всякаго рода любешышныя предмешы. Предложеніе было одобрено на Сеймѣ, и въ скоромъ времени денежными и другими пожершвованіями, между кошорыми важнѣйшее есшъ бошаническій садъ, подаренный Княземъ Грасалковичемъ, Музеумъ доведенъ до ошепени, соошвѣсшсшвующей цѣли его учрежденія. Въ немъ заключаешся десяшъ тысячъ

книгъ, касающихся до Венгрии, 20,000 рукописей и большое количество монетъ. Денежный капиталъ, принадлежащій Музеуму, приноситъ 800 Голландскихъ червонныхъ дохода. Жаль, что въ этомъ прекрасномъ заведеніи нѣтъ поршрешовъ Венгерцевъ, отличившихся на службѣ, въ наукахъ и художествахъ, подобно какъ это сдѣлано въ Миндавскомъ Музеумѣ, гдѣ находяща изображенія всѣхъ Курландцевъ, копорые чѣмъ-либо пріобрѣли извѣстность.

Мы объѣхали почти весь Песшъ и Офенъ; по наружности они не красивы. Зависимость, въ которой содержится Венгрія, не позволяешь развиться промышленности. Дома большею частію въ одно и два жилья, лавки и магазины бѣдны, товары выставляены безъ разбора, широкія улицы наполнены шаринными колясками, везомыми дурными лошадьми; не было ни одного экипажа, сдѣланнаго со вкусомъ. Жишели стояли въ два ряда по улицамъ, гдѣ мы проѣзжали, и встрѣчали Монарховъ громкими, радостными вос-

клицаями. Они совсемъ не похожи на Нѣмцовъ и имѣютъ болѣе сходства съ Малороссіянами, съ которыми у нихъ одинаковыя военный видъ и гордая осанка.

Во дворцѣ ожидали Государя духовенство, военные, дворяне, чиновники и дамы: Императоръ явился шушь въ первый разъ въ гусарскомъ мундирѣ, что чрезвычайно понравилось Венгерцамъ, какъ знакъ уваженія къ народному ихъ одѣянію. Между военными находился Графъ Радецкій, одинъ изъ опличныхъ Австрійскихъ Генераловъ, который былъ начальникомъ штаба арміи Кнзя Шварценберга въ послѣднихъ двухъ походахъ. Обнявъ меня, онъ сказалъ: «Я никогда не забуду того времени, когда я служилъ съ Русскими.» Послѣ военныхъ предшавлялось обоего пола дворянство, одно изъ блистательнѣйшихъ въ Европѣ, по древности фамилій, богатству и особенно по непоколебимой привязанности къ нравамъ и обычаямъ своего края. Въ костюмѣ мужчинъ видна нѣвероятная характеристика; женщины, прекрасныя собою, были одѣты въ черныя платья, имѣя на

головѣ діадимы и черное или бѣлое покрывало. Послѣ общей аудіенціи, Государь принималъ въ кабинетѣ Греческаго исповѣданія Епископа Діонисія, кошорый ожидалъ съ особеннымъ благоговѣніемъ той минушы, когда его позвали къ Императору. Единоувѣрцы наши, подѣ какою бы они Державою ни находились, не преспаюшъ признаванъ Россійскаго Монарха Главою Церкви. Подарки, состоящіе въ книгахъ Священнаго Писанія и разныхъ ушваряхъ, кошорые изъ Пешербурга по временамъ посылающся въ Греческіе храмы, виѣ опечесива нашего находящіеся, въ нашихъ единоувѣрцахъ согрѣвающъ мысль, что Россія еснъ общаа ихъ машь.

Въ два часа насъ пригласили къ обѣденному шолу. Я сидѣлъ подѣ Генерала Коллера, кошорый въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сопровождалъ Наполеона изъ Фоншенебло до острова Эльбы, гдѣ онѣ жилъ съ нимъ нѣсколько недель. Онѣ мнѣ сообщилъ разныя подробности объ эпомѣ необыкновенномъ человекѣ. »Упрямство мое,« сказалъ ему Наполеонѣ, »возвело меня на

» прешоль. Я полагаю, что мнѣ не слѣ-
» довало измѣнять моимъ правиламъ, и
» хотѣлъ вполне сохранить славу мою,
» хотя зналъ, что непреклонность моя
» могла стоить мнѣ прешола, конюрымъ
» я впрочемъ не дорожилъ. Я пошелъ на
» Сентъ-Дизье, « продолжалъ онъ, » потому
» что изъ двадцатилѣтнихъ опытовъ
» мнѣ было извѣстно, что вы приходили
» въ величайшее замѣшательство, лишь
» только я оприжалъ нѣсколько гусаръ на
» ваши сообщенія: эшошь же разъ я смалъ
» на нихъ со всею арміею, но вы обо мнѣ
» мало заботились. « *C'est que vous aviez*
» *le diable au corps,* « присоветунилъ онъ.
Подлѣ Эльбы находишься небольшой оше-
ровъ, никому не принадлежащій, кошо-
рый Наполеонъ себѣ присвоилъ, и сказалъ
Коллеру: « Когда объ эшомъ узнаюшь въ
» Европѣ, шо закричашъ, что Наполеонъ,
» пожираемый спрасшю къ завоеваніямъ,
» занялъ чужую обласшь; посшарайшесь
» меня оправдашь. « Онъ имѣлъ слабосшь
увѣряшь, что жишели Эльбы привязаны
къ нему за [его ошеческое управление.

»Если Франція не хотѣла имѣть меня своимъ Государемъ,« говорилъ онъ, »то я докажу здѣсь, что умѣю царствовать.«

Послѣ обѣда мы отправились на высокую гору, называемую Блоксбергъ, откуда на большое пространство видно теченіе Дуная. На горѣ обсерваторія. Начальникъ ея, извѣстный Баварскій художникъ Рейхенбахъ, показывалъ намъ астрономическіе инструменты. Прекрасный видъ со Блоксберга занималъ меня болѣе, нежели разговоры профессора; мнѣ казалось, что весь Дворъ былъ моего мнѣнія. Мы не успѣли возвратиться въ замокъ, какъ насъ пригласили на придворный балъ, гдѣ особы обоого пола осыпали насъ привѣтствіями и вѣжливостями. Балъ былъ единственныи въ своемъ родѣ по множеству Венгерскихъ одѣяній присутствовавшихъ. Женщины превзошли мое ожиданіе отличнымъ своимъ воспитаніемъ; онѣ совсѣмъ не похожи на Нѣмокъ, и говорятъ чистымъ Французскимъ языкомъ. Едва можно повѣришь, что онѣ достигли такой степени образованія

въ сиротѣ, почишающейся въ числѣ не самыхъ просвѣщенныхъ. Онѣ были въ восхищеніи ошъ Государя, Кошорый всего болѣе шанцоваль съ молодою и прекрасною Графинею Орчи. Послѣ ужина ми ѣздили по городу; улицы были освѣщены разнообразными огнями.

15го Октябрія мы провели утро на ученьѣ одного коннаго полка, а послѣ большого придворнаго обѣда, насъ пригласили на шакъ называемый Маргаритинъ островъ, лежащій на Дунаѣ верешахъ въ шрехъ ошъ Офена, куда при рукоплесканіяхъ народа, мы поѣхали во фракахъ. Послѣ продолжительной прогулки по Англійскому саду на оспровѣ, мы намѣревались были возвратиться въ городъ; но намъ сказали, что начинаеться избраніе въ града. Въ эту минушу съ парь десяти молодыхъ мужей и дѣвочекъ прекрасно одѣтыхъ шья населяющихъ Венгрію ни между виноградныхъ нальных пѣсни и ешорые дѣвушки на

показывали, какими образомъ иригено-
вляющъ вино, а послѣ мы вошли въ домъ,
устроенный нарочно для принятія Мо-
нарховъ, и увидѣли съ балкона возвра-
щеніе нашихъ крестьянъ, собиравшихъ
виноградъ. Начались народныя пляски,
а послѣ, дѣвушки, ноши все прекрасныя
собою и въ цвѣтѣ лѣтъ, принесли къ намъ
на верхъ большую корзину винограда,
украшенную гирляндю, и одна изъ нихъ
привѣщивала Государя. Волѣдъ за симъ
изъ амен, прошивъ балкона, на кошоромъ
мы стояли, вышли двадцать паръ ма-
ленькихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, одѣ-
тыхъ по гусарски, кошорые, выслушавъ
съ важносцію, открыли Венгерскій ша-
пецъ и цѣломъ представляли балетъ. По
окончаніи, собиратели винограда, взяв-
шись за руки, сшли по двумъ споронамъ
дороги, по кошорой намъ надлежало воз-
вращаться, и подавались впередъ по мѣ-
ръ нашего приближенія къ берегу, гдѣ
назначенныя для перевоза суда украшены
были флагами Союзныхъ Державъ. Пре-
лесная осенняя погода благопріисливо-

вала прогулкѣ. Ни при одномъ Дворѣ не умѣюшь такъ хорошо устроивать разнаго рода увеселенія, какъ при Австрійскомъ. Напримѣръ, на Маргаритиномъ островѣ было насъ не болѣе пятнадцати особъ, и въ этомъ числѣ при могущественныхъ Монарха и два брата ихъ. Не взирая на то, царствовала совершенная непринужденность, и въжливостъ Австрійскихъ придворныхъ простиралась до такой степени, что каждый изъ посѣщителей могъ думать, что нарочно для него пригласили прогулку.

Въ шесть часовъ мы поѣхали на балъ къ Графу Шандору, котораго домъ убранный большимъ вкусомъ. Здѣсь находилось все дворянство, которое безпрестанно изъявляло желаніе, чтобы Государь изволилъ продлить Свое пребываніе въ Венгріи. Мнѣ весьма хотѣлось, чтобы это состоялось, потому что испинно дружеское обращеніе съ нами Венгерцовъ и ихъ непримворное расположеніе къ Русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали. Поздно вечеромъ гости отправились отъ

Графа Шандора въ редушь. Тушь, кромѣ дворянска, находились и прочія сословія жищелей, между кошорыми было много лицъ, непорченныхъ осною, чшо доказывало слабые успѣхи ея прививанія, не смотря на благоразумныя поспановленія, изданныя Іосифомъ Вшорымъ.

16го числа по ушру мы выѣхали изъ Офена. Къ сожалѣнію, я не могъ поклониться гробу Великой Княгини Александры Павловны, гдѣ Государь слушалъ объдню. Миѣ приказано было, не осшанавливаясь, слѣдовашъ въ Пресбургъ, куда я пріѣхалъ въ полночь. На другой день рано я осшашривалъ дворець, гдѣ мы осшановились, и гдѣ обыкновенно собираюшся Государственныя чины. Эрцгерцогъ Палашинь, какъ хозяинъ, всшалъ ранѣе всѣхъ и самъ водилъ меня по огромнымъ заламъ, въ кошорыхъ нѣтъ ничего любопышнаго. Позолоша, шшофныя обои, мебель, обшная бархашомъ, ушешляющъ глаза. Одно великолѣпіе, ежели не украшено произведеніями изящныхъ художествъ, не осшавляешъ пріятныхъ впечатлѣній въ душѣ. Госу-

дарь. пробыль въ Пресбургѣ нѣсколько часовъ, а потому я не имѣлъ возможности оплутинься изъ дворца и шолько на нѣсколько минутъ выходилъ на гору, гдѣ находилея недавно сгорѣвшій Императорскій замокъ и отсюда открываея прелестный видъ.

Кранкосць времени не позволила много бесѣдовать съ людьми, коихорыхъ знаменство я желалъ приобрѣсти въ Венгрии; но нѣкошерые изъ нихъ, съ откровенностію, свойственною благороднымъ душамъ, предупредили мое любопытство разговоромъ о различныхъ предметахъ, касающихся до ихъ правленія. На благосклонность ихъ я не имѣлъ другаго права, кромѣ имени Русскаго, а это имя, сколько я замѣнилъ, не чуждо сердцу Венгерцевъ. »Мы неизвѣстны въ Европѣ, « сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, »пошому мнѣ »ошечесиво наше предснавляющъ полу-»дикимъ, непросвѣщеннымъ. Увѣряющъ, »что у насъ нѣтъ ничего примѣчательнаго, что народъ и учрежденія наши не заслуживающъ вниманія; даже дѣлающъ

» затрудненія въ выдачѣ пушечнаго
» никамъ паспортовъ на проѣздъ въ Вен-
» грію. «

Съ другимъ Магнашомъ я говорилъ о
правленіи Королевства. Помѣщая его сло-
ва вмѣстѣ съ возраженіемъ, сдѣланнымъ
однимъ изъ присуществовавшихъ шунъ
Австрийцевъ. » Мы строго наблюдаемъ
» Констишущію, приняшую отъ предковъ, «
сказалъ первый изъ нихъ, » и не позво-
» лямъ, чтобы въ ней сдѣлана была малѣй-
» шая перемѣна. Мы не допускаемъ исклю-
» ченій, потому что одно изъясненіе повле-
» ченъ за собою другое, и тогда мы ли-
» шимся нашихъ правъ. Мы желаемъ, чтобы
» насъ просили, и не пошернимъ прика-
» заній. Іосифъ II, находя нужнымъ про-
» весити мостовую въ одномъ изъ нашихъ
» уѣздовъ, писалъ къ Чинамъ о выгодахъ,
» могущихъ произойти отъ того для зем-
» ледѣлія и шерговли. Онъ заключилъ пись-
» мо сими словами: вы должны видѣть
» необходимость усшроченія дороги. Какъ!
» сказали Чины, мы должны? мы должны
» дѣлать только то, что мы хотимъ.

»и не хотимъ спрости новой дороги,
»потому что мы не должны ее дѣлать.
»Многіе изъ вельможъ, хотя и видѣли
»пользу предлагаемой Іосифомъ мостовой,
»однако не рѣшились подать голоса своего
»въ ея пользу, говоря: ежели мы пока-
»жемъ примѣръ, то подумаюмъ, что мы
»подкуплены.»

Генералъ Коллеръ, одинъ изъ умнѣй-
шихъ Австрійскихъ военныхъ, услыша
предметъ нашего разговора, ошозвалъ
меня въ сторону, и сказалъ мнѣ въ пол-
голоса: »Правда, что Венгерскіе чины на
»всѣ предложенія Вѣнскаго Двора ошвѣ-
»чаютъ сначала: нѣтъ; но къ концу со-
»глашающся обыкновенно на дѣлаемые
»имъ шребованія. Они смотряютъ болѣе
»на букву, нежели на смыслъ Конвизиціи.
»Напримѣръ, въ 1809 году, они позволили
»вешупишь Австрійской арміи въ Венгрію
»и обязались ее продовольствовашъ. Въ
»слѣдствіе того я былъ посланъ, чтобы
»условишься съ чинами ихъ о гоншиша-
»ляхъ; на что они ошвѣчали, что хотя
»они и приняли на себя обязанность

» снабжать войска, но о больныхъ не было упомянуто, и пошому лазареты до нихъ не касающся. Не прудно было доказашъ имъ прошиворѣчіе. Въ шомъ же году было условлено съ ними, что они будущъ ошведишь кварширы всѣмъ Австрійскимъ военнымъ чиновникамъ въ продолженіе войны. Они эшо исполняли до заключенія мира, но по прекращеніи военныхъ дѣйствій, когда арміи надлежало возвращашься, они ошказались ошъ содержанія пошоя, ушверждая, что срокъ договора ихъ прошелъ.»

Пишомцы Венгерскихъ Музъ, участвуя въ общей радости своихъ согражданъ, по случаю прибышя Государя, прославили Его разными сочиненіями въ Офенъ и Пресбургъ. Похвалы стихошворцевъ уже давно признающся вымыслами лжи и игрою воображенія; и хоня поэзія лишилась права на достоинство исшоріи, кошорое, увѣряющъ, будшо бы она имѣла въ древности, однако же шворенія Венгерскихъ пѣвцевъ были истинными ошголосками общаго мнѣнія Европы объ Александрѣ.

Любопытно, что почти въ каждомъ изъ нихъ упоминается о сожженіи Москвы. Эта жертва примиренія народовъ, поразившая величіемъ своимъ современниковъ, конечно возбудишь не меньшее удивленіе въ попомешвѣ. *)

Вечеромъ того же дня мы возвратились въ Вѣну, откуда Государь намѣревался съѣздить въ Ноябрь мѣсяцъ на короткое время въ Триэсть; однако же путешествіе не состоялось.

*) № 24-й Приложеній.

ГЛАВА XI.

Увѣщанія. — Катанье въ саняхъ. — Карусель. — Театръ. — Императоръ Французъ. — Письмо къ нему Государя. — Кабинетъ его. — Австрийская Императрица. — Угонщики Франскаго Двора. — Овчары у Государя. — Камеръ-балы. — Лагарпъ. — Умовеніе ногъ.

Почти всякой день въ продолженіе Конгресса, при Дворѣ, у пословъ, Австрийскихъ вольможъ и въ публичныхъ мѣстнахъ бывали балы и вечернія собранія, гдѣ царствовало такое веселіе, какъ будто бы давно не вели войны, хотя раны, нанесенныя ею, были еще повсюду свѣжи. Многіе порицали ашу, какъ они говорили, несвоевременную разсѣянность, утверждая, что она пренебрегала заниматься дѣлами съ надлежащимъ вниманіемъ. »Каково идешь Конгрессъ?« спросилъ нѣкто у Принца де Линя. — »Онъ неидешь,« отвѣчалъ Принцъ, »а пля-

»шешъ.« — Ошвѣшъ болѣе оспроумень, чѣмъ справедливъ, ежели разсмошримъ насшоющее положеніе обшошшельсшвъ. Неслыханнныя въ Ишторіи волненія пошрясали Европу въ печеніе двадцати пшшльшъ. Освѣщенныя вѣками начала, на кошорыхъ основывались незыблемосшъ Прешоловъ и взаимныя ошшошенія Державъ, были ишспровергнушы. Прешло не болѣе полугода, какъ миновались бури, грозившія все поглошшшъ. Чѣмъ опасносшъ была сильнѣе, шѣмъ радосшъ избавленія сдѣлалась ошшошшельнѣе, и шѣмъ охощнѣе лица, соединенныя въ Вѣнѣ, предавались разнаго рода удовольсшвіямъ, кошорыя впрочемъ ошшоюдъ не преняшсшсшвовали дѣйсшвіямъ Конгресса. Онъ совершилъ въ восемь мѣсяцовъ ишполнскій подвигъ, важнѣйшій чѣмъ пошпановленія Веспфальскаго мира, продолжавшагося около семи лѣшъ.

Вѣнскій Дворъ былъ иешшошщимъ въ ишобрѣшеніи увеселеній и праздниковъ. Балы, по своей многочисленности, спшновились уже слишкомъ единообразны,

почему принуждены были прибѣгнушь къ другому рода забавамъ. Лишь только выналь снѣгъ, но начали приготавливать казанье въ великолѣпныхъ саняхъ, блестящихъ позолотою и сдѣланныхъ на подобіе колесницъ. Къ несчастію снѣгъ скоро сошелъ, и принуждены были опрѣдѣлить мнѣжесиво людей, кошорые собирали его по полямъ въ корзинахъ и усыпали имъ дорогу, по кошорой надлежало ѣхать. Впереди находился Оберъ-Шпалмейстеръ, за нимъ Имперашоръ Францъ съ Имперашрицею Елисаветою Алексѣевою, потомъ Государь съ Княгинею Габріеллою Ауерсбергъ, послѣ Король Прусскій съ Великою Княгинею Маріею Павловною и шакъ далѣе. Всѣхъ саней было до пятидесяти. Въ нихъ сидѣли почти исключительно владѣтельные Князья.

Послѣ гулянья былъ карусель въ огромнѣйшемъ и самомъ красивомъ, изъ Европейскихъ, манежѣ. Сражающіеся рыцари, въ каршинной одеждѣ среднихъ вѣковъ, съ шлемами, сънимаемыми перьями, принадлежали къ фамиліямъ, кошорыхъ древ-

нось шерлася во мракъ вѣковъ. Конскіе уборы соешвѣшсшвовали одѣянію всадниковъ. Въ особенной ложѣ, по шаринному обычаю для раздачи наградъ нобѣдшсшлямъ, ондѣли дамы мыслей и сердець рыцарей. Онѣ въ полномъ смыслѣ слова, были обилишны драгоцѣнными каменьями въ шакомъ множесшвѣ, какого я ни при одномъ Дворѣ не видалъ. Зршсшли каруселя сошсшояли почти изъ всѣхъ знаменишѣйшихъ нашихъ современниковъ.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ усшсроили при Дворѣ шеашпрѣ, на кошоромъ предсшавляли живыя каршины: Олимпъ, Даріево семейшсшво Лебрюна и другія, и играли Французскія комедіи. Акшерами были придворныя. Изъ разныхъ драмашическихъ сочшсшнній, имѣли наиболѣе успѣха «пѣсни шруба-» дуровъ 1148 года. «Князь Аншоній Радзшсшвилъ, въ роль пресшарѣлаго Блонделя, съ гшшпарою въ рукахъ, ошкрылъ первое дѣшсшвіе пѣснею, въ кошорой перевозносшлъ красошу, любовь и славу. Онѣ не сшсшодилъ со сцены, и по мѣрѣ появлешія прочихъ дѣшсшсшвовавшихъ лицъ, называлъ каждое изъ

нихъ въ куплешахъ, принаровленныхъ къ ихъ ролямъ. Актеры обоого пола пѣли относящіяся до Кресшовыхъ походовъ романсы, кошорые пошомъ Графъ Варжемонъ собралъ вмѣстѣ съ ношами въ особой книгѣ и поднесъ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Въ предшавленіи, красавицы имѣли возможность блеснуть своими прелесшями и щегольскими нарядами, въ шаринномъ вкусѣ, и обнаружилъ дарованія свои въ музыкѣ; но болѣе чѣмъ онѣ, шоржесшвовалъ шущъ Французскій языкъ. Хошя главныя заняшя Конгресса сосшояли въ шомъ, чшобы уравновѣсиль силы Державъ, пошрясенныя революціею, хошя онѣ созидалъ свое зданіе на развалинахъ Французской Имперіи; однако же не шолько всѣ сношенія его, но даже увеселенія, были на языкѣ, кошорый писатели вѣка Лудовика XIV сдѣлали всемірнымъ.

Любопышно было видѣшь на энихъ празднестввахъ сочешаніе людей, долгое время слѣдовавшихъ различнымъ политическимъ сисшемамъ и служившихъ про-

шивнымъ споронамъ, и кошорые на Конгрессѣ должны были въ дѣлахъ спарашья согласовашь свои мнѣнія, а по вечерамъ предавались одинаковаго рода удовольствіямъ. Всѣ особы владѣтельныхъ Домовъ посѣщали собранія и балы у Пословъ и у другихъ именистыхъ частныхъ людей, кромѣ Австрійскаго Императора, кошорый не бывалъ ни на какихъ другихъ балахъ, исключая придворныхъ. Онъ велъ себя, какъ старшій браншъ царшвенной Европейской семьи, и не измѣнялъ своему обыкновенному образу жизни: вспавалъ въ семь часовъ, обѣдалъ въ два, вечеромъ занимался музыкою. Когда онъ обѣдывалъ у Государя, что случалось весьма рѣдко, шо для него гощовили особенныя блюда, къ кошорымъ онъ привыкъ. Всякой день можно было его вспрѣчашь въ окресшносшяхъ Вѣны пѣшкомъ или въ коляскѣ, одного или съ своею супругою, одѣнаго во фракъ или коричневомъ сюршукѣ. Каждому изъ своихъ подданныхъ онъ давалъ аудіенціи и говорилъ съ нимъ привѣшливо. Развѣ ког-

да его Миниспры дѣлали на Конгрессѣ какія-либо особенныя шребованія, или объявляли свое несогласіе на предложенія другихъ Державъ, шо шолько на эшо время Имперашоръ Францъ сказывался больнымъ и по нѣскольку дней не выходилъ изъ комнашы. Его бранья и родешвенники подражали скромной его жизни.

Государь, принявъ на Себя въ Вѣнѣ званіе Шефа бывшаго Гиллерова гренадерскаго полка, просилъ слѣдующимъ письмомъ Авешрійскаго Имперашора удосшоить шакой же чешши нашъ Кекегольмскій полкъ: » Милосшивый Государь Брашець! » Съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю предложеніе Вашего Величешва. » Вы Меня найдеше всегда гошовымъ пользоваться каждымъ случаемъ, могущимъ болѣе и болѣе укрѣпшть узы, къ счешію между Нами сущешвующія. Въ увѣренности, шо Ваше Величешво раздѣляеше эшошъ образъ мыслей, Я съ Моей ешороны предлагаю Вамъ позво- » лишь, чшобъ одинъ изъ храбрѣйшихъ » полковъ Моей арміи, Кекегольмскій гре-

»надерекій, носилъ Ваше имя. Это бу-
»дешь для Меня пріятнѣйшимъ изъявле-
»ніемъ Вашихъ чувствованій, а для Рос-
»сійской арміи самымъ лучшимъ доказа-
»тельствомъ Вашего къ ней уваженія. « *)

Черезъ нѣсколько дней послѣ оширавле-
нія письма, пришелъ ко мнѣ единственный
Генераль - Адъютантъ Австрійскаго Им-
ператора, Графъ Кучера, и сказалъ, что
Его Величество зоветъ меня къ себѣ. Я
послѣдовалъ за нимъ и чрезъ нѣсколько
минушъ меня пригласили въ кабинетъ
Императора Франца, который просилъ
меня посмѣрѣшь, шакъ ли онъ надѣлъ
въ первый разъ Русскій мундиръ и се-
блюдены ли имъ всѣ строгія требованія
военнаго наряда. Кабинетъ его не великъ,
мебели въ немъ просныя и древнія, ка-
мердинеры его пожилые люди и обходяш-
ся съ нимъ вольно. Вообще при Вѣнскомъ
Дворѣ видно, что находишься у старин-
ныхъ Царей, которые изъ уваженія къ
предкамъ не дѣлають никакихъ переменъ
въ существующемъ порядкѣ. Возвращаясь,

*) № 26-й Приложеній.

я смѣлся въ душѣ, какъ судьба играетъ людьми. На шо ли, подумаль я, посвященна мною молодосць наукамъ, чшобъ бышь призвану на совѣщаніе — о шуалешъ?

Тогдашняя супруга Имперашора Франца была самая обходительная особа изо всей царсвующей Авспрійской фамиліи, и кшорую Государь особенно ошличаль. Когда Его Величешво приняль на себя званіе Шефа Гиллерова полка, шо полку были выданы новыя знамена. Государь, въ Авспрійскомъ мундирѣ, пошелъ со всеми офицерами полка къ Имперашрицѣ и просиль ее, чшобъ она прикрѣпила знамена къ древкамъ. Обращясь къ офицерамъ, она ошвѣчала громкимъ и швердымъ голосомъ, сколь для нихъ велика чешь, чшо Самодержецъ Всероссійскій удосшойль полкъ бышь Шефомъ, и чшо эшо обешояшешво еще болѣе должно ушвердишь дружбу, сущешвующую между обѣими Державами. Привязавъ знамена, она вновь сказала прекрасное привѣшешвіе.

Угощеніе, дѣланное Авспрійскимъ Дворомъ Монархамъ и даже чиновникамъ, на-

ходившимся при нихъ, должно было стоить значительныхъ издержекъ. Не щадили ничего, чшобы пребываніе въ Вѣнѣ было каждому пріятно. Такимъ образомъ ежедневно по утру являлся ко мнѣ придворный служитель за приказаніями на счетъ стола и на сколько приборовъ его накрывать. Пошомъ приходилъ берейшоръ, спрашивавъ, какой экипажъ мнѣ нужно пригошовить и сколько верховыхъ лошадей, въ случаѣ ежели я вздумаю прогуливаться съ пріятелями. Неизмѣнной и носшоланной въжливости всѣхъ чиновъ Двора, начиная съ самыхъ почтенныхъ особъ, каковы были Князь Траупмансдорфъ и Графъ Врбна, описавъ не возможно.

У Государя бывали нерѣдко для особъ царствующихъ Домовъ обѣденные столы, на кошорые приглашали шолько шрехъ изъ подданныхъ, а именно Фельдмаршаловъ: Герцога Веллингтона и Князей Шварценберга и Вреде. Даже полномочные Послы и наши полные Генералы, въ числѣ кошорыхъ находился почтенный Дохшуровъ,

были исключены изъ этого общества. Оно обыкновенно состояло изъ слѣдующихъ лицъ:

1. Государь.
2. Государыня.
3. Австрійскій Императоръ.
4. Супруга его.
5. Прусскій Король.
6. Дашекій Король.
7. Виршембергскій Король.
8. Баварскій Король.
9. Великая Княгиня Марія Павловна.
10. Великая Княгиня Екашерина Павловна.
11. Наслѣдный Австрійскій Принцъ.
12. Эрцгерцогъ Карлъ.
13. » Палашинъ.
14. » Аншонъ.
15. » Райнеръ.
16. » Лудвигъ.
17. » Рудольфъ.
18. » Иоаннъ.
19. » Фердинандъ.
20. Неаполишанскій Принцъ Леопольдъ.
21. Эрцгерцогня Леопольдина.

22. Эрцгерцогиня Клеменшина.
23. » Беаприксъ.
24. Герцогъ Алберштъ Саксенъ - Тешенскій.
25. Прусскій Принцъ Вильгельмъ.
26. Прусскій Принцъ Августъ.
27. Курфирштъ Гессенъ-Кассельскій.
28. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій.
29. Баварскій Наслѣдный Принцъ.
30. » Принцъ Карлъ.
31. Виршембергскій Наслѣдный Принцъ.
32. » Принцъ Фердинандъ.
33. Великій Герцогъ Баденскій.
34. Герцогъ Веймарскій.
35. Дармштатскій Наслѣдный Принцъ.
36. Герцогъ Кобургскій.
37. Принцесса Турнъ и Таксисъ.
38. Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Спрелицкій.
39. Кобургскій Принцъ Леопольдъ.
40. » Принцъ Фердинандъ.
41. Бывшій Вице - Король Италійскій Евгенийъ.
42. Гессенъ-Гомбург. Наслѣдн. Принцъ.
43. » » Филиппъ.

44. Гессенъ-Гомбургскій Лудвигъ.
45. Нассаускій Герцогъ.
46. » Наслѣдный Принцъ.
47. Принцъ Гессенъ-Филиншальскій.
Три Фельдмаршала.

Когда у Государя бывали большіе объѣды, по каждому изъ Флигель - Адьюшантовъ, находившихся при Его Величествѣ, назначалось приглашашь двухъ или трехъ особъ. Мнѣ досталось однажды ѣхашь съ подобнымъ порученіемъ къ бывшему Вице-Королю Италійскому Евгенію и одному Нѣмецкому Принцу. Какъ скоро доложили обо мнѣ у перваго изъ нихъ, онъ вышелъ на встрѣчу за нѣсколько комнатъ, просилъ къ себѣ въ гостинную, благодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ: »Повергнише меня къ спонамъ «Его Величества.» Видя увиженное положеніе шого, кошорый еще недавно начальствовалъ прошивъ насъ въ Маломъ-Ярославцѣ, мнѣ живо предспавилась въ эту минушу превращенность его судьбы. Погруженный въ размышленія, я пріѣхалъ къ другому Принцу, кошорый при-

нялъ меня почши съ такими обрядами, какъ въспрѣчаютъ Пословъ воспочныхъ Государствъ. Когда его извѣсили о моемъ прїѣздѣ, шо вдругъ ошперли объ половины дверей многихъ горницъ. У каждахъ были лакеи, пажи и камергеры въ золотѣ, и я увидѣлъ Принца въ пашой комнашѣ, гдѣ онъ меня ожидалъ, сномъ неподвижно, и не дѣлая ни шагу ко мнѣ впередъ.

Самыя примѣчательныя собранія, продолжавшіяся почши всю зиму при Дворѣ, были шакъ называемыя камеръ-балы, на кошорые приглашали шолько Монарховъ, Владѣшельныхъ Князей и чиновниковъ, непосредственню принадлежавшихъ къ Особамъ ихъ. Невозможно было смолрѣшь безъ крайняго любопытства на соединенныхъ въ одной комнашѣ Повелишелей почши всѣхъ народовъ Европы, кошорые на время, казалось, забыли распри, шакъ долго ихъ раздѣлявшія. Прежде не было въ обыкновеніи, чшобы они между собою видались; но въ Вѣнѣ совершилося про-

нивное пому, что досель существовало. Монархи прибыли сюда съ супругами своими, а иные и съ семействами. Между ними видно было въ вечернихъ собраніяхъ такое согласіе и единодушіе, какого слѣдовало ожидать отъ особъ, соединенныхъ узами родства, и кошорому, для блага человѣчества, не должно бы было никогда прекращаться. Здѣсь-то надлежало бытъ свидѣтелемъ благоговѣнія, вселяемаго Государемъ въ нихъ и ихъ приближенныхъ, и какъ Онъ, нисходя, какъ сказано, съ высоты могущества, на кошорую былъ посвященъ судьбою, заславлялъ непринужденнымъ и снисходительнымъ обращеніемъ Своимъ забывашъ разстояніе, находившееся между Нимъ и Его современниками. Последніе не постигали, какъ можно бытъ шоль очаровательну Тому, Кошораго необыкновеннымъ свойствамъ вселенная плашила доспойную дань удивленія. Хотя общее вниманіе бывало обращено преимущественно на Государя; однакожъ, по врожденной Своей скромности, Онъ всячески

спарался уешупашь другимъ Монархамъ первеншвующее мѣшо. Когда, при ешкрышіи Конгресса, дошло до Его свѣдѣнія, что разсуждаемо было объ эшкешепъ, кошорый надлежало наблюдать въ собраніяхъ Коронованныхъ Главъ, шо Государь, будучи лѣшами моложе всѣхъ изъ нихъ, предложиль, для избѣжанія могущихъ возникнуть недоразумѣній, кошорымъ въ прежнія времена бывало много примѣровъ, чтообы Монархи занимали мѣсна по лѣшамъ своимъ, шо ешшь, чтообы шопъ, кшо былъ шарѣе, садился выше другихъ. Руководешвуясь эшими правилами, Онъ шакже желаль, чтообъ и мы Русскіе, находившіесе при Немъ, подражали въ подобныхъ случаяхъ Его примѣру. Однажды Онъ изъявилъ Свое благоволеніе Посланнику нашему при Вѣнскомъ Дворѣ Графу Сшакельбергу за шо, что на одномъ нарядномъ обѣдѣ, Графъ не приняль предложеннаго ему почешнаго мѣсна, а сѣлъ на ряду съ прочими госшями, не сшолько какъ онъ возвышенными въ чинѣ. Такіе примѣры служашь новымъ доказашель-

спвомъ, сколь мало дорожишь займствованными почестями истинное величїе.

Въ этихъ собранїяхъ я встрѣчалъ между прочимъ одного человѣка, копорый, не будучи ни посломъ, ни вельможею, ни полководцемъ, привлекалъ однако же на себя общее вниманїе и пользовался примѣрнымъ уваженїемъ Коронованныхъ Главъ. Я говорю о Лагарпѣ. Онъ былъ столь просвъ въ обхожденїи, какъ будто бы не выходилъ изъ чреды обыкновенныхъ людей и не принадлежалъ Испорїи. Во дворцѣ, гдѣ всѣ являлися въ возможномъ блескѣ, и гдѣ шакъ многіе не щадили средствъ, чшобы привлечь на себя взоры, Лагарпъ обыкновенно спановился поодаль другихъ. Онъ обращался одинаковымъ образомъ съ подданными и съ Новелишеслями народовъ, наблюдая при шомъ разснорянїе, копорое, по принятымъ правиламъ или, ежели угодно, по сущесшвующимъ предразсудкамъ, порода положила между нимъ и Великими сея земли. Я смонрѣлъ всегда на Лагарпа, какъ на одного изъ счастливецевъ, копорому удалось выполнишь

увѣковѣчивающій имя его подвигъ — воспламенение Александра. Послѣ этого ему осмѣвалось удалиться въ его прекрасное опочисшво, въ шипиниѣ кабинета слѣдованъ за посунками своего Державнаго Цинномца, и, пользуясь правомъ дружеской переписки съ Нимъ, налагашъ Ему по временамъ мнѣнiе свое о важнѣйшихъ проиешствiяхъ. Тогда Европа признала бы въ немъ мудреца; но онъ, принявъ участие въ переворотахъ Швейцарiи, навлекъ на себя негодованiе многихъ изъ своихъ соопочисшвенниковъ, упрекавшихъ его въ чешполубивыхъ замыслахъ. По вешупленiи во Францiю союзныхъ войскъ, онъ былъ въ нашей главной кварширѣ. Съ покоренiемъ Парижа для него насшало истинное шоржешшво, цошому что признательность къ нему Государя не имѣла предѣловъ. »Если бъ не было Лагарпа, « сказалъ Онъ, »шо не было бы и Александра, « На Конгрессѣ, Лагарпъ явился въ качешствѣ Уполномоченнаго отъ кантона Во, и, опираясь на всешильное засшупленiе Государя, съ успѣхомъ опровергалъ несправедливья

требованія Бернского Сената. Въ это время онъ почти каждую недѣлю обѣдалъ вдвоемъ съ Государемъ. Всякой экикетъ былъ изгнанъ изъ сихъ пріятельскихъ обѣдовъ, на которые Лагаръ приходилъ во фракъ и сапогахъ. Онъ писывалъ къ своему Пишомцу записки, не рѣдко на маленькихъ лоскушкахъ бумаги, и не могъ говорить о Немъ безъ восхищенія. » Ни » для одного смершнаго, « сказалъ онъ мнѣ однажды, » природа не была столь щедра, » какъ для Александра. Я находился при » Немъ, « продолжалъ онъ, » съ седьмого » года Его возраста и оставилъ Его спу- » сняя годъ послѣ Его бракосочетанія. Въ » шестое года я преподавалъ еще уроки » Ему и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣев- » нѣ. Съ самаго младенчества Его я замѣ- » шилъ, что понятія Его были очень ясны » и точны. Я старался вселить въ Него » мысль, что Онъ истинныхъ друзей » имѣть не можетъ. И шакъ, вы полагаете, » господинъ Лагаръ, сказала мнѣ Импе- » ратрица Екатерина, вошедшая въ комна- » шу, когда я преподавалъ эти правила

» Великому Князю, что мы лишены при-
 » янности и наслажденій дружбы? — Не
 » смѣю утверждать, отвѣчалъ я Импе-
 » раторицѣ, чтобы многіе изъ Монарховъ
 » не были достойны имѣть друзей; но
 » положеніе Ваше таково, что все, копо-
 » рые къ Вамъ близки, имѣющъ слишкомъ
 » великую необходимость въ Васъ, почему
 » говорашъ Вамъ большею частію то, чего
 » сами не чувствуютъ. Такими правилами,
 » продолжалъ Лагарпъ, » довелъ я Государя
 » до того, что Онъ полагается на Себя,
 » а не на окружающихъ Его; и хотя въ
 » сердцѣ Его есть склонность къ друж-
 » бѣ, однако же Онъ не увлекается ею. —
 » Никто болѣе Лагарпа, сказалъ однажды
 » Государь, не имѣлъ вліянія на Мой об-
 » разъ мыслей, выключая Религіи: на ея
 » счетъ мы не согласовались. «

Описывая то, что происходило при Вѣн-
 скомъ Дворѣ, нельзя не упомянуть о совер-
 шавшемся въ Великій Четвертокъ обрядъ
 умовенія ногъ. По обѣимъ споронамъ ог-
 ромной залы были поставлены два шпала.
 За однимъ сидѣло двѣнадцать шариковъ,

кошорымъ вмѣстѣ было девяносто въ восемьдесятъ лѣтъ, а за другимъ двѣнадцать женщинъ, имѣвшимъ девяносто восемьдесятъ шесть лѣтъ. Объединнымъ споломъ угощали, первыхъ Императоръ, а вторыхъ Императрица. Послѣ, Ихъ Величества, въ сопровожденіи Эрцгерцоговъ, омывали имъ ноги, и въ заключеніе роздали имъ серебряныя медали, выбишыя на эшошъ случай. Спарики и спарухи были одѣшы въ черныя плашья, подобныя шѣмъ, какія носили въ царствованіе Императора Рудольфа втораго.

1815

Г О Д Ъ.

ГЛАВА XII.

Предположенный отъездъ. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки. — Впечатлѣнiе, произведенное въ Европѣ. — Первое военное совѣщанiе. — Манифестъ Конгресса. — Военный совѣтъ. — Образованiе трехъ армiй. — Россiйскiя войска. — Комиссiя о продовольствiи. — Война.

При открытiи Конгресса думали, что дѣла въ немъ рѣшашся мѣсяца въ три. Пономъ, откладывая день за день, назначили окончанiе въ исходѣ Февраля мѣсяца. Государь, на возвращномъ пути въ Россiю, намѣревался посѣтить нѣкоторые Германскiе Дворы, соединенные съ Нимъ узами родства, и бысть въ Варшавѣ, гдѣ и были сдѣланы во дворцѣ всѣ нужныя пригошовленiя для пребыванiя Его Величества. Предположенiя не состоялись. Внезапно, 24го Февраля вечеромъ, разнесся слухъ, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы. Съ самой минушы по-

лученія этого извѣстія, оно сдѣлалось единственнѣмъ предметомъ совѣщаній Государственныхъ людей и разговоровъ Вѣнскихъ жишелей. На гуляньяхъ, въ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и слышны были объ немъ шолки. Всѣ спрашивали, встрѣчая другъ друга: подтверждается ли оно, и нѣтъ ли какихъ либо дальнѣйшихъ подробностей? Эта вѣсть произвела, можно сказать, нѣкошорое оцѣпенѣніе умовъ въ Вѣнѣ, гдѣ, въ теченіе шесни мѣсяцевъ, всѣ жили посреди безрешанныхъ веселостей и занятій. Баварскій Король, нѣкогда шѣсный союзникъ повелителя Франціи, на нѣсколько дней пошерялъ внешность и ходилъ, какъ не свой.

Два дня прошли въ догадкахъ о томъ, гдѣ Наполеонъ выйдетъ на берегъ. Одни полагали, что онъ оширавится въ Америку, другіе, что онъ пришенаетъ въ Неаполь; но большая часть, основываясь на неудовольствіяхъ, произведенныхъ слабымъ правленіемъ Бурбоновъ, думала, что онъ высадитъ свои войска во Франціи.

Неограниченно было любопытство. Бумажные деньги и государственные облигации, барометръ общественаго мѣня въ Европѣ, повсюду измѣнялись въ своемъ достоинствѣ. Австрійскія ассигнаціи по нѣскольку разъ въ день пережѣняли свою цѣну; Голландскій червонецъ въ двѣ недѣли возвысился отъ одиннадцати гульденовъ до двадцати одного. Наконецъ 26го Февраля узнали, что Наполеонъ приспалъ въ Ансибѣ, и общее вниманіе обратилось на Парижъ, гдѣ, къ сожалѣнію, не было тогда Русскаго Посланника. Съ этой минуты всѣ почивали войну неизбѣжною, чтобы Европу не подвергнушь вновь порабащенію, и предваряя опасенши, подобныя шѣмъ, копоры сначала революціи нарушали всемірное спокойствіе. Къ счастью, арміи еще не были распущены, и положено начашъ, не перья времени, пригоповленія къ войнѣ, въ успѣхъ копорой однако же нѣкопоры сомѣвались, пошому что узы, соединявшія до шого времени Державы, опчасши ослабли на Конгрессѣ, гдѣ не всякой видѣлъ шребованія

свои и желанія удовлетворенными. Нѣтъ сомнѣнїя, что лазутчики Наполеона, находившіеся въ Вѣнѣ, увеличили въ своихъ донесенїяхъ неудовольствїя, возникшія оцѣ этого разногласїя, и что онѣ, довѣряя ихъ ложнымъ показанїямъ, а также основывая опчасни надежды свои на тайномъ оборонительномъ договорѣ, заключенномъ въ Январѣ мѣсяцѣ между Австрією, Англією и Францією, мечпалѣ найши себѣ союзниковъ на швердой землѣ. Однако же расчетъ его оказался ошибочнымъ, пошому что именно появленіе его, предвозвѣщавшее новыя напасти, заспавило Дворы забышь возродившіеся между ними распри и укрьшило ихъ дружество.

Здѣсь представляется вопросъ: почему не были приняшы мѣры для воспрепятствования плѣннику бѣжашь съ острова Эльбы? Рѣшеніе вопроса находишя въ Иешорїи всѣхъ заговоровъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ. Съ одной стороны, хипросшь сообщниковъ и непроицаемая шайна, ими соблюдаемая, а съ другой, увѣренность:

въ невозможности удачи. На Конгрессѣ, за-долго до снважнаго побѣга Наполеона, многіе изъясляли опасеніе свое на счетъ близости къ швердой землѣ мѣстопробыванія его и утверждали, что въ Парижѣ несшунили слишкомъ великодушнѣ съ человекомъ, котораго одно существованіе уже было угрозою для Европы. Генераль Коллеръ, жившій съ нимъ на островѣ Эльбѣ, за чешыре мѣсяца ска-зывалъ мнѣ, » что Наполеонъ восполь-зуется первымъ удобнымъ случаемъ къ побѣгу; но надобно,« присовокупилъ онъ, » чтобы ему предназначилса обширный кругъ дѣйснвій; чиновники же, окру-жающіе его, въ особенннсти Бершранъ, » скучая единообразною жизнію въ Нортон-Ферраіо, только и помышляютъ о войнѣ, » въ которой бы они могли играть ка-кую нибудь роль.« Передъ новымъ годомъ прѣзжалъ въ Вѣну бывшій тайный секретарь Наполеона, Ле-Лорнъ-Дидевиль, которому приписываютъ сочиненіе извѣстной книги: » О приращеніи могущеснва Россіи.« Онъ пробирался въ Польшу

и явился съ разными предложеніями. Ихъ нелѣпость была очевидна, но они однако же рождали подозрѣніе о существованіи какихъ-то тайныхъ замысловъ. Французскій Генераль Марсаль, которому поручено было вести пленныхъ изъ Россіи во Францію, сказывалъ въ Вѣнѣ, что они, перейдя границу, подняли знамя, на которомъ было написано: » Мы съ нимъ увидимся.« *) Теперь уже дозволено, сколь много писемъ Бурбоны получали отъ намѣреннаго врага своего; но они пренебрегли ими, какъ Юлій Кесарь сѣвѣрами друзей своихъ, увѣщавшихъ его не являться въ Сенатъ въ ночь дель, коморый, по ихъ догадкамъ, назначенъ былъ для умерщвленія его. Обвиняющіе ихъ и другаго въ оплошности, значило бы усомниться, что Провидѣніе по временамъ ниспосылаетъ кары, которыхъ никакая человѣческая предусмотрительность отвращивать не въ состояніи.

На другой день послѣ полученія известія о прибытіи Наполеона во Францію,

*) Nous le reverrons un jour.

собрать былъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали по одному Генералу съ Русской, Австрійской и Прусской стороны, а именно: Князь Волконской, Князь Шварценбергъ и Кнезебекъ. Они основывали разсужденія свои на шрехъ слѣдующихъ предположеніяхъ: *первое*, или Наполеонъ вовсе не имѣетъ сообщниковъ во Франціи, почему не будешь въ состояніи собрать арміи и погибнешъ. Друге находили вѣроятнымъ, судя по описанію Коменданша города Аншибъ перейти на его сторону. *Второе*, или онъ увѣренъ, что найдетъ значительное число преданныхъ себѣ людей, съ которыми накоритъ роялистовъ. Наконецъ *третье*, что при появленіи его вспыхнетъ всеобщій бунтъ, особенно въ Парижѣ, и Король, лишась войскъ, не будешь въ состояніи прошивопославши ему никакого сопротивленія.

Каждое изъ шрехъ предположеній должно было имѣть особенныя послѣдствія; почему разсудили не спѣшить соединеніемъ армій у границъ Франціи, но велѣли

только находилъся имъ въ гѣбовлѣсѣи, а именно: Русскимъ войскамъ между Краковомъ и Калишемъ, Австрійскимъ на Рейнѣ, Англійскимъ и Голландскимъ между Намюромъ и Монсемъ, а Прусскимъ у Магдебурга, за исключеніемъ корпуса Генерала Клейсма, которому приказано расположиться между Майнцемъ и Луксембургомъ. Сверхъ того опредѣлилъ: ежели бы Король Французскій имѣлъ доснамачную армію, чтобъ идти на общаго непріятеля, то въ такомъ случаѣ Генералу Клейсму соединиться съ Англо-Баварскою армією и Австрійцами, находившимися уже въ окрестностяхъ Майнца, и направитъ ихъ на Парижъ. За ними вслѣдъ опрѣдѣлилъ главныя силы Австрійцевъ, сосредоточивавшіяся у Майнца, а аженъ городъ почищать главнымъ мѣстомъ вооруженія для всѣхъ армій. Въ заключеніе согласились не позволять Швейцаріи оставаться неутральной.

Не прошло пяти дней послѣ засѣданія, какъ извѣстились объ успѣхахъ Наполеона. Онъ дѣйствительно съ чрезвычайною

бдеспрешою. Въ Вѣнѣ узнали почти въ одно и то же время о движеніи его къ Греноблю, имѣя въ Лабедейера, заняшіи Ліона и опчаяніи Бурбоновъ, опъ копорыхъ одинъ за другимъ оплагались разные корпусы войскъ. Тогда же Неаполитанскій Король Иорашъ опбресилъ личину, подъ копорю онъ шайлъ ненависть къ Союзнымъ Монархамъ, увѣдомилъ Папу оффициальнымъ опношеніемъ о преданности своей къ Наполеону, разсѣялъ по всей Италіи воззванія къ оружію и напалъ на Австрійцевъ безъ предварительнаго опявленія войны. Въспѣшъ съ шѣмъ обнаружено въ Вѣнѣ покушеніе увезши Римскаго Короля изъ Шенбурна въ Парижъ, для него и лошади по всей дорогѣ уже были дарошповлены. Разсказывали, что не задолго до опкрытія этого заговора, Французы, бывшіе при маленькомъ Принцѣ, выучили его сказать Императору Францу привѣщеніе, въ копоромъ онъ просилъ дѣда своего, засшунить мѣсто его опца, дропивъ копораго всѣ Державы ввернулись. Заговоръ, а особливо по-

спушки Неаполишанскаго Короля удешовѣрили еще болѣе въ обширности замысловъ Наполеона, и что сообщники его находились не въ одной Франціи. Въ слѣдствіе сего, Уполномоченные на Конгрессѣ получили отъ своихъ Дворовъ повелѣнія обнародовашъ манифесшъ, которыми объявляли: » что Наполеонъ нарушилъ заключенные съ Государями ихъ договоры, » что владычество его несомнѣнно съспокойствіемъ Европы, и что всѣ Державы обязуются его изложить.« Немедленно отправлены были въ пограничныя мѣста курьеры съ предписаніемъ не впускать въ предѣлы Австріи чиновниковъ, посланныхъ Наполеономъ къ первенствующимъ Дворамъ съ извѣстіемъ о возвращеніи его въ Парижъ и увѣреніемъ, что не станутъ нарушать мира, а посвятятъ себя исключительно благоденствію Франціи.

Послѣ, было приснувлено къ составленію дружественнаго прахшанта между четырьмя первенствующими Державами, обязавшимися употребить всѣ силы, чтобъ

опъ покушеній Наполеона охранить неприкосновенность Парижскаго мира и постановленія Конгресса. Имѣя въ предметѣ привесить въ исполненіе знающъ иракшавшъ, подписанный 13го Марша, пригласили къ соучаснію въ немъ и прочія Государства, которыя всѣ, за исключеніемъ одной Швеціи, поспѣшили изъявить готовность свою содѣйствовать первенствующимъ Державамъ. Осавалбѣ опредѣлилъ количество войскъ, которое каждое Государство должно было выставить, и назначилъ сборныя мѣста для нихъ. Заѣданіе, бывшее по этому случаю въ домѣ Герцога Веллингтона, доспойно примѣчанія, какъ по единодушію членовъ, такъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, въ немъ принятымъ. Изъ восьми лицъ, присушествовавшихъ въ совѣтѣ, было три Фельдмаршала: Веллингтонъ, Шварценбергъ и Вреде, а изъ Коронованныхъ Главъ полько — одинъ Александръ, который въ начинавшейся войнѣ снова являлся въ видѣ Агамемнона. Опредѣлено было выставить три арміи: первую, названную армію

Верхняго Рейна, подъ начальствомъ Князя Шварцемберга, и соснавленную изъ Австрійцевъ, Баварцевъ, Баденцевъ, Виртембергцевъ и Дармишпашцевъ, коимъ надлежало расположиться между Франкфуртомъ и Базелемъ; вторую, Нижняго Рейна, изъ спа пятидесяти шрехъ тысячъ Прусаковъ, подъ начальствомъ Князя Блюхера; и шрешю, Нидерландскую, предводимую Герцогомъ Веллингтономъ, изъ Англичанъ, Ганноверцевъ и Голландцевъ. Войска прочихъ владѣтельныхъ Германіи распредѣлялись въ арміи Фельдмаршаловъ Блюхера и Веллингтона. Сверхъ того двадцати-тысячному корпусу надлежало занять крѣпость Майнцъ.

Въ это время прибыли въ Вѣну призываемые сюда нарочно для военныхъ совѣщаній Генералы: Дибичъ и Толь, починавшіеся у насъ лучшими спрацетиками. Приянно было видѣть, что оба полководца, копорые въ послѣдствіи глубокими и искусными соображеніями своими пошриси Опшоманскую Цоршу въ самыхъ ея основаніяхъ, совершенно согласовались въ мнѣ-

нѣяхъ и видахъ на счетъ предполагаемыхъ дѣйствій.

Россійская армія долженствовала со-
ставитьъ главный резервъ вооруженныхъ
силъ Европы. На званіе коменданта Фельд-
маршалъ Барклай де Толли, коюраго
главная квартира, со времени возвращенія
изъ Франціи, находилася въ Варшавѣ,
выступилъ изъ Царскаго Польскаго къ Рей-
ну въ шрехъ колоннахъ. Въ нихъ соспало,
со включеніемъ парковъ и всѣхъ лицъ,
къ военному управленію и обозу принад-
лежащихъ, двѣсти двадцать пять тысячъ
семдсѣтъ пять человѣкъ. Въ то же вре-
мя, подъ начальствомъ Генерала Миллера-
Закомельскаго, образовалась резервная ар-
мія изъ шреннихъ батальоновъ и седьмыхъ
эскадроновъ полковъ, назначенныхъ дѣй-
ствовать противъ Наполеона. Для под-
крѣпленія ея и содержанія въ спокойствіи
прилежащихъ къ Бугу и Нѣману Губер-
ній, въ коихъ начали обнаруживаться
непріязненные волненія, корпусъ Князя
Горчакова снаряженъ былъ изъ южной ар-
міи къ Бресну-Лишовскому. Кромѣ огром-

наго ополченія Россіянъ, двинувшася на защиту Европы, еще оставалось внутри Имперіи болѣе шрехъ сотъ тысячъ войскъ. Не сколько многочисленность арміи напей, бывшей въ это время вдвое сильнѣе, нежели при началѣ оппечесшвенной войны, сколько ея устройство, предметъ постоянныхъ, ежедневныхъ заботъ Государя, возбуждало удивленіе иностранцевъ. Въ рядахъ ея находились полководцы, одержавшіе блистательныя побѣды, и частные Генералы, копорыхъ имена, издавна любезныя Россіи, числились не въ однихъ спискахъ, сохраняемыхъ въ дежурствахъ, но занимали почетныя мѣста въ военныхъ лѣтописяхъ.

Потомъ приступили къ разсужденію о продовольствіи войскъ во время следованія ихъ къ Рейну. Для этого учреждена была коммиссія, въ которой находились Русскіе, Австрійскіе, Англійскіе и Прусскіе чиновники. Дѣйствию ея замедлялись еще неопытныхъ цѣнь, копорыя съ насъ требовали различныя Нѣмецкія правительственна. Зная благородный

образъ мыслей Государя, гошоваго. на всякія пожертвованія, они шорговались какъ кунцы, и на каждомъ шагу носшавляли зашрудненія. Одни говорили о совершенной невозможности продовольствешваш Русскихъ, а другіе ушверждали, что собешвенныя ихъ войска будущъ скоро прешерпъвашъ голодъ. Немного ошталось Германскихъ владъшелей, не прибъгавшихъ съ прозьбами о избавленіи земель ихъ ошъ прохождения Русскихъ войскъ; хотя въ шо же время они и убъждали Государя не ошавлять ихъ безъ зашщны прошивъ общаго врага. Саксонцы присылали въ Вѣну царочную депушацию, просившую, чтобы наша военная дорога проведена была мимо Саксоніи, а въ случаъ, ежели бы нельзя было миновать сего Королевсшва, шо чтобы продовольствіе для людей и для лошадей свезено было въ Саксонію изъ соедешвенныхъ земель. Депушанш насшавляли въ особенності, чтобы наши, во время движенія своего къ Франціи, не касались нѣкоморыхъ городовъ, какъ на-примѣръ Лейпцига. По заключенному усло-

вію, через Виршембергтію должны были проходить одни Австрійцы; но два не-большіе наши отряда какимъ-то образомъ направились черезъ нѣкоторыя погранич-ныя деревни сего Королевства, и пошчасъ прибыли въ Вѣну нарочный Генераль изъ Спунгарда, объявивъ рѣшительно объ отказѣ своего правительсва продоволь-ствовашъ Русскихъ и ошводивъ имъ для носной домы. Баварцы дѣлали всѣхъ бо-льше затрудненій. Долго надобно было уговаривашъ ихъ на принятіе системы общаго армейскаго хозяйсва въ Германіи, на кошорое они наконецъ согласились съ условіемъ, чшобы формы при эшомъ дѣлѣ не были одинаковы съ шѣми, кошорыя упошреблялись съ прочими мѣлкими вла-дѣніями, и чшобы деньги за муку, овесъ, больницы и прочее, выдаваемы были имъ непремѣнно впередъ за каждый мѣсяць. Одинъ изъ Минисировъ ихъ писалъ: » Въ » послѣднія войны ожеривованія Баваріи » были шакъ для нея обременительны, » чшо, не установивъ точныхъ условій » на счетъ возврата денегъ за неснавку

»продовольствія, нѣтъ возможности пре-
»бывать ошъ нея какого-либо пособія при
»проходѣ Русскихъ войскъ.« Не значило
ли это въ переводѣ: Русскіе, вы насъ
спасише, и сверхъ того за наше избавле-
ніе заплашите намъ деньги?

Приговоренія къ войнѣ замедлили
окончаніе Конгресса, на кошоромъ Алек-
сандръ довершилъ начатое Петромъ и
Екатериною, утвердивъ вліяніе Россіи на
прочія Державы. Возстановя, съ нѣко-
торыми измѣненіями прошиву прежняго,
полишическое равновѣсіе, это необходи-
мое условіе просвѣщенія и благосостоянія
народовъ, Императору надобно было, для
защиты равновѣсія противъ Наполеона,
вновь обнажить мечъ Россіи, оградившей
навсегда Европу съ Восшока ошъ наше-
ствія варваровъ и Турокъ, оказавшей
шѣмъ величайшую услугу человечеству,
предшоялъ шрудъ въ другой разъ изба-
вить ее со стороны Запада ошъ военного
деспотизма Наполеона. Ошложивъ намѣ-
реніе свое возвратишься въ Россію, Го-
сударь рѣшился ошяшь, какъ и въ прош-

домъ году, лично предводительствовашь арміями. Такимъ образомъ жребій войны былъ брошенъ. Едва начали науки развиваться подъ сѣнію мира, и едва торговля снова оживошворянь долгое время спѣсенную промышленность, какъ снова огнь Уральскихъ горъ до Лиссабона дороги покрѣлись многочисленными арміями, и восклицанія: къ оружію! — раздались огнь одного конца Европы до другаго.

ГЛАВА XIII.

Подарки Вѣнскому Двору. — Отъездъ изъ Вѣны. — Баварскій Дворъ. — Вице-Король Италійскій. — Стутгартъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльсбергъ. — Гейдельбергъ.

Когда начали дѣлать пригошовленія къ ошъзду изъ Вѣны въ армію, то надобно было сосшавишь списокъ подарковъ для чиновъ Авспрійскаго Двора, испощавшаго въ опношеніи къ госшямъ своимъ всѣ средсшва, госшенпріимсшва. Чшобъ имѣшь нѣкопорымъ образомъ мѣру награжденій, съ кошорою бы можно было сообразовашься, то приняли за основаніе подарки, розданные Виршембергскимъ Королемъ, кошорый славился своею щедросшію, и, уѣхавъ первый изъ Коронованныхъ Главъ съ Конгресса, роздалъ вещей и денегъ на шринадцашъ шысячь червонныхъ. Подарки, сдѣланные Государемъ наканунѣ ошъзда

изъ Вѣны, кромѣ бриліанновыхъ вещей, пожалованныхъ разнымъ дипломашичскимъ чиновникамъ, заключались въ слѣдующемъ: двадцать восемь шабакерокъ, изъ кошорыхъ шесть съ норнпрешомъ и пять съ вензелемъ, двадцать перешней, изъ нихъ два съ поршпрешомъ и чешыре съ вензелемъ, два знака алмазныхъ ордена Свяшаго Александра Невскаго и одинъ шакой же Свяшья Анны первой ешепени. Сверхъ того пожаловано на услугу деньгами около двѣнадцати тысячъ червонныхъ и пять тысячъ червонныхъ находившемуся при Государѣ Князю Клари, въ нособіе ошъ разоренія, понесеннаго имъ въ войну 1813 года по его имѣнію, находящемуся въ Богеміи.

Наконецъ, 13го Мая, въ прекраснѣйшій вечеръ, мы ошправились изъ Вѣны въ Минхенъ, съ шѣмъ, чшобы ошшуда ѣхашъ въ Сшунгардъ, а потомъ въ нашу главную квартширу, Гейльбронъ. Всю ночь я думалъ о томъ множесшвѣ разныхъ лицъ, кошорыя находились на Конгрессѣ, о добродѣтеляхъ и слабосняхъ, кошорыхъ я

былъ свидѣтелемъ, объ успѣхахъ проsvѣщенія и о силѣ предрасудковъ; о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и объ уединенныхъ прогулкахъ моихъ въ окрестностяхъ Вѣны. Словомъ сказавъ, воображенію моему предшавлялись всѣ суеты шумнаго, безпримѣрнаго восьми мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгрессѣ, и вывѣсти съ шѣмъ занимали меня мечты о предпроявшемъ путешествіи и походѣ. Первые лучи солнца заспали меня недалеко отъ Мелька. Красоты, разсыпанныя здѣсь щедрою рукою природы, разсылали беспорядокъ моихъ мыслей. Нѣсколько почтъ слѣдовали мы по берегу Дуная, любуясь цѣлью Сивирійскихъ горъ, изъ-за коихъ показывалась снѣжная высота Тиреля. На правой сторонѣ не прерывался рядъ бѣгавшихъ селеній, около коихъ видны были старинныя замки и пасиыся ошадъ. Въ каждой деревнѣ и въ каждомъ городѣ множеству народа ожидало Гоеударя.

По прибытіи въ Нименбургъ, загородный дворецъ Баварскаго Короля, оп-

стоящій опгь Минхена версняхъ въ ше-
ени, и приготоовленный для пребыванія
Гоеударя, Его Величештво лично пред-
спавлялъ насъ Королю, кошорый сказалъ
мнѣ: »Будше у меня въ госняхъ безъ
»всякихъ церемоній.« Нельзя было не
любовашься, видѣвъ его и супругу его въ
кругу шести маленькихъ прекрасныхъ до-
черей, кошорыхъ воспитаніемъ занимал-
ся онъ самъ. Преимущешвенно обращала
на себя вниманіе старшая дочь Короля,
бывшая Вице-Королева Ишалійская, одна
изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего вре-
мени. Въ какомъ величій видѣлъ я ее за
пяшь лѣтъ предъ шѣмъ въ Миланѣ, въ
цвѣтѣ молодосши, на Пресполь одного изъ
богатѣйшихъ царствъ въ мірѣ! Король
обходилъ съ придворными на дружеской
ногѣ: искренность его и шулки застав-
ляли забывашь санъ его. Баварскій Дворъ
состоялъ человекъ изъ двадцати пожи-
лыхъ Каммергеровъ самыхъ старинныхъ
фамилій; но между ними не было людей,
по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Ис-
поріи, какихъ пріятно встрѣчашь на слу-

пеняхъ Прешловъ. Любопытнѣйшій вельможа былъ Графъ Монжеласъ, которъй управлялъ прѣмя Миниспершвами: Иностраннымъ, Финансовъ и Внутреннимъ, заключавшемъ въ себѣ также Миниспершво Правосудія и Просвѣщенія. Я съ удовольствіемъ слушалъ умные и краснорѣчивые его разговоры, и смѣрѣлъ на различные черты лица его. Какъ всѣ люди, занимающія важныя мѣста, Монжеласъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и завистниковъ; но ему должно отдать справедливосшь, что внутреннее управленіе Баваріи приведено было имъ въ большую исправносшь, и что въ отношеніи къ иностраннымъ Державамъ онъ пославиль свое отечесшво на такую степень величія, на какой оно никогда прежде не бывало.

На другой день мы ѣздили въ Минхенъ, гдѣ городъ давалъ Императору балъ въ театрѣ. Лишь только Его Величесшво прибылъ, какъ началась Русская пляска, продолжавшаяся около четверти часа; потомъ явились актеры, одѣтые въ плашье

различныхъ парадехъ, обшавшихъ въ Рос-
сiи, и проходили мимо лежи Государя при
громѣ музыки. Король предложилъ обой-
ти по партеру. Едва мы сдѣлали нѣсколь-
ко шаговъ, какъ увидѣли водопадъ, а надъ
нимъ изображенiе Каменнаго Осирова, ле-
пящій обшавшюся незабвеннымъ въ ве-
скихъ дѣтскихъ, какъ любимое мѣсто
пробыванiе Александра. Пондiй исполнилъ,
несидя ашопъ осирова и его шдидиши
алон, съ умилонiемъ будишь смонрѣшь
на экранное шилище Великаго Монарха,
Кощораго душа была доспушна всякаго ре-
да благимъ ввсчашдѣнiямъ. Пондiй играли
комическую оперу, во время кощорой Го-
сударь казался скучнымъ. Онъ не любилъ
драматическихкихъ представлений. «Но Минъ
»хоня бы вѣкъ не было шесировъ,« ска-
завъ Онъ однажды. Между шѣмъ я вешу-
налъ въ разговоры съ многими изъ при-
дворныхъ. Въ Германiи маружноешъ лю-
дей мало общаешъ, но она обманчива.
Трудно познакомишься съ ждшелями оной
благословенной оперы; но чѣмъ болѣе
ихъ узнаешъ, шѣмъ шажелѣе съ ними раз-

спались. Связи дружбы, съ ними однажды заключенныя, пребывають неразрывны во всю жизнь.

Мая 17го ожидали прибытія Австрійскаго Императора, и послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, чтобы встрѣтить Его Величество. Я нахотился подлѣ Вице - Короля Испалійскаго, въ чертахъ лица котораго примѣтно было уныніе. При погодныхъ обещаніяхъ эшо иначе и бытъ не могло, шѣмъ болѣе, что при началѣ Конгресса, осыпанный милостіями Государя, Который ежедневно прогуливался съ нимъ рука объ руку и въшжомъ, Евгенийъ, во время бѣгства Наполеонова съ острова Эльбы, по подозрѣнію, основанному на письмѣ, будто бы шайно имѣ Французскому курьеру врученномъ, получилъ приглашеніе оставишь Вѣну. Холодное съ нимъ обращеніе Государя въ Нимфенбургъ, казалось, и оправдывало и въшжомъ образомъ справедливосшь подозрѣнія; но Императоръ не преспавалъ его уважать, и разговаривая однажды съ мною объ немъ, назвалъ его »человѣкомъ самыхъ чеспныхъ

»правиль.« Евгeній началъ говорить со мною о предметахъ обыкновенныхъ, но я старался склонить рѣчь на войну 1812 года. Чести нашей ничто не опинимешъ. Русскіе цeсшавили ee на незыблемомъ основаніи; но не менѣе того ирiанно мнѣ было слышанъ отъ ближайшаго родственника Наполеонова, и одного изъ искуснѣйшихъ Генераловъ, похвалы, воздаваемые имъ Князю Смоленскому и арміи нашей. »Вы мнѣ позволите сдѣлать замѣчаніе, « сказалъ онъ между прочимъ, « что это первый ученый походъ Русскихъ, » и въ немъ показали вы превосходство вашихъ офицеровъ и солдатъ. Я раздѣлялъ, « продолжалъ онъ, » со всею Французскою арміею увѣренность въ успѣхъ; » но ваши воинскія распоряженія засшавили меня вамъ удивляться. « Прибытіе Императора Франца и супруги его прервало нашъ разговоръ. Всѣ пошли ихъ встрѣчать, и проводили цошомъ, по обыкновенію, до комнатъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ, придворные начали расходиться. Упомянутые, какъ буд-

по совершивъ подвигъ, они говорили другъ другу: »Какой сегодня былъ шягоспный день! до вечера ничего не будешь; ужинъ назначенъ въ девять часовъ.«

19го Мая мы выехали изъ Нимсенбурга въ Спуншгардъ. Король Виршембергскій ожидалъ Императора въ деревнѣ Эллингенъ, гдѣ Генераль Чернышевъ представилъ меня Его Величеству. Я провелъ съ нимъ около часа. Король во все это время говорилъ о Франціи, о Рейнскомъ Союзѣ, о войнѣ и подобныхъ важныхъ предметахъ. Онъ также вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи, и объяснялся съ такимъ благоразуміемъ и такъ краснорѣчиво, что вселѣлъ въ меня особенное уваженіе. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости. Онъ управлялъ Государствомъ своимъ самъ; никто изъ Министровъ не имѣлъ вліянія на дѣла. Его правленіе было строгаго; поданія очень велики; вѣкошорые на это жаловались, но за то нигдѣ въ Германіи не было такого порядка, какъ въ Виршембергѣ, и

накого великолѣнія, какъ при Спунгардскомъ Дворѣ, копорый пышносно и усройшвомъ превосходилъ Дворы Вѣнскій и Берлинскій. Наполеонъ, во время блеска Сен-Клудскаго Двора, присылалъ сюда чиновниковъ для изученія порядка, здѣсь заведеннаго, и говаривалъ: »въ Виршембергѣ гнѣтъ Королевства, но есмь Король.«

По прибытіи Государа въ Эллингенъ, мы съѣли въ придворныхъ поляски и отправляясь въ Спунгардъ, по дорогѣ, вдоль берега рѣки Некара, посреди богатыхъ селеній, за которыми видна цѣпь горъ. На одной изъ нихъ развалины замка Варшемберга, откуда происходятъ нынѣ царствующій Домъ. Высверѣлы изъ орудій, расшавленныхъ по возвращеніямъ, возвѣстили приближеніе Государа. Мы ѣхали по прекрасному парку мимо оранжерей, звѣрицевоу и увеселительныхъ домовъ Короля. Все обѣщало блистательную встрѣчу. Дворъ ожидалъ насъ на лѣшницѣ замка; на спупеняхъ расшавлены были Камергеры и пажы, заливые, шакъ сказашъ, въ золошо, а въ переднихъ комна-

шахъ кавалергарды и шрабанши, въ смиринной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соотвѣшествоваху блеску, въ конюренѣ я видѣлъ придворныхъ: снѣ малы, убраны небогато, но со вкусомъ. Въ кабинетѣ Короля висѣли шри портретовъ Петра Великаго, Фридриха Втораго и Герцога Фердинанда, конюерый почитаемся однимъ изъ самыхъ мудрыхъ Виршембергскихъ владѣтелей. Ночь обыкновенныхъ предшавленій, насъ пригласили въ театръ. Здѣсь взоръ мой былъ ослѣвленъ пышностію нарядовъ и необыкновеннымъ множествомъ знаменъ отличія, украшавшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Въ Виршембергѣ, гдѣ народонаселеніе простирается до полушара милліона, болѣе лицъ, имѣющихъ орденъ, нежели въ Австрійской Имперіи, заключающей въ себѣ двадцать семь милліоновъ жителей.

Черезъ два дня мы переѣхали изъ Спунсгарда въ Людвигсбургъ, обыкновенное лѣтнее мѣстопробываніе Короля. Повсюду видны были богато одѣтые при-

дворные и часовые; но городъ похожъ на казарму, потому что на улицахъ никого, кромѣ военныхъ, не встрѣчается. Съ нами вмѣстѣ прибылъ сюда также Императоръ Австрійскій, и по случаю встрѣчи его и предшавленія двумъ Императорамъ, придворные во весь день суешились. Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрепо на балъ, а я поѣхалъ въ Смушгардъ, чтобы познакомиться съ славнымъ ваятелемъ Даннекеромъ. Къ сожалѣнью, я не засталъ его дома, но мнѣ показали его мастерскую, гдѣ я видѣлъ Ариадну, лежащую на барѣ. Она почитается одною изъ изящнѣйшихъ статуй въ свѣтѣ, и смѣло можешь бышь посцавлена на ряду съ произведеніями Кановы и Торвалдсена, у которыхъ Даннекеръ оснариваетъ пальму первенства. Изъносъ шѣла Ариадны, красота лица, выраженіе, все превосходно. Жаль, что на мраморѣ есть нѣсколько черныхъ пятенъ, происходящихъ отъ того, что кусокъ, изъ котораго она изваяна, пролежалъ два года въ рѣкѣ Ронѣ. Въ мастерской видѣлъ я, сверхъ того, прекрас-

ные бюсты Шиллера, Графини Алопеусъ и Князя Мешперниха.

24го Мая мы выѣхали изъ Людвигсбурга въ Гейльбронъ, небольшой городокъ, лежащій въ прекрасной долинь. Здѣсь была наша главная кваршира. Ежеминутно прїѣзжали сюда Генералы, офицеры, курьеры; не было болѣе ни придворныхъ, ни вельможъ, ни баловъ; все приняло военный видъ; уже думали не о веселосяхъ, а о славѣ, и жалѣли шолько, что наши войска еще далеко отъ Рейна. Главная кваршира Авспрїйцевъ находилась въ Гейдельбергъ, и хоша они увѣряли, что въ семь городъ очень шѣсно и что Государю гораздо покойнѣе будетъ въ Гейльбронъ; однако же Его Величество, желая, по обыкновенію Своему, находишься въ средоточіи военныхъ дѣйствій, велѣлъ имъ отвѣчать, что для Него нужно не болѣе одного или двухъ домовъ, а что главная кваршира Его можетъ расположиться въ близлежащихъ отъ Гейдельберга деревняхъ; почему на

другой день мы и отправились въ этотъ городъ.

Дорога отъ Гейльбронна до Гейдельберга прелестна. Красота мѣстоположеній, чистый лазуревый сводъ небесъ, непомятаемый ни однимъ облакомъ, широкое шеченіе Некара у подошвы крутыхъ горъ, рождали во мнѣ желаніе засвѣшло пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, чтобы видѣть окрестности его. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ; народъ покрывалъ улицы; ешуденшы съ веселыми, открытыми лицами напоминали мнѣ счастливые годы жизни моей; Профессоры продолжали свои лекціи. Однажды я зашелъ къ шому изъ нихъ, кошорый принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ; учебная комната его наполнена была слушателями. Въ двѣнадцати версахъ отъ Французской границы, среди военнаго шума, они предавались наукамъ съ шакимъ жаромъ, что забывали положеніе, въ кошоромъ находился политическій міръ. Зачѣмъ не раздѣляю я съ вами очарованія вашего? подумалъ я, и шихими шагами пошелъ на

гору, на коной возвышаются развалины шариннаго, великолѣпнаго замка. Съ ней видна долина до самаго Мангейма, усѣянная деревнями, городами и садами, и открывающа все теченіе Некара. Вдали мелькаешъ Рейнь и синѣюща предѣлы Франціи. Тамъ стояли уже непріатели, отъ конойхъ только двѣнадцать верстъ насъ отдѣляли!

ГЛАВА XIV.

ЗАГОРОДНЫЙ ДОМЪ ГОСУДАРЯ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ. — РОССИЙСКІЯ ВОЙСКА. — ВОЕННЫЯ СОВѢЩАНІЯ. — ОПЕРАЦИОННЫЙ ПЛАНЪ ГОСУДАРЯ. — ПИСЬМО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ГЕРЦОГУ ВЕЛЛИНГТОНУ. — ПЛАНЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — ИЗВѢСТІЕ О СРАЖЕНІИ ПРИ ЛЕНЬЕ. — ПОБѢДА ПРИ ВАТЕРЛО. — ПРИЗВАНІЕ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ. — ВЕЛИКАЯ КНИГИЦА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА.

По прибытіи въ Гейдельбергъ, Государь переѣхалъ въ скоромъ времени за городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда. Когда послѣднему сказали, что Императоръ желаетъ поселиться въ его домъ, то онъ, принявъ это за особенную честь, обѣщалъ въ шопъ же день все приготоовать для пріятія Его Величества. Вдругъ неожиданно вошелъ Государь, благодарилъ хозяина чистымъ Англійскимъ языкомъ, и желалъ познакомиться съ супругою его и шестерыми дѣтьми, копорыхъ Онъ осыпалъ ласками, и пригласилъ бывать въ саду ихъ

такъ часто, какъ имъ угодно, общая, что въ немъ все будетъ сохранено въ прежнемъ видѣ.

Такъ какъ и мнѣ въ этомъ дѣмѣ оповѣдена была коннаша для работы, но однажды, проходя мимо его сада, расположеннаго у подошвы крушыхъ горъ, защищающихъ его отъ сѣвернаго вѣтра, я увидѣлъ въ саду Государя, Который поливалъ цвѣты. Я остановился и съ особеннымъ чувствомъ смошрѣлъ на величайшаго Монарха въ Европѣ, предводительствовавшаго силами всѣхъ Державъ, накануне, можетъ быть, кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ должна была рѣшиться участь Царствъ, и занимавшагося цвѣтами! Потомъ Онъ взомель на гору и долго смошрѣлъ на прелесныя окрестности. Казалось, что Онъ стаскиль былъ, любуясь красотами природы. Спокойствіе, которее въ эти роковыя минуты изображалось на Его лицѣ, было шѣмъ примѣчательнѣе, что оно соснавлало самую разительную противоположность съ чувствами, какія вѣроятно

тогда обуревали мрачную душу Наполеону. Эпоху честолюбивъ, съ самаго вступленія въ Парижъ, не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, исхопалъ всю дѣятельность и напрягалъ всѣ способности ума своего на то, чтобъ ослѣпить и обманушь Французовъ на счетъ своего дерзкаго предпріятія, и Францію превратишь, какъ скажешь, въ безчисленные лагеря и арсеналы, въ которыхъ образовались войска и изгопывались всякаго рода оружіе и снаряды. Онъ снабдилъ крѣпости артиллеріею и запасами для выдержанія продолжительныхъ осадъ, укрѣпилъ Парижъ и Ліонъ, и обснавилъ всю границу Франціи войсками. Зная, что война, которая начиналась, должна была рѣшиться, или совершенною побѣдою съ его стороны, или конечнымъ его уничтоженіемъ, онъ непадилъ средствъ къ ошчаянной борбѣ.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ отъ 25го Мая до 10го Іюня, ожидая приближенія нашей арміи, которая въ началѣ Іюня мѣсяца и начала прибывать. Русскіе полки удивляли мужественнымъ видомъ сол-

дашь, несправносною оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей; но хошя войска бы-ли доведены до возможнаго совершенства, однако же ошъ наблюдашельнаго взора Государева не скрылись нѣкошорые недо-сшашки. Изъ слѣдующихъ шрехъ замѣча-ній, сдѣланныхъ Его Величешвомъ, мож-но видѣшь, до какой сшепени Онъ вхо-дилъ въ подробности. Ахшырскій гусар-скій полкъ найденъ Государемъ въ ош-личномъ состояніи, но замѣчено, что у нѣкошорыхъ уншерь-офицеровъ были про-шиву положенія серебряныя цѣпочки на уздахъ. Другой гусарскій полкъ Государь хулялъ за шо, что на киверахъ солдатъ сулшаны были не довольно прямы, а обь одной аршиллерійской рошъ сказалъ, «что у исправнаго извощика збруя на лоша-дяхъ лучше,» и велѣлъ начальнику ро-шы служишь за младшаго офицера въ про-долженіе похода.

Иноспранцы не понимали, какъ Русскіе могли пройши, ошъ Нѣмана до Рейна, съ шакою посшѣшносною, и сохранишь во веѣхъ часшяхъ ошмѣнный порядокъ. Осо-

Бенно было прилично смотрѣть на вен-
новъ, выслужившихъ узаконенный двад-
цати-пяти лѣтній срокъ. Имъ предлага-
ли опшазку въ началѣ нышняго года;
но они, извѣщаясь о пахадѣ, просили
позволенія участвовать въ войнѣ. Галушъ
на лѣвой рукѣ ошличалъ эшихъ вешера-
новъ, кошорыхъ во всей арміи счншалось
до чешырехъ тысячъ человекъ. Іоаннъ
Мюллеръ сказалъ: »Природа показала, что
»она одарила Россію необыкновенною си-
»лою. Нужно только прикоснуться до
»нея, чтобы увидѣть, какъ эша Держава
»развиваешъ всеобъемлющее свое могуще-
»ство. Она едва познакомилась при Вла-
»димірѣ съ просвѣщеніемъ Грековъ, а при
»Петрѣ съ образованіемъ Европейцевъ, и
»уже сношенія ея обняли всѣ великія
»Державы.« Если бы дѣписашель Гель-
вещи, воскресившій въ своихъ сочи-
неніяхъ великій духъ Древнихъ, до-
жилъ до нашего времени, то присовоку-
пилъ бы: »Лишь только двадцать наро-
»довъ покусились нарушить благоден-
»ствіе великой Имперіи, какъ въ шече-

»ніе полушора года по нанесеніи ихъ,
»Русскіе дважды были за Рейномъ.«

Между тѣмъ занимался сочиненіемъ плана военныхъ дѣйсвій. Первоначально Австрійцы сообщили свои предположенія. Они заключались въ томъ, чѣмъбы арміи ихъ, собранной на Рейнѣ, поднявшись вверху по рѣкѣ къ Базелю, дѣйсвовали сколько можно совокупити съ войсками ихъ, шедшими изъ Иналіи подъ начальствомъ Генераловъ Фримона и Біанки, и не открывши Швейцаріи, которую они называли обороною своей Монархіи. Они желали, чѣмбы наша армія, предшесвуемая Баварскою, переправясь у Мангейма, шла по направленію къ Сентъ-Дизюе, и соединилась съ ними у Шомона.

По составленіи плана, Князь Шварценбергъ испросилъ предварительно на него согласія Австрійскаго Императора, и пономъ уже, вмѣстѣ съ одобрительнымъ писемомъ своего Монарха, представилъ планъ Государю. Императору было неприятно, что Фельдмаршалъ, безъ вѣдома Его, доводитъ планъ до свѣдѣнія своего

Двора, и далъ это почувствовать слѣдующимъ образомъ Князю Шварценбергу, кошорый въ шестъ день объѣдалъ у Государя. Князь, послѣ сна, спросилъ мнѣнія Его Величества на счетъ плана, и получилъ такой отвѣтъ: »Дѣло теперь рѣшено, пошому что предположенія ваши ушверждены вашимъ Императоромъ. Я съ Моей стороны почишаю нужнымъ присоветовать только нѣкоторыя замѣчанія.« Князь Шварценбергъ, видя изъ словъ Государя неудовольствіе Его, отвѣчалъ: »Sire, je vous ai manqué.« Въ шестъ же вечеръ Государь написалъ къ Австрійскому Императору письмо, кошорое однако же не было къ нему отправлено. Слѣдующія выраженія покажутъ содержаніе его: »Какихъ послѣдствій должно ожидать, если, не посоветовавшись съ своими Союзниками, Принцъ Регенсъ будетъ давать приказанія Веллингтону, Король Прусскій Блюхеру, вы Шварценбергу, а Я Барклаю?«

Вмѣсто этого письма, Государь послалъ къ Князю Шварценбергу слѣдующія

возраженія, написанныя собственноручно
Его Величества по Французски:

» Прочитавъ со вниманіемъ планъ, со-
» славленный Фельдмаршаломъ Княземъ
» Шварценбергомъ, Я. совершенно согла-
» сенъ съ нимъ въ главныхъ основані-
» яхъ, и различешвую только во мнѣ-
» нии, какимъ образомъ вступашъ во
» Францію.

» Мнѣ кажется, что ославляшъ между
» Россійскою арміею, которая должна пе-
» реходитъ черезъ Рейнъ въ Мангеймъ и
» Майнцъ, и Австрійскою, которая по
» плану имѣетъ переходитъ въ Базель,
» великое пространство земли, значило
» бы лишашъ себя добровольно величай-
» шей выгоды, но ешъ возможности сое-
» динитъ обѣ арміи въ шакомъ случаѣ,
» когда непріятель въ значительныхъ си-
» лахъ наналъ бы на одну изъ нихъ; что
» удобно можно исполнитъ, ежели Ав-
» стрійская армія переправитъ между
» Гермерсгеймомъ и Мангеймомъ. Такимъ
» образомъ до мѣсяца, предназначеннаго Ав-
» стрійской арміи Фельдмаршаломъ, мож-

» не досягнувши лушею прямишимъ и
 » слѣдственно кратчайшимъ, съ нею шоль-
 » ко разницею, что обѣ арміи будуть
 » всегда въ соснженіи соединиться и въ
 » превосходятъ числѣ вспрѣцишь не-
 » пріятеля.

» Напрощивъ шого, маневрируя на шоль
 » великомъ пространствѣ, какое находиш-
 » ся между рѣкою Сарою и дорогою, веду-
 » щою изъ Базеля въ Везуль, мы можемъ
 » бышь принуждены къ опсшупленію,
 » ежели не захопимъ сражаться съ не-
 » пріятелемъ, почти равносильнымъ. Я
 » первый соглашаюсь на шо, что быва-
 » юшь случаи, когда опсшупашъ необходи-
 » мо и даже нужно; но думаю, Мнѣ не бу-
 » душъ прошиворѣчишь въ шомъ, что
 » весьма шрудно опсшупашъ съ двухъ-сотъ
 » тысячною армією, и что шакое движе-
 » ніе произведешъ невыгодное вліяніе на
 » духъ войска. Зашрудненія еще увели-
 » чашся оцъ шого, что мы будемъ нахо-
 » диться въ землѣ, гдѣ жищеди не распо-
 » ложены въ нашу пользу.

» Я полагаю, что, имея среднюю пре-
» дупредишь какія неудобства, мы долж-
» жимъ это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что спо-
» собы находясь въ нашей власли. Еже-
» ли арміи будутъ такъ близко, что мож-
» но соединить ихъ въ два или три
» марша, тогда не нужно опасуанъ
» и кажеся можно, не опасаясь, принять
» сраженіе.

» Въ это время Англійская и Прусская
» арміи будутъ дѣйствовать во флангъ
» и на сообщенія непріятелей. Ежели На-
» полеонъ разсудитъ, не вѣрующая ни съ
» кѣмъ наъ насъ въ сраженіе, соединишь
» всѣ свои силы, не подаваясь впередъ,
» но и въ этомъ случаѣ мы сохранимъ
» выгоду дѣйствованъ со всѣми нашими
» арміями, подобно тому, какъ было при
» Лейцигѣ.

» Я долженъ еще присовокуцишь слѣ-
» дующее возраженіе. Ежели Австрійская
» армія пойдетъ на Базель, то Я лично
» обязанъ буду опасаваться при Русской
» арміи, потому что нѣтъ никакой до-
» спашочной причины находишься Мнѣ

» предпочтительнее при какихъ нибудь
 » иноспранныхъ войскахъ, а особливо еже-
 » ли они будутъ на окончаніи нашего
 » лѣваго крыла. Между тѣмъ Я полагаю,
 » что чрезвычайно выгодно, какъ для дѣла
 » вообще, такъ и для приличія, чтобы
 » Монархи были вмѣстѣ въ одной главной
 » квартирѣ, какъ и въ прошломъ году.

» Мнѣ оспасается сдѣлать еще одно за-
 » мѣчаніе, состоящее въ томъ, что невоз-
 » можно оспавлять Русскія войска для об-
 » ложенія Спрасбурга, пошому что имъ и
 » безъ того назначено блокировать Мець,
 » Тіонвиль, Лонгви, Саръ-Луи, Бичъ, Фальс-
 » бургъ, Пешинъ-Пиерръ, Лихшембергъ и
 » Марсаль. Мнѣ кажется, что справедли-
 » вость пребудетъ поручить Авспрійцамъ
 » наблюденіе Спрасбурга, Шлеппшадша,
 » Бризака, Гюнингена, Бедора и Безан-
 » сона.» *)

По отправленіи опроверженія, Госу-
 дарь поѣхалъ пошчасъ къ Авспрійскому
 Императору, которому изъяснилъ сожалѣ-
 ніе, что имъ уже окончательное утверж-

*) № 27-й Проможеній.

день планъ Князя Шварценберга. «Нашъ, «
онивѣчалъ Императоръ Францъ, »я его не
»ушверждалъ, а только сказалъ Фельд-
»маршалу, что предположеніями его до-
»воленъ. Впрочемъ я не уполномочивалъ
»его приводить ихъ въ исполненіе, и во
»всякомъ случаѣ я останусь съ Вами въ
»Вашей главной квартирѣ.»

Чтобы окончить разногласіе, собранъ
былъ, 29го Мая, военный совѣтъ, въ ко-
норомъ присушествовали, съ нашей сто-
роны: Князь Волконской и Генераль Толь,
а съ Австрійской Князь Шварценбергъ и
Генералы: Графъ Радецкій и Лангемау; съ
Прусской Генераль Кнезебекъ, а съ Ба-
варской Фельдмаршалъ Князь Вреде. По
долгихъ преніяхъ, въ которыхъ разсуждае-
мо было также о продовольствіи и о
шомъ, какихъ Державъ войскамъ пору-
чить наблюденіе за крѣпостями, на-
конецъ рѣшились на слѣдующее; *Первое*, Рос-
сійской арміи идти на Триръ чрезъ горы
Гундерювенъ, не занимая Кейзерслаушер-
на, съ тѣмъ, что она, будучи въ гешов-
ноши подкрѣпитъ армію Блюхера, на-

правились на Сень-Дизье, а чрез то облегчили свое соединеніе съ Австрійцами, кои, перейдя Рейнъ въ Базель, пойдутъ чрезъ Бесфоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Русскими. *Второе*, Баварцамъ не начинать насупашельныхъ движеній до прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для надзора за крѣпостями лѣваго берега Рейна. *Третье*, сорока одной тысячѣ Австрійцевъ обложитъ Безансонъ, Оксонъ, Шлешшадъ, Бесфоръ, Гюнингень, Бризажъ, Ферь-Жу, Саливель и Л'Эклюозъ. Изъ числа этихъ войскъ, восемнадцати тысячамъ войнн въ составъ гарнизона Майнцакаго и блокадныхъ корпусовъ около Спрасбурга и Ландау. *Четвертое*, шестидесяти тысячамъ Русскихъ обложитъ Мецъ, Тіонвилъ, Сартъ-Луи, Бичъ и Фальцбургъ, а одиннадцати тысячамъ изъ нихъ поставитъ въ блокадные корпусы около Спрасбурга и Ландау. Люксембургскому гарнизону подкрѣдитъ войска, опредѣленные для блокады Меца и Тіонвиля, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда востребуется.

Въ слѣдствіе сего, Россійская армія, около 20го Мая соединившаяся между Кобургемъ, Бамбергомъ и Нюрнбергомъ, шла къ Рейну въ шрехъ колоннахъ по дивизіямъ, разсѣяніемъ на переходъ одна опъ другой. Авангарду ея надлежало бытъ на Рейнѣ около 6го Іюня, а послѣднимъ Русскимъ войскамъ приспѣтъ шуда 17го Іюня. Какъ по этому плану вся наша армія должна была находилась въ первой линіи, по Графу Вишгенпшейну, расположенному на Курляндской и Лишевской границахъ и въ Царствѣ Польскомъ, вѣльно выступись въ походъ, шакъ, чшобы часшъ его войскъ направилась на Триръ, а другая расположилась около Бамберга, и сославляла запасъ для дѣйствующей арміи; а Графу Милорадовичу приказано съ гвардіею выступись изъ С. Пешербурга въ Ковно.

Въ шонѣ самшій день, когда согласилсь на эши предложенія, Государь послалъ Генерала Толя къ Фельдмаршаламъ Веллингшону и Блюхеру, для извѣщенія ихъ о шомъ; при чемъ Его Величество вручилъ

ему къ Англійскому Полководцу собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

» Прибывъ на дняхъ въ главную квартиру, Я посылаю къ вамъ Генерала Толь, чтобы извѣстилъ васъ о семъ, и увѣришь васъ Моимъ именемъ, сколь десно Россійской арміи и Мнѣ лично, сражаться вмѣстѣ съ вами. Мы поспѣемъ заслужить вамъ уваженіе и довѣріе. Я поручилъ ему извѣстити васъ о планѣ военныхъ дѣйствій, принятомъ нами въ Гейдельбергъ, и различеснующемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ нѣмъ, на который мы согласились въ Вѣнѣ. Скажите намъ откровенно ваше мнѣніе. Довѣренность Моя къ дарованіямъ и свѣдѣніямъ вашимъ неограниченна. « *)

Предположенія оказались однако же мечтательными. 8го Іюня Генераль Толь, возвращаясь въ Гейдельбергъ, увѣдомилъ о начавшіи дѣйствій въ арміи Князя Блюхера и о пораженіи сего Полководца при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона сами по себѣ не были значительны, потому что

*) № 28-й Приложеній.

Пруская армія, вѣроятно, скоро должна была соединиться съ Англійскою; однако послѣдствія ихъ могли бытъ важны въ политическомъ отношеніи. Общее мнѣніе, до той поры разногласное на счетъ вѣрженія Наполеонова, могло вновь обратиться въ его пользу, шѣмъ болѣе, что начало похода было ознаменовано съ его стороны масперскими движеніями, особенно же искуснымъ переходомъ чрезъ Самбру при Шарлеруа. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили ошмѣнить прежде приняшій планъ, чтобы идти нашимъ войскамъ на Триръ, и назначили двумъ арміямъ, Русской и Австрійской, сосредоточиться на пространствѣ между Майнца и Базеля, и слѣдовать къ Нанси, куда предположено достигнуть 29го Іюня. Баварцамъ поручили прикрывать наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командовавшему шестымъ корпусомъ, обложить Спрасбургъ и Ландау. На случай ошесупленія армій, должны были построиться на Рейнѣ шри мощныя укрѣпленія.

Едва приказанія для приведенія въ дѣйствіе энихъ мѣръ были, разсѣланы, какъ 10го Іюня побѣдные клики воззвѣстили о сраженіи при Ватерло. Радость была не описанная, шлыгъ болѣе, что послѣ пораженія Прусаковъ при Линьи, не только не ожидали успѣховъ, но опасались успѣшнѣе о новыхъ побѣдахъ Французовъ. Я въ это время проходилъ по корридорѣ дома, занимаемаго Государемъ, какъ вдругъ Его Величество, послѣдно вышедъ изъ своихъ комнатъ, объявилъ мнѣ о побѣдѣ, и, рассказавъ нѣкоторыя подробности, велѣлъ какъ можно скорѣе посѣщать къ Князю Шварценбергу, чинобъ и его о ночь уведомишь. Тотчасъ приказано было нашей и Австрійской арміямъ переправившись чрезъ Реймъ и устремившись на Парижъ; а чинобъ нѣтъ быль сколь можно ближе одна отъ другой, шо Русскія войска, перейдя 14го числа Реймъ, должны были сдѣлать нѣсколько маршей влѣво вверхъ по рѣкѣ, оставя вправо отъ себя прямую Парижскую дорогу. Нашей арміи назначено было слѣдовать по Франціи въ

шрехъ колоннахъ: первая находилась подъ начальствомъ Дохшурова, средняя Сакена, а лѣвая Раевского, при копорой Союзные Монархи избрали свое пребываніе. Баварцы пошли впередъ насъ въ одномъ или двухъ маршахъ, а Виршембергскій Наслѣдный Принцъ прикрывалъ наше правое крыло со стороны Спрасбурга. Государь, на другой день послѣ извѣстія о побѣдѣ при Вапшерло, переехалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ.

Къ достопамяностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергъ, принадлежатъ также прїѣздъ туда Великихъ Князей. Бывшій при восшествіи Ихъ Высочествъ Генераль Ламздорфъ возвратился въ Россію, и мѣсто его занялъ Конвонницъ, копорому предшрала честь руководствовашъ на военномъ поприщѣ Внукъ Екатерины. Достоинная награда тому, кто въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи, былъ правою рукою Кутузова, и снискалъ себѣ безсмертное имя! Почти въ одно время съ Ихъ Высочествами, прибыла въ Гейдельбергъ Великая Княгиня Екатерина

Павловна, которая тогда путешествовала по Европѣ. Ссылаясь на всѣхъ, кои были ей предсказаны, спрашиваю: встрѣчались ли они особу, которая бы въ равной мѣрѣ съ покойною Королевою Виртембергскою, соединяла красоту шлемскую, очаровательность въ обращеніи и умъ, обогащенный обширѣйшими свѣдѣніями? Она принадлежала къ весьма немногочисленному числу лицъ, которыхъ, бывъ вознесены саномъ своимъ надъ прочими смертными, пренебрегаютъ разговорами о мѣлочныхъ и всеневныхъ предметахъ, и обыкновенно склоняла рѣчь къ предметамъ возвышеннымъ. Подобно истиннымъ Государственнымъ людямъ, она даже любила, чтобы и въ разговоры имѣли честь съ нею бесѣдовать, дѣлали ей возраженія и предлагали собесѣденныя мысли. Мнѣ случилось быть въ 1818 году въ Шпюшгардѣ, и Королева сказала мнѣ между прочимъ: »Я всего болѣе сожалею въ моей жизни, что не была мужчиною въ 1812 году.« Изяществу ашихъ словъ можешь быть постигнуто только Русскимъ сердцемъ.

ГЛАВА XV.

Мангеймъ. — Письмо Государя къ Графу Барклаю-де-Толли. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Замѣчанія о походе. — Анекдотъ въ Турецкой войны. — Переходъ чрезъ Вогесскія горы. — Партызаны. — Нанси. — Взятіе Парижа.

Мирный и пушынный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ шолько и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, копорые шянулись за Рейнъ. Однако же все возвѣщало, что война не могла бытъ продолжительно: извѣстія, получаемыя еже часно изъ Франціи, свидѣтельствовали о быстрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера, копорые, безосановочно преслѣдуя непріятеля, приближались къ самому Парижу. Вскорѣ мы узнали и объ оп-

реченіи ошъ преспола Наполеона, безъ копораго Французы не были въ соспоаніи съ нами воевашъ. Нѣсколькo разъ носились слухи о его смерши, и будшо въ непріятельской арміи ошдано въ приказъ: » que le grand homme a passé. « Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключишь перемиріе. Одинъ изъ нашихъ Генераловъ на это согласился, полагаясь на увѣренія Французовъ, что съ опреченіемъ Наполеона прекращающа военныя дѣйствія; но Государь былъ недоволенъ его поспункомъ, и приказалъ подтвердишь всѣмъ Генераламъ, чтобы не вступали ни въ какіе переговоры съ непріятелемъ. При этомъ случаѣ Онъ написалъ къ Фельдмаршалу Барклаю-де-Толли собшвенноручное письмо, слѣдующаго содержания: » Извѣстіе » объ опреченіи Наполеона справедливо, » и Генераль Раппъ сообщилъ намъ его » формально. Но сіе происшествіе не долж- » но ни мало насъ ошпанавливашъ, и мы » единогласно рѣшили продолжашъ воен- » ныя наши дѣйствія по прежнему. Намъ

» необходимо имѣшь въ своихъ рукахъ На-
» полеона, выдачи коего насъ настоятельно
» требуемъ. Мы не можемъ равномерно
» шеряшь военныхъ выгодъ, досель приоб-
» рѣщенныхъ. И такъ съ помощію Божіею,
» идемъ впередъ довершивъ сіе благое дѣ-
» ло. Если крѣпости будущъ входишь въ
» переговоры съ нами, дабы починашь ихъ
» принадлежащими Королю Французскому,
» но подобныхъ сношеній не ошклоняшь,
» а Миѣ немедленно доносишь. Съ благо-
» словеніемъ Всевышняго, съ пособіемъ
» шакихъ полководцевъ, какъ вы, и съ храб-
» росшію неоцѣненныхъ нашихъ войскъ,
» надѣюсь привести къ желаемому концу
» новую войну и досиичъ до благодѣтель-
» наго для цѣлой Европы мира.»

15го Іюня мы переправились на лѣвый берегъ Рейна, и шли прекраснѣйшими, мѣшоположеніями черезъ Шпейеръ, Рейнсабернъ, въ Гагенау. Въ первомъ изъ эсихъ городовъ, я посѣшилъ старинный Соборъ, гдѣ погребали долгое время Германскихъ Императоровъ. Тутъ покоишся основатель Австрійской Монархіи Рудольфъ Габс-

бургскій. На обломкахъ гробницы его лежали овесъ и солома, пригошовленные для проходившихъ войскъ, между шѣмъ какъ памятникъ, сооруженный надъ могилою Генриха IV, ходившаго пѣшкомъ въ Римъ просить у Папы ошущенія грѣховъ, былъ въ цѣлости!

Парижскія новосши соеавляли въ это время предметъ общихъ разговоровъ. Всѣ съ жадносцію читали Французскія вѣдомосши, въ кошорыхъ изображалась борьба различныхъ паршій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда членамъ Палаты и журналистамъ не предсавлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали шѣ минушы, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способносшями, принужденъ былъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ; когда соошечесшвенники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видѣли арміи свои сокрушенными; когда многочисленныя ополченія народовъ подспунали къ сподицѣ ихъ, словомъ ска-

зашь, шѣ минушы, когда ошечество ихъ гнбло. Одни оплакивали народную чешь и славу, ношеряныя безвозвратно; другіе нишались упованіемъ счастливаго перероша: но все думали найши обезпеченіе своей независимоспи въ политическихъ формахъ. Спранно, что нощи ниццо не обращаль вниманія на дикшашорскую власшь, кошорая одна спасала Державы, бывшія въ щаконъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналиснновъ и членовъ народнаго собранія упадалъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ какъ они узнавали о повсемѣшномъ ошсщупленіи ихъ армій, и объ увеличившихся успѣхахъ Союзниковъ. Видно было, что не взирая на все краснорѣчіе, кошорымъ они прикрывали свои лжеумешшованія, пробуждался въ нихъ по временамъ гласъ совѣспи, упрекавшій ихъ въ измѣнѣ законному Государю, и что они шщешно спарались заглушашь его преніями объ ошвлеченныхъ политическихъ понашіяхъ.

По прибышій въ Гагенау, мы извѣспились, что въ Парижѣ учреждено Временное

Правительство, которое отправило чиновниковъ въ нашу главную квартиру. Союзные Государи послали къ нимъ на свидѣнчѣ Графа Шувалова, съ порученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать въ Реймсѣ отвѣта. Графъ Шуваловъ съ ними разѣхался, и Депутаты прибыли въ главную квартиру. Ихъ было шестеро, а именно: Лафаетъ, Себастиами, Лафоре, Поншекуланъ, Аржансонъ и Бенжаменъ-Коншанъ. Они привезли нисѣма къ союзнымъ Министрамъ Иностраннныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступити въ переговоры, которыхъ цѣль состояла въ томъ, чтобы защищать права сына Наполеонова и независимость Франціи. Они также имѣли приказаніе сколько можно прошивишься возвращенію на Престоль Бурбоновъ, и въ случаѣ, ежели Союзные Монархи отринуть права Наполеонова сына, предложити корону Французскую Саксонскому Королю или Герцогу Орлеанскому. Между тѣмъ, какъ

Спашсь - Секретарю Графу Каподиспрія, къ коперому Государь возымѣлъ особенное довѣріе со времени Конгресса, вельно было съ ними объяснишься и сказашь имъ, чшобъ они ѣхали въ Лаушербургъ, версинахъ въ пашнадцаши ошъ Гагенау, куда имъ обѣщано было прислашь ошвѣстъ, Лафаешъ пришелъ къ Начальнику Шшаба Государева. Онъ не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Начальника Шшаба, шо Адъютантъ спросилъ его, кто онъ шаковъ. » Не бывъ Коронованною Главою, я пользуюсь уваженіемъ Монарховъ, « ошвѣчалъ Лафаешъ. Графъ Каподиспрія пробылъ у Дешушащовъ весь вечеръ, и выходя ошъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: » Они говорятъ, что Палашы признали Императоромъ сына Наполеонова; но изъ словъ ихъ видно, что эшо одна личина. Себаспіани объясняешся лучше и умнѣе, нежели прочіе; Бенжамень-Консманъ слишкомъ горячншся. «

Въ Гагенау получено было шакке извѣстіе, что Наслѣдный Принцъ Виршем-

бергскій разбилъ непріятельскаго Генерала Раппа, и принудилъ его опешунить къ сѣвнамъ Спрасбурга. Черезъ часъ послѣ полученія донесенія, Государь опсправилъ къ Принцу до шридцати орденовъ, для награжденія опшличившихся. Въ то же время сосшавили особый корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Спрасбурга, а Принцу Виршембергскому велѣно примкнуть съ войсками къ нашему лѣвому крылу. Бывъ такимъ образомъ обезпечены со стороны Спрасбурга, мы не пошли на Кенигсфельдъ и на Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Савернъ, чѣмъ сократили двумя переходами путь къ Нанси. Къ нашей лѣвой колоннѣ присоединились вшорая и шрешья гренадерскія дивизіи, и Прусская гвардія и гренадеры, кошорыхъ Король подчинилъ Графу Барклаю. По этому поводу Государь написалъ къ Фельдмаршалу, чшобы онъ вѣжливымъ письмомъ изъявилъ Королю свою благодарность за сдѣланную ему честь, порученіемъ подъ его начальство своихъ опборныхъ войскъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Вогезскимъ горамъ, зной спановилея несшерпимъ; армія дѣлала большіе, истинно Суворовскіе переходы, не имѣя почти дневокъ. Войска однако же не унывали, и походъ не могъ бытъ для насъ благопріятнѣе, пошому что получали почти ежедневно извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ. На Югѣ Австрійцы шѣснили Лекурба, Англичане и Прусаки находилея близъ Парижа. Опличительная черта нашихъ солдатъ состоише въ томъ, что ихъ въ дальнихъ походахъ ничто не удивляешъ: они споль же равнодушно смешрѣли на Францію, какъ бы находилея въ Россіи; шолько изрѣдка опголосокъ заунывныхъ пѣсенъ напоминалъ Днѣпръ и Волгу. Въ нашей главной кварширѣ почти не было примѣшно, что тогда была война. Мы вышупали въ походъ обыкновенно очень рано, шли прекрасною дорогою, всѣ были довольны и веселы. По вечерамъ у насъ гремѣла музыка и мы гуляли по окрешношямъ шѣхъ мѣшеъ, гдѣ оспанавливалея для ночлеговъ. Можно сказаешъ, что Го-

сударь лично предводительствовал армією, и что Фельдмаршаль Барклай-де-Толли только объявлялъ Его повелѣнія, пошому что донесенія привозились прямо къ Государю, приказанія о движеніи войскъ и о направленіи ихъ, отдавались равномѣрно Его Величешвомъ, и всѣ бумаги, которыя заслуживали особеннаго вниманія, писаны были собственноручно Императоромъ. Бывъ позванъ однажды въ кабинетъ Его, я засмалъ, что Онъ, съ циркулемъ въ рукъ, даже Самъ повѣрялъ таблицы переходовъ.

Слѣдованіе нашихъ войскъ по непришельской землѣ никогда не бывало усшроено съ большимъ порядкомъ, какъ въ это время. Доказательствомъ служишь то, что не было подано ни одной жалобы со стороны жишелей. Это опчаспи происходило и онъ шого, что наши опасались имѣшь какой-либо споръ съ Французами, пошому что начальство наше, при разбирашешствѣ, обыкновенно послѣднихъ оправдывало. Хотя шакая мѣра не всѣмъ казалась справедливою, однако же думаю,

что нельзя довольно щадить жителей
неприятельской земли, и заславлять ихъ
забывашь несчастіе, что они видятъ чу-
жеземныя войска въ своемъ опечеснѣнѣ.
За то Французы были шакъ довольны
Русскими, что Меръ или Городничій одно-
го города сказывалъ мнѣ, что обыватели
окружныхъ селеній просили его изъ ми-
лосши помѣщать къ нимъ посломъ Рус-
скихъ, предпочтительнѣо предъ другими
союзными войсками.

Въ нашъ дивный вѣкъ арміи всѣхъ
Державъ въ видѣ неприятелей или союз-
никовъ бывали по нѣскольку разъ въ чу-
жихъ земляхъ, но ни одна изъ этихъ ар-
мій не оставила по себѣ слѣдовъ такой
примѣрной подчиненности, какъ Русская.
Въ походахъ, совершенныхъ подъ пред-
водительствомъ Александра, шолько на
поляхъ сраженія падали жершвы; мирные
же и невооруженные обыватели находили
защиту и особенное покровительствѣо —
предметъ непрерывныхъ, личныхъ заботъ
Государя. Даже по кончинѣ Его, полковод-
цы, образовавшіеся въ Его царствѣваніе,

слѣдовали неопшшупно Его великодушнымъ правиламъ, спяжавшимъ любовь и привязанноснъ къ оружію нашему во всѣхъ покоренныхъ сшранахъ, не исключая и самыхъ непроевѣщенныхъ. Въ 1829 году, я возвращался съ Фельдмаршаломъ Графомъ Дибичемъ изъ Адрианополя въ Бургась, и когда мы проѣзжали по кремнишному хребту Сшранджи, насъ засшигла шоль сильная метель, что лошади наши дрожали и онъ порывисшаго вѣшра осшанавливались. Къ счастью, недалеко была деревня Буюкъ-Баялыкъ. Досшигнувъ ея, мы сошли съ лошадей и осшановились переждать бурю въ избѣ одного Болгара, въ кошорой заешали хозяевъ за сышнымъ обѣдомъ; поешьнамъ была разешавлена посуда ихъ и вся домашняя ушварь. Фельдмаршалъ, тшезвычайно обрадованный эшпимъ зрѣлищемъ, кошорое служило явнымъ доказательствомъ, что наши войска ни до чего не коенулись, не взирая на шо, что селеніе Буюкъ-Баялыкъ споннъ на большой дорогѣ, гдѣ проходила вся армія, началъ съ свойешвеннымъ ему жаромъ говорить

объ образцовомъ поведеніи солдатъ нашихъ съ жителями Турецкой Имперіи въ этомъ безсмертномъ походѣ, и въ заключеніе сказалъ мнѣ: » Впрочемъ, въ семь случаевъ мы слѣдовали примѣру Александра въ Франціи.«

21го Іюня упрямъ мы проходили Вогезскія горы. Такъ какъ крѣпость Фальцбургъ намъ не сдалась, и споймъ на большой дорогѣ, по кошорой намъ надлежало слѣдовать, но мы принуждены были ее обходить шропинками. Маршъ былъ весьма затруднителенъ, по причинѣ высокихъ и крутыхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, по кошорыхъ Австрійскіе обозы шянулись съ великимъ шрудомъ. Не говоря о полковыхъ шяжесняхъ ихъ, у одного Императора Франца было сто семьдесятъ пять экипажей, а весь обозъ нашего Государя состоялъ изъ шридцати чешырехъ экипажей. Графъ Ожаровскій былъ посланъ шребовать сдачи Фальцбурга, но получилъ отказъ. Коменданты Французскихъ крѣпостей обыкновенно отвѣчали съ опшмѣн-

нымъ благородствомъ на дѣланныя имъ предложенія о сдачѣ. Будучи образованы въ побѣдоносныхъ сраженіяхъ, они не могли привыкнутьъ къ мысли, что они побѣжденные. Что же касалось до жителей Франціи, то они сколько неспрадали ошъ безпреспанныхъ переворошовъ, что предались совершенному равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцовъ во время ихъ униженія. Духъ шакъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, которые даже неохотно говорили о политическихъ происшествіяхъ и отказывались ошъ чшенія вѣдомоспей. Можно было сказать, что Франція заключалася въ Парижѣ, и что жители Депаршаменовъ ожидали, кого изъ шюлицы прикажутъ провозгласить: республику, или Генриха четвертаго, или Имперію. Одно шолько возбуждало ихъ любопытство: желаніе видѣть Государя. Лѣшницы, сѣни и переднія комнаты шѣхъ домовъ, гдѣ Онъ оспанавливался, бывали наполнены съ ушра до вечера народомъ, по нѣскольку часовъ ожидавшимъ минуты, чтобы взглянуть на Него: не шакъ

бывало въ домахъ, гдѣ жилаи прочіе Союзные Монархи.

Не успѣли мы пройши Вогезскія горы, какъ Французы образовали партизанскую войну; отряды ихъ находились подъ начальствомъ двухъ опшавныхъ офицеровъ, Вольфа и Бриса. Одинъ изъ моихъ товарищей былъ посланъ изъ Сарбурга въ Нанси. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ увидѣлъ показавшихся изъ лѣсу крестьянъ, числомъ около ста, копорые начали по немъ стрѣлять, не взирая на то, что съ нимъ была восемь казаковъ прикрытія; они ранили офицера и двухъ казаковъ. Это извѣстіе произвело небольшое безпокойство въ нашей главной кварширѣ, пошому что предположено было пущишь впередъ съ вечера сопушествовавшія намъ одиннадцатую и семнадцатую дивизіи, а Государь намѣренъ былъ ѣхать вельдъ за ними на другое утро; въ конвоѣ же Его Величества находилось только двѣнадцатъ лейбъ-казаковъ. Въ слѣдствіе этого происшествія, вельно было опущку лѣсовъ на дорогахъ занимать пѣхотою,

и мы пошли съ войсками. Какая разница между Французскими паршизанами и Русскими, существовавшими въ опетешивенную войну! Наши находили живѣйшее содѣйствіе между жишелями шѣхъ мѣсяцъ, гдѣ они показывались, а Франгузы напрошивъ шого порицали своихъ паршизановъ и доносили на нихъ. Такимъ образомъ Меръ городка Бламона извѣстиль насъ письмомъ, что разбойничьи шайки паршизановъ намѣрены были посягнуть на жизнь Государя.

Іюня 23го мы пришли въ Нанси, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ по большимъ площадямъ, широкимъ улицамъ, прекраснымъ гульбищамъ, садамъ и аллеямъ, насаженнымъ Станиславомъ Лещинскимъ. Наканунъ нашего вешуцленія, были въ Нанси буншы, возникавшіе опъ шого, что нѣкоторыя изъ жишелей надевали шрехъ-цвѣшныя кокарды, а другіе бѣлыя и орденъ Лиліи. Паршизаны и жандармы приходили изъ близлежащихъ крѣпостей, и возбуждали народъ къ сепрошвлению союзнымъ войскамъ, увѣряя,

что Наполеонъ приближается съ сильною арміею. Чернь шолпами бѣгала по улицамъ, грозила ограбить дома преданныхъ Королевской паршіи, и, собравшись передъ окнами тяжело раненаго Рѣшмиспра Бервица, бывшаго Адьютанномъ Князя Баграціона, воила: »Смерть Русскому! мы пребуемъ его крови!« Для отвращенія подобныхъ явленій, приказано было отобрать оружіе отъ жишелей. Они сами приносили его въ мѣша, назначенныя для складки, и одинъ Французъ, отдавая ишагу, коцѣловалъ ее со слезами. Едва наши войска заняли Нанси, какъ на рапушѣ было вышенавлено бѣлое знамя, украшенное лиліями, и множество людей съ знаками этого ордена покрыли улицы и площади.

Въ Нанси я познакомился съ одною Русскою барынею, замужемъ за Французомъ, находившимся во время революціи въ Россіи, и который потомъ возвратился на свою родину. Легко вообразишь, какъ ей радостно было въ новомъ ея отечествѣ увидѣвъ прежнихъ единосем-

цевъ своихъ и объясняшьяся съ нами на природномъ языкѣ. Принимая во время войны живѣйшее участіе въ нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ, она навлекла на себя гоненіе Французскаго Правительствѣ; но ошвѣчала на дѣланныя ей непріятности, особенно во время правленія Наполеонова, съ такимъ презрѣніемъ, какого ошъ Россіянки ожидать должно было къ шоль безнравственнымъ и необразованнымъ людямъ, какъ чиновники бывшаго повелителя Франціи.

Между нѣмъ партизаны сшановились часъ ошъ часу предприимчивѣе. Увѣрили, что начальникъ ихъ, Брисъ, ночевалъ въ Нанси, въ день нашего ошѣзда ошшуда. Однажды они показывались въ виду Государя, изъ лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, на возвышеніяхъ, съ кошорыхъ они подавали сигналы другъ другу. Они ранили одного гусара, и Государь, услыша выстрѣлъ, поѣхалъ съ Австрійскимъ Императоромъ на шу самую гору, ошкуда выстрѣлъ раздался. Нѣкто весьма справедливо замѣнилъ при эшомъ случаѣ:

» что въ первый разъ въ свѣтѣ разбой-
» ники нападають на двухъ Императоровъ. «
Впрочемъ, шалости сихъ удалцевъ слу-
жили намъ предметомъ нѣкоторой раз-
сѣянности въ этомъ единообразномъ по-
ходѣ, кошорый можно уподобить военной
прогулкѣ. Онѣ не причинили нашей арміи
почти никакого вреда и скоро были за-
быты, пошому что на переходѣ между
Нанси и Линьи, мы получили извѣстіе
о занятіи Англійскими и Прусскими вой-
сками Парижа, сдавагося на капитуля-
цію. Съ этой минушы мы почиали вой-
ну окончанною. Помышленія всѣхъ обра-
зились къ Парижу, кошораго память
еще была шакъ свѣжа, и гдѣ за годъ пе-
редъ шѣмъ мы проводили незабвенное
время въ упоеніи шоржесшва и разнооб-
разныхъ наслажденіяхъ.

ГЛАВА XVI.

Состояніе Франціи. — Донесеніе Генерала Чернышева. — Отъездъ въ Парижъ. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въездъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Людовикомъ XVIII. — Замѣчаніе о вторичномъ въездѣ Государя въ Парижъ.

Франція находилась тогда въ безначаліи. Разсыянная войска ея, исполненная духомъ Прешоріанскихъ легіоновъ или Янычаръ, разолагавшихъ Прешоломъ по своему произволу, соединялись на лѣвомъ берегу Луары. Народъ ругался надъ мѣшными начальствами. Въ нѣкоторыхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война. Народное Собраніе, ошъ Союзныхъ Государей непризнаваемое законнымъ, было раздѣлено во мнѣніяхъ, кого надлежало избрать на Прешоль Франціи. Парижане волновались и были ожесточены нѣкоторыми поступками Союзниковъ, особенно тѣмъ, что Прусаци намѣревались

дзорвашь Іенскій мосць. Безопасносць Парижа была угрожаема шайками шакъ называвшихся Конфедашоровъ, изрыгавшихь спрашныя угрозы и гошовыхъ на всякія неисшовсшва, а на національную гвардію нельзя было полагащься, пошому что въ шеченіе полушора года она присягала шремь Правишельсшвамъ, совершенно различнымъ одно ошъ другаго.

По эшимъ причинамъ, положеніе Фельдмаршаловъ Веллингтона и Блюхера было весьма запруднишельно, шѣмъ болѣе, что имъ неизвѣсны были на счешь будущаго полишического сосшоянія Франціи намѣренія Союзныхъ Государей, находившихся шогда около Нанси. Должно еще присовокупить, что оба Полководца были различнаго мнѣнія на счешь положенія дѣль. Веллингтонъ, по всшупленіи Англійской арміи во Францію, помышляль о возвращеніи Людовика XVIII въ Парижъ, расчитывая, что прибышіе шуда Короля прекрашишь колебаніе умовъ, и обуздаешь спрашни. Напрошивъ шого Блюхеръ шотрѣль на Французовъ, какъ на закоренѣ-

лыхъ враговъ, и радовался случаю уни-
зипш ихъ и опшмспипш имъ за несчастія,
прешерпгвнныя опш нпхъ Пруссією. По
эшому онъ не желаль скорого возвращенія
Бурбоновъ. Ихъ появленіе въ сполпцѣ
должно было прекрапипш войну, и по-
ложипш конецъ его шребованіямъ, кошо-
рпья онъ почиталь справедливымъ воз-
мездіемъ за бѣдспвія, понѣсенныя Прус-
сією со времени Тпльзпшскаго мира. Луч-
шпмъ свпдѣшельспвомъ образа мыслей
Фельдмаршала Блюхера, наложпвшаго на
Парпжъ спо мплліоновъ франковъ данп,
можешъ послужпш слѣдующій ппсьмен-
ный опвѣшъ Прусскому Посланнику при
Людовпкѣ ХVІІІ, Графу Гольцу, кошорый
его проспль именемъ перваго Француз-
скаго Мпнпспра Талейрана о пощадѣ Іен-
скаго моспа: »Я приказаль,« ппсаль
Блюхеръ, »взорваш мосшъ, и не могу
»сокрыш опш васъ, чшо мнѣ весьма прп-
»яшно будешъ, ежели Господпнъ Талей-
»ранъ сядешъ на него передъ взрывомъ,
»о чемъ прошу его пзвѣсппш.« *)

*) № 29-й Прпложеній.

Къ счастію, случился въ это время въ Парижъ Генераль Чернышевъ, кошорый, векоръ по переходъ нашемъ черезъ Рейнъ, былъ посланъ съ лешучимъ ошрядомъ для поисковъ на пушь сообщеній непріятелей и для извѣщенія о движеніяхъ ихъ. Съ быспрошою и свойсшвенною ему предпріимчивоешію исполнилъ онъ данное ему порученіе, проникнулъ далеко во Францію, очиснилъ все проспрансшве между Сеною и Марною, и съ одною конницею овладѣлъ городомъ Шалонемъ, кошорый былъ защищаемъ пѣхошою. Пръ этомъ нанаденіи онъ ошбилъ у непріятеля шесць орудій, кошорыя были единсшвенными профеями нашихъ войскъ въ походъ 1815 года. Узнавъ о приближеніи къ Парижу Англичанъ и Прусаковъ, Чернышевъ присоединился къ нимъ и вмѣстѣ съ ними всшунилъ въ сшолицу, ошкуда немедленно ошправилъ къ Государю донесеніе. Изъ него помѣщается здѣсь слѣдующая выписка, послужившая поводомъ къ ошѣзду Имперашора изъ арміи въ Парижъ :

» Но прибывши моемъ въ Парижъ, я
» вполнѣ ошаравился въ главную квар-
» тирѣ Прусаковъ, Сенъ-Клу. Я шамъ
» встрѣтилъ Генерала Гейзенау, коццо-
» рый говорилъ мнѣ о неприязненномъ рас-
» положеніи Парижанъ къ Бурбонамъ, и
» присажокуилъ, что одинъ Императоръ
» Александръ можетъ распуцанъ это дѣ-
» ло, и что безъ Него никакъ не осмѣли-
» вается ни на что рѣшиться. Эти слова
» были повторены мнѣ также Герцогомъ
» Веллингтономъ, коцорый насполнѣнно
» поручилъ мнѣ послать къ Вашему Им-
» ператорскому Величеству курьера, и
» оцъ его имени просить Васъ убѣдительно-
» нѣйшимъ образомъ прибыть сюда, чтобы
» положить конецъ какъ личному его не-
» доумѣнію, такъ равно запущанности
» дѣлъ вообще. Герцогъ сказалъ мнѣ, что
» до сихъ поръ онъ соображался въ по-
» сипухахъ своихъ съ нервоначальными
» видами Союзныхъ Монарховъ; но что
» теперь, по занятіи Парижа, когда Ко-
» роль Французскій уже почти у воротъ
» и, не взирая на шо, умы Парижанъ въ

«величайшемъ броженіи, Ваше Величе-
«ство одни только въ состояніи разрѣ-
«шить Гордіевъ узелъ и принять мѣры,
«сообразныя съ обстоятельствомъ. Лордъ
«Каспелъре подтвердилъ мнѣ все, ска-
«занное Герцогомъ Веллингтономъ.» *)

Государь получилъ донесеніе Черныше-
ва въ Сень-Дизье, въ двухъ снахъ двад-
цати верстахъ отъ Парижа. Этого раз-
стоянія армія не могла пройти ближе се-
ми или восьми сушокъ; и хотя каждая
минута была драгоценна, потому что вся-
кое промедленіе могло произвести крово-
пролитіе, однако же казалось слишкомъ
оживажнымъ, пробѣжавъ изъ нашей главной
квартиры до Парижа, болѣе 200 верстъ
проехавша, не занятыхъ нашими вой-
сками. Не смотря на то, Государь рѣшился
оправдываться изъ Сень-Дизье, слѣдова-
тельно изъ того самаго города, гдѣ На-
полеонъ, въ Маршѣ мѣсяцѣ 1814 года, слѣ-
довалъ движеніе на путь сообщеній союз-
ныхъ армій, лишился Преннола. Наша
главная квартира продолжала слѣдованіе

*) № 30-я Приложеній.

съ лѣвою колонною чрезъ Сезанъ и Куломье, а Его Величество, ославя се 27го Юня, поѣхалъ чрезъ Шалонъ, вмѣстѣ съ Императоромъ Францемъ, съ кошорымъ находились Канцлеръ Князь Менишикинъ и Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врба, и съ Королемъ Прусскимъ, соуправляемымъ Канцлеромъ Княземъ Гарденбергомъ. При Государѣ находились Спашсь - Секретари по иностранной части, Графы Нессельроде и Каподистрия, и Начальникъ Главнаго Его Шшаба Князь Волконской, при кошоромъ былъ я.

Мы всё помѣстились въ девяти экипажахъ. Положено было не опшаванъ другъ опъ друга и ѣханъ вмѣстѣ. На каждой спанціи до Мо было выславлено по пятидесяти казаковъ, назначенныхъ насъ сопровождать подъ начальствомъ Графа Орлова - Денисова, кошорый, верхомъ на одной и шой же лошади, слѣдуя за скорою нашею почшевою ѣздою, вмѣстѣ съ нами въ одинъ день прибылъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ во всѣхъ селеніяхъ, особенно на почшахъ. Жители

принимали насъ довольно равнодушно, а въ нѣкошорыхъ мѣснахъ буйными полками пѣснѣлись вокругъ коляски Государя, и грубымъ, синовашымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ кресьянамъ, провозглашали по Генриха IV, по Короля Римскаго, по Императрицу Марію-Луизу, по Людовика XVIII, иногда Наполеона; но чаще всего слышно было: да здравствуетъ Императоръ Александръ! О прочихъ Союзныхъ Государяхъ не упоминалъ никто ни слова. Такъ и проспой народъ во Франціи зналъ, что ошъ Русскаго Царя зависѣла участь его.

Должно удивлянься, съ какою смѣлошю Государь отважился на опасный путь, въ кошоромъ соння рѣшишельныхъ Французовъ могла перемѣнить участь вселенной. Мы объѣзжали почти непроходимую дефилею крѣпость Випри, кошорая еще не сдалась, и гдѣ было нѣсколько тысячъ гарнизона. Она обложена была малымъ числомъ нашихъ драгуновъ. Со стѣнъ Французы ясно могли видѣшь наше слѣдованіе. Двѣ колонны вышли изъ

города. Я содрогнулся, но онъ скоро возвратился. Государь могъ сказать въ подражаніе Кесарю: »Чего ты испугаешься? ты сопустишь Александръ!« Ввечеру мы прѣехали въ Шалонъ, гдѣ остановились для ночлега. Долго улицы были наполнены народомъ; жидели, удивленные прѣездомъ Государя, не постигали, какимъ образомъ Его Величество находился посреди ихъ безъ войскъ.

28го Іюня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ, чрезъ Эперней, Шашоньерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодородной равнинѣ, орошаемой Марною, которой берега, испещренные цвѣтами, образуютъ прекраснѣйшія мѣсяноположенія. Отъ Мо, который невольно напоминаетъ Босюэша, мы ѣхали безъ прикрытія, и встрѣчали на каждомъ шагу Французскихъ солдатъ, возвращавшихся по одиночкѣ въ дома свои. У иныхъ были ружья, на которые они едва осмѣливались смотрѣть. На лицахъ ихъ начертана была горечь, и все кланялись намъ вѣжливо. Вонъ османки ар-

ми, нѣкогда называвшейся великою; вѣроянно, нѣкоторые изъ солдатъ были за два года въ Кремль! Какое разешояніе ошъ унизишельнаго положенія, въ кошоромъ мы видѣли шеперь эшихъ разбрѣдшихся солдатъ, до шей гордосши, кошорую Французы оказывали прежде! Сердце мое сильно запрешало, когда мы проѣхали мимо деревни Бонди, гдѣ мы провели незабвенную ночь наканунѣ 19го Марта 1814 года, и гдѣ объявлено было Коленкуру, что съ пославшимъ его прекращающешя всякія сношенія, и что съ нимъ въ переговоры вшупашъ болѣе не намѣрены. За селеніемъ Паншенъ ошкрылись предъ нами Монмаршрѣ, все прошранешво ошъ Сентъ-Дени до Венсена, и Парижъ, гошовый припяшъ своихъ избавишельей!

О Россія! на какую шепенъ славы ты вознесена! Уже въ другой разъ Царъ швой предписываешъ законы Европѣ, въ другой разъ Монархи и народы избираютъ Его своимъ посредникомъ, въ другой разъ могущешвенная армія швая даруешъ миръ

вселенной! Признаюсь, что я почиталъ себя счастливымъ, находясь шоль близкимъ свидѣтелемъ ея шоржесшва, которое въ шу минушу исполняло всю душу мою. Неизъяснимыя чувсшва и мысли волновали меня, когда въ семь часовъ вечера, мы въѣхали въ предмѣстіе Парижа. Уже мы въ ворошахъ Сень - Маршенъ, на бульваръ, въ улицъ Сенинг-Оноре! Толпы народа бѣгушъ за нами. Парижане не полагаали шакъ скоро видѣшъ Государя. Радоснѣ ихъ спановинсшя шѣмъ сильнѣе, чѣмъ пріѣздъ Его Величесшва для нихъ неожиданнѣе. Многіе смонряшъ на Государя и не узнаюшъ Его; а пономъ, подобно человѣку, заключенному въ мрачную шемницу, кошорый впервые по освобожденіи видишъ дневное свѣшло, Парижане взываюшъ въ воспоргъ: »вошъ Александръ! вошъ нашъ избавишель!«

Государь ошановился во дворцъ, называемомъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ изволилъ жишъ и въ прошломъ году. Черезъ полчаса прибылъ Король Французскій, кошораго

Императоръ встрѣшилъ на крыльцѣ, и оба Монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнаты, гдѣ бесѣдовали, то на Государѣ была голубая лента ордена Святаго Духа, кошую на Него возложилъ Людовикъ XVIII. Обращаясь къ намъ, онъ сказалъ Государю: » Ваше Величество, объявите этимъ господамъ, что на Васъ не лента Святаго Андрея Первозваннаго.« Они разсѣлись, но видимому, ласковѣе и дружнѣе, нежели встрѣтились. Иначе и бытъ не могло, по той причинѣ, что въ теченіе года, какъ они не видались, Тюльерійскій Кабинетъ, казалось, забылъ благодѣнія, оказанныя ему Государемъ. Уполномоченные Людовика XVIII на Вѣнскомъ Конгрессѣ не только неоднократно возсѣвали прошиву присоединенія къ Россіи Варшавскаго Герцогства, хотя Королемъ ихъ словесно обѣщано было въ 1814 году не прошивишься видамъ Россіи касательно приобрѣтенія Польши, но даже въ Январѣ 1815 года заключили съ Англією и Австрією оборонительный договоръ, кошорый содержитъ

быть сими шрема Державами въ величайшей шайнѣ, и сдѣлался гласнымъ уже послѣ побѣга Наполеонева съ ошрова Эмбы. Если бы сердце Александра было доступно самолюбію, шю какому удовольствію должно оно было предаваться въ эшомѣ свиданіи, гдѣ Онъ ошянь являлся ишшиннымъ покровишелемъ Короля Французскаго, кошораго предки еще въ недавнія времена, при всякомъ удобномъ случаѣ, спарались брашь первенешво надѣ нашимъ Дворомъ, и кошораго Минишпры на Конгрессѣ явно оказывали къ Россіи неприязненное расположение!

Вскорѣ послѣ онгѣзда Короля, явились присланные изъ Тюльерійскаго дворца мешпръ-дошели въ нарядныхъ кашпанахъ, съ напудренными головами и орденомъ Лиліи. Они накрывали на столъ и ушавляли его ошборнѣйшими винами и самыми лакомыми кушаньями. До глубокой ночи народъ волновался передъ Элизе-Бурбонъ. Съ неимовѣрною бышпротою вѣспъ о прибышій Государя разнеслась по городу, и успокоила всѣ сословія жишелей

на счетъ безопасности ихъ; потому что все различныя паршіи, господствовавшія во Франціи, признавали Его своимъ покровителемъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, покровительствовалъ семейство Наполеоново, и полагалъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкоторыхъ изъ Союзниковъ: Іенскій мостъ тогда же Онъ запретилъ взрывать. Крестьяне соседнихъ къ Парижу селеній, кошорые пригнали въ столицу скотъ свой и перевезли шуда лучшіе пожиски, изъ опасенія, чшобъ они не достались въ руки побѣдителей, узнавъ о прибышій Государя, немедленно начали возвращашься въ жилища свои.

Ежели ничшо не можешъ сравнишься съ нашимъ торжественнымъ вступленіемъ въ Парижъ въ прошломъ году, когда Государь, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и побѣдъ, предводительствовалъ Своими войсками, и былъ вспрѣчень ожидавшимъ Его миллиономъ жиселей; шо нынѣшній въездъ Его Величества въ

столицу Франціи останешся не менше
намяшнымъ. Онъ естъ единственнѣйшій въ
лѣшонисяхъ міра. Не слыхано, чшобъ
Монархъ въѣзжалъ въ столицу непріятель-
скую безъ единого война и съ малымъ
только числомъ приближенныхъ оубо;
чшобы часъ Его вешупленія сдѣлался за-
логомъ общаго спокойствія, и чшобы по-
бѣжденный народъ, говоря о своемъ мубѣ-
дшпелѣ, сказалъ: »Нашъ избавишель при-
»быль: мы спасены.«

ГЛАВА XVII.

Графъ Сегюръ. — Ауденціи разныхъ лицъ. — Генералъ Сар-
разель. — Переговоры. — Смотры Англійскихъ войскъ. — За-
мѣчанія Государа о конвентѣ. — Входъ въ Парижъ Русскихъ
войскъ. — Живописецъ Жераръ. — Рамель. — Дюссисъ. —
Лафаттъ.

Такъ какъ при въѣздѣ нашемъ въ Парижъ, команди мои еще не были готовы въ Элизе-Бурбокъ, то для перваго ночлега мы въехали домъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Императрицѣ Екатеринѣ. Онъ принялъ меня посреди многочисленнаго собранія, у него находившагоса, и вспрѣ-
шилъ словами: » Вы еще слишкомъ молоды,
» чтиобъ помнишь то время, когда я былъ
» въ Россіи.« Я отвѣчалъ, что его пребы-
ваніе въспарило въ памяти соотечествен-
никовъ моихъ неизгладимо пріятныя слѣ-
ды. Хотя я и замѣнилъ, что нѣконо-
рымъ изъ госпей, преимущественно изъ

молодыхъ, не совсѣмъ ушѣшишельно было смотрѣшь на мой Русскій мундиръ, однако же, извиняя весьма естественное чувство народной гордости, я объ немъ не забоился, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почтеннаго хозяина. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ любопытныхъ людей: пользуясь расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, былъ попеременно Посломъ, изгнанникомъ, царедворцемъ и государственнымъ челоуѣкомъ, не престававъ обогащать ученый свѣтъ весьма замѣчательными сочиненіями, и такъ успроилъ свою жизнь, какъ будто бы она исключишельно была посвящена наукамъ. Конечно, одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ есть мужъ преклонныхъ лѣтъ, который спокойно взираешь на закатъ своихъ дней, съ увѣренносцію жишь долго въ памяти людей не по однимъ скоронечезающимъ словеснымъ преданіямъ, но по своимъ подвигамъ, или по неувидаемымъ произведеніямъ своего ума и воображенія.

На другое утро Элизе-Бурбанъ наполнился множествомъ иностранцевъ, желавшихъ предъизвишься Государю. Тутъ были и республиканцы, какъ напримѣръ Фуше, кошорые засѣдали въ кровавомъ судилищѣ Національнаго Конвента, и поклонники различныхъ власней, попеременно обивавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Безъ любопытства нельзя было смотрѣть на эти лица. Ихъ имена болѣе или менѣе знакомы по исторіи послѣднихъ припадковъ лѣтъ, въ кошорыхъ они приобрѣли извѣстность, особенно же отличились примѣрнымъ непостоянствомъ своихъ мыслей, правилъ и поступковъ. Къ обильнымъ прощесивіямъ этой досюдашняго эпохи недоставало только, кажется, видѣть такихъ людей въ приемныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они сидѣли перемѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицерами. Государь обнялъ Фельдмаршала Влюхера, кошорый, въ продолженіе послѣднихъ войнъ, при каждомъ случаѣ обнаруживалъ свою особенную приверженность къ Императору. »Онъ

» мой судья, « говариваль полководецъ: « я
 » ошь Него принимаю охотно и выговоры
 » и награды. « Генералу Цижену, смолв-
 шему подлѣ меня, Государь сказалъ: « Я
 » васъ зналъ Капичаномъ въ походѣ 1807
 » года. Тогда мы были въ другихъ обещо-
 » ящельсхвахъ; но признавашься въ неуда-
 » чахъ не спыдно шѣмъ, кошорые умѣли
 » воспользовашься уроками. «

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ
 человекъ во Французскомъ генеральскомъ
 мундирѣ. Это былъ Сарразенъ, извѣстный
 побѣгомъ въ Англію, разводомъ съ нѣсколь-
 кими женами и разными военными сочине-
 ніями. Когда онъ объяснилъ причину, по
 которой онъ ко мнѣ пріѣхаль, я сказалъ
 ему, что и я намѣренъ воспользовашься
 случаемъ, чтобы его пресинь объ одномъ
 дѣлѣ. — « Приказывайше, « ошвѣчалъ онъ. —
 Въ предисловіи къ походу въ Испанію,
 продолжалъ я, вы назвали Князя Кушужева
 бѣглецомъ изъ подѣ Аусшерлица. Знаеше
 ли, что шаконъ былъ спавеншель Россіи? —
 Изложилъ ему вкращцѣ жизнь нашего
 Камилла, я засшавилъ его признашья,

что онъ не имѣлъ понятія ни о своихъ снвахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и дай мнѣ слово — въ слѣдующемъ изданіи уничтожишь неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ столицѣ Франціи, и расположилась въ недалнемъ отъ нея разстояніи. Многіе изъ нашихъ Генераловъ и офицеровъ пріѣхали въ Парижъ. Почти у всѣхъ были здѣсь прошлагодніе знакомые и связи. Человѣкъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что иногда казалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ посѣщать вооруженною рукою Парижъ, бывъ намъ домашнимъ человѣкомъ во многихъ семействвахъ и входя въ свои немалыя квартиры полнымъ господиномъ, отъ когората хозяева и слуги ожидали повелѣній и защиты. Поутру собирались въ Элизе-Вурбонъ тѣ же самыя лица, когорыя прежде съѣзжались въ Секретарской компаніи Зимняго двора. *) Для каждаго, какъ бы по-

*) Секретарской называлась компанія, въ когорой при покойномъ Императорѣ ежедневно передъ разводомъ собирались Генералы и Адъютанты Его Величества.

среди мира, встались обыкновенныя занятія по службѣ, по окончаніи копорыхъ мы наслаждались удовольствіями, во множествѣ предшавляющимися въ Парижѣ. Между шѣмъ Союзныя Державы вели переговоры. Душею ихъ былъ Государь, подобно тому, какъ въ продолженіе походовъ Онъ былъ душею военныхъ дѣйсвій: вся Европейская полиника вращалась около Александра. Затрудненія въ переговорахъ происходили отъ того, что надлежало придумать средствъ лишить Францію возможности вновь поколебать Европу, и вмѣстѣ съ шѣмъ не ослабить ея могущественна, необходимаго для политическаго равновѣсія. Рѣшеніе этой задачи требовало нѣмъ большихъ соображеній, что Союзныя Державы находились въ странномъ положеніи: онѣ почитали себя въ войнѣ съ Франціею и въ мирѣ съ Королемъ ея.

Одно только напоминало нѣкопорыхъ образомъ войну, а именно маневры, копорые производили, въ присуствіи Монарховъ, Прусскія и Англійскія войска,

занимающія Парижъ. Появленіе послѣднихъ на нивардой землѣ было сполнѣ необыкновенно; что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ особеннаго вниманія. Еще недавно они почитались неспособными къ сухопутной службѣ; ибо послѣ Марлбурга прошло уже сполннѣ; а съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ Англійскихъ Генераловъ не ознаменовалъ себя какими либо отличными дѣяніями. Теперь же подвигами своими, подъ предводительствомъ Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Непокоримоспѣ, копорую они явили при Ватерло, превыше всякихъ похвалъ. Видъ Англійскихъ солдатъ мужественъ. Они одѣты по войно, но не красиво, маневрирующъ съ точностію; хотя одиночная выразка не удовлетворяетъ требованія нашей рекрутской школы. Лошади, зброя и артиллерія въ совершенствѣ. Вопреки принятымъ вообще правиламъ, они производили наступательныя движенія не колоннами, а развернутымъ фронтомъ. Веллингтонъ оидаетъ повелѣнія свои хладнокровно. Адъютанты его

и офицеры Шшаба, кошорыхъ число въ сравненіи съ прочими арміями весьма ограничено, не суеумливы. Въ службѣ они кажутся къ своему начальнику не совсемъ почтительными, но передъ войсками, его приказанія принимаютъ съ возможнымъ уваженіемъ, и развозятъ ихъ съ неумовѣрною быстротою на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ.

Вмѣстѣ съ Англичанами учился корпусъ Нидерландскихъ войскъ, кошорыя казались въ ремеслѣ своемъ столь же новы, какъ и самое политическое существованіе Королевства ихъ. Рядомъ съ ними находился обыкновенно впрядь Брауншвейгскихъ войскъ, одѣтыхъ въ черныя мундиры, въ киверахъ, украшенныхъ мерными головами, надъ кошерыми разбивались черныя перья. Флеровая повязка на рукѣ каждого офицера и солдана, умножала мрачный видъ ошнцѣ войскъ, и означала шрауръ на убилотѣ ври Кашръ-Бра Герцогѣ ихъ, являвшемъ, во время пораженія Германіи, доблестни дослойныи щепиднаго рыцаря. Посреди маневриро-

вавшихъ волковъ Веллингтона, множество Англичанокъ съ бодрешію зашли верхомъ, не спрaшась пaльбы; двѣ изъ бѣлокуроыхъ оспровишянокъ ни на шагъ не оплутались отъ Фельдмаршала. Во время смотра, полны Французовъ съ равнодушіемъ и съ любопытствомъ, котореe можно только объяснить тѣмъ, что они лишены истинныхъ чувствъ народной чести, по нѣсколькx часовъ смотрѣли на движенія, производимыя ихъ побѣдителями на нѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще такъ недавно они видѣли свои опеченные оруа, съ нобѣдою носимыя изъ одной сполиты Европы въ другую.

Однажды, когда мы возвращались шагомъ съ маневровъ, зашла рѣчь о движеніяхъ различныхъ родовъ войскъ. Государь сказалъ: »Мнѣ не нравится нашъ способъ употребленія конницы. Мы посылаемъ въ атаку »одинъ эскадронъ или два, а много полкъ, »и обыкновенно дѣлаемъ это безъ цѣли. »Такими частными атаками, мы или раз- »спроимъ немного непріятеля, котораго »скоро опять приходишь въ порядокъ,

» или насъ опрокинутъ, и ошестунивъ, мы
 » снова собираемся. Напрошивъ того Я со-
 »вершенно согласенъ съ Французами. Они,
 » еодвинувъ всю свою кавалерію на одну
 » какую нибудь точку, и не скачутъ на
 » непріятели во весь оперь, какъ мы, но
 » идутъ на рысяхъ, шихо и въ порядкѣ,
 » и, удара вдругъ всѣми силами, совер-
 »шенно разсировавшаъ линію войскъ не-
 »пріятельскихъ и нисровергающъ ихъ
 » намѣренія. Веллингтонъ, съ копоримъ Я
 » нѣсколько разъ объ этомъ геваривалъ,
 » одинаковаго со Мною мнѣнія. Онъ ска-
 » зывалъ, что Англійская конница, кою-
 » рая во многихъ опношеніяхъ можешъ
 » служишь образцовою, ни въ одномъ сра-
 » женіи не произвела такога дѣйствія,
 » какъ дурная Французская кавалерія, со-
 » стоявшая изъ негодныхъ лошадей и изъ
 » всадниковъ, копорые плохо вѣдили вер-
 » хомъ. «

Чрезъ мѣсяць послѣ вѣзда Государя
 въ Парижъ, то есшъ 29го Іюля, шренія
 гренадерская и вшорая кирасирская диви-
 зія входили съ норжесшвомъ въ столицу

Франціи, и въ другой разъ развѣвалися щамъ наши знамена. При церемоніальномъ маршѣ, при полка сбилися съ ноги, за что полковыхъ командировъ посадили подъ карауль. Въ эпошъ же день Король Прусскій угощаль обѣдненнымъ шеломъ офицеровъ полка своего имени, бывшаго Санкшпешербургскаго гренадерскаго. За обѣдомъ, начальникъ дивизіи, огорченный неудачею, происшедшею на смошру, сказалъ Государю: »Я жалбю, что гренадеры »не имѣюшъ случая сразишья съ непріа- »шелемъ; они бы доказали, что они не »недосшойны милосшей Вашихъ.« Крѣмъ эшихъ двухъ дивизій, никакія другія Русскія войска не входили въ 1815 году въ снеллицу Франціи, и Парижане были лижены случая изощрянь свое ошпроуміе надъ нашими Калмыками и Башкирами, кошорыхъ они называли сѣверными Амурами. Въ прошломъ году они шолпами сбѣгались смошрьшь на нихъ.

Вы помните: кипѣль бульваръ въ Парижѣ шакъ
 Народа праздными шолпами,
 Когда по немъ лешаль съ нагайкою казакъ,
 Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и спрѣлами. *)

*) Батюшковъ.

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменишому живописцу Жерару, который писалъ портреты Государя. Лѣстницы, переднія, галлерей его дома, все обнаруживаешь жилище художника. Вездѣ древнія вазы, сшашуи, барельефы. Жераръ, какъ и всѣ его соотечественники, говорилъ о Государѣ съ восхищеніемъ. »Принимаясь за портретъ,« сказалъ онъ, »я былъ въ недоумѣніи, какіе предметы помѣстишь около Императора; пошому »что Его Величество не одобрилъ моей »первоначальной мысли — изобразишь Его »посреди Парижа. Я намѣренъ былъ пред- »ставишь равнины Россіи; пошомъ думалъ »я написашъ богиню Мира съ ея принадлежностями; но все эшо казалось мнѣ »обыкновеннымъ и недостоиннымъ един- »ственнаго мужа, Комораго черны над- »лежало кисти моей передашь пошомъшву. »Я рѣшился начерташъ полько одного »Александра.« Вопшъ какимъ образомъ онъ эшо выполнилъ. Императоръ въ конномъ зеленомъ видѣ-мундирѣ; шляпа съ бѣлымъ перомъ лежишь у ногъ Его; лѣвая рука

на есесѣ шпаги; вокругъ свирѣпешвуешь буря; внизу густыя черныя облака; сквозь нихъ сверкаешь молнія, освѣщающая горизонтъ, гдѣ лице Государя являешся въ свѣтѣ тѣмъ болѣе яркомъ, что свѣтъ въ рѣзкой противоположности съ мракомъ, который покрываетъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важны, и хотя сходство не разительное, однако характеръ Его выраженъ вполне. Такимъ видѣли мы Его въ ту минушу, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и требовать, чтобы онъ сдался, или когда подъ Феръ-Шампенуазомъ Онъ лично атаковалъ карен непріятельскіе, или когда на высотахъ Бельвиля говорилъ съ посланными Парижа. » Я не хопѣлъ, « сказалъ Жераръ, » изобразишь на устахъ Его улыбку, какъ » сдѣлалъ Изабе, кошюраго миніашюрныя » поршрешы шолько могушь служишь для » персиной или шабакерокъ, пошому что » мое намѣреніе было предшавишь героя,

» повелѣвающаго вселенной и носящаго въ
» себѣ судьбы ея. «

Жераръ водилъ меня по масперской и
сказалъ: » Вонъ Велисарій, коцорому я
» обязанъ шѣмъ, что сдѣлался извѣстнымъ ;
» а эша картина познакомила меня съ На-
» полеономъ. Она предсавляетъ ино мно-
» веніе Аусшерлицкаго сраженія, когда Ге-
» нераль Рапъ доноситъ Имперашору, что
» Французскія войска одержали побѣду.
» Послѣ окончанія эшой картины, Наполе-
» онъ давалъ мнѣ очень много порученій ;
» и я былъ бы неблагодаренъ, если бы не
» признался, сколько я обязанъ ему и его
» фамиліи. Я съ нимъ часно говаривалъ о
» живописи и нѣсколько разъ писалъ его
» портреты ; онъ не могъ шерпѣшь, чтобы
» ему сморѣли въ глаза. « Въ масперской
Жерара были портреты Короля Прусскаго,
погдашняго Наслѣднаго Шведскаго Принца,
Фельдмаршаловъ Веллингтона и Шварцен-
берга, и другихъ знамениныхъ особъ.
Странно, что Французы, издающіе въ
свѣтъ посредствомъ гравировки и литог-
рафіи произведенія своихъ художниковъ,

не вздумаютъ напечатать такимъ образомъ поршрешовъ, писанныхъ Жераромъ во время двукрашнаго занянія Парижа союзными войсками. Это происходитъ еще какой-то народной егъсен, и они, можетъ быть, надѣются сокрытъ оны пошрешва космополитизмъ первоспененнаго ихъ живописца, кошораго кисть шрудилась надъ изображеніемъ побѣдшелей ихъ опечешва.

Изъ числа многихъ извѣстныхъ людей, находившихся тогда въ Парижѣ, упомяну здѣсь о шрехъ, съ кошорыми я имѣлъ случай познакомиться, а именно: о Рамель, Дюсисъ и Лафашъ.

Рамель управлялъ шри года финансами шри Народномъ Конвенцѣ и Дирекшоріи, когда ассигнаціи совершенно пошеряли свое достоинство и наличныя деньги шедько что начали показываться въ обращеніи. Онъ оживилъ государственный кредитъ, пошрясенный насильшвенными мѣрами Якобинцевъ, а что не менѣе важно, ошавилъ память своихъ дѣйствій въ

сочиненіи о финансахъ Французской республики. Оно заслуживаетъ шѣмъ большее вниманіе, что въ новѣйшія времена рѣдко государственныя люди передающъ въ печати наблюденія, сдѣланныя ими при исполненіи своихъ должностей. По крайней мѣрѣ, послѣ швореній Сюлли, Неккера и Гарденберга, они не могутъ ошозваться недосланикомъ времени. Будучи въ душѣ республиканцемъ, Рамель проситъ и скромнѣе въ обращеніи. Онъ принадлежитъ къ немногому числу Министровъ финансовъ, кошорые отдающъ полную справедливосшь Адаму Смишу и Физіократамъ, за исключеніемъ однако же шакъ называемаго послѣдними, единственнаго налога. »Свобода промысловъ,« сказалъ онъ мнѣ, »есть лучшее средство для »улучшенія финансовъ, и уничтоженіе »шаможень нужно для благососпошянія »Франціи. Если бы Наполеонъ,« продолжалъ онъ, » вмѣсто коншиненальной системы, допустилъ совершенную свободу »шорговли въ подвластныхъ ему земляхъ, »шо довелъ бы Англію до крайности.«

Въ Дюссель я нашель одного изъ шѣхъ счастливицевъ, которые въ машинной спароси сохраняють душевныя способности зрѣлаго возраста: спраснаго любителя природы, нѣжнаго ошца семейства и равнодушнаго къ почестямъ и богатствамъ. Нельзя было безъ восхищенія слушать Неснора Французской словесности, когда онъ читалъ наизусть вдохновенное посланіе, сочиненное имъ на восемьдесятъ первый годъ своего рожденія, и когда разсказывалъ о своей жизни, исключительно посвященной служенію Музъ, которыхъ онъ почитался тогда во Франціи первосвященникомъ. Его бесѣда украшалась множествомъ любопытныхъ анекдотовъ объ ученыхъ, съ которыми онъ находился въ дружескихъ связяхъ, и отличнѣйшихъ путешественникахъ, которые въ теченіе полувѣка прїѣзжали въ Парижъ и искали его знакомяща. Онъ жилъ при Дворѣ Бурбоновъ, видѣлъ ужасы революціи и владычество Наполеона, неоднократно спаравшагося склонить его на принятіе Сенащорскаго званія; но

Дюссисъ не рѣшался промѣнять на него уединенныхъ своихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Версаля, и независимости, чинимой имъ выше всего на свѣтѣ. Бури, волновавшія его опечесиво, проходили мимо, и не касались возвышенной, поэтической души его. »Какія были самыя счастливыя минуны вашей жизни?« спросилъ я его.— »Я починаю,« отвѣчалъ онъ, »вышею наградою моего поэтическаго поприща, когда я увидѣлъ мою мать въ слезахъ при предсавленіи одной изъ моихъ трагедій.« — »Другое происшествіе, случившееся недавно,« продолжалъ онъ, »пронуло меня до глубины души. Людовикъ XVIII, по возвращеніи въ Парижъ, послалъ за мною. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ вспрѣнулъ меня, произся четыре стиха изъ моего Эдипа. Государь, сказалъ я ему, Буало и Расинъ имѣли честь чинить свои произведенія вашему дѣду, а мнѣ суждено безпримѣрное счастье слышать мои стихи изъ устъ моего Короля.«

Лафаясь, съ кошорымъ я встрѣчался у дочери Дюссеса, по ловкости своей, самый любезный человекъ въ общежитіи. За обѣдомъ онъ говорилъ, какъ Французъ. Но, разсмантривая внимательнѣе его рѣчи и поспулки, я нашелъ въ немъ разительное сходство съ фанатиками среднихъ вѣковъ, съ шюю разницею, что фанатики, проповѣдуя кротость и милосердіе, сожигали противниковъ своихъ на кострахъ, а онъ, ополчась въ обоихъ попунаріяхъ за мнимую независимость народовъ, ниспровергаетъ существующій порядокъ вещей, и подъ личною любовью къ человѣчеству, увлекаетъ въ гибель несчастное множество семействъ. Не видя на преклонныя лѣта и многотрудныя приключенія, случавшіяся въ его жизни, Лафаясь защищаетъ свои правила съ юношескимъ жаромъ, котораго не ослабили его старость и несчастія Франціи. Однажды, ошобѣдавъ съ нимъ вмѣстѣ, мы сходили съ лѣспницы, и онъ, замѣшивъ, что мой кабриолетъ еще не пріѣхалъ, предложилъ довести меня до Элизе-Бур-

бонь. Дорогою онъ завелъ рѣчь о свободѣ
шисненія, и на мои опроверженія о ея
пагубныхъ послѣдствіяхъ, сослался на
Сѣверную Америку, кошорую онъ по обык-
новенію своему превозносилъ, забывая,
что существованіе Государства, получив-
шаго шолько за пятьдесятъ лѣтъ свое
самостоятельное бытіе, сподъ же еще
нешвердо въ основаніяхъ, сколь нена-
дежна жизнь младенца, выходящаго изъ
пеленъ. » Не ближе ли, « сказалъ я ему
въ отвѣтъ на либеральную проповѣдь
его, опуская стекло карешы, » взглянушь
» на улицы эшого города, въ кошоромъ
» сошни штысячь людей запланили жиз-
» нію за невозможность ваши шеоріи при-
» весчи въ исполненіе? «

ГЛАВА XVIII.

Состояніе Парижа. — Легкомыслие Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военныя. — Известіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лаведоьеромъ. — Чернь Парижская. — Предостерегательное письмо и твердость духа Государя. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворець.

Состояніе Парижа въ 1815 году весьма различесшвовало ошъ шого, въ кошоромъ мы нашли его въ предъидущемъ году. Тогда Французы, ушомленные двадцаши-пяти лѣшними переворошами и безпрерывными войнами, пожавшими миллионы людей, надѣялись найши ручашельство спокойствія въ правленіи Бурбоновъ. По эшому они единодушно желали возвращенія стариннаго Дома своихъ Королей, конечно не всѣ съ равнымъ усердіемъ и равною къ нимъ преданносшію, но по крайней мѣрѣ, всѣ съ одинаковымъ ожиданіемъ крошкаго прав-

ленія, соопвѣшсшвующаго духу времени и положенію, въ кошоромъ находилось ихъ ошечество. Обманушые въ своихъ надеждахъ, они рукоплескали при появленіи съ острова Эльбы знаменишаго изгнанника, при кошоромъ надѣялись, ежели не возвращишь упраченную славу, искупленную слишкомъ дорогою цѣною, шо по крайней мѣрѣ приобрьшши швердое правленіе, основанное на началахъ, удовлетворявшихъ ихъ желанія. Но шупь они нашли сопрошивленіе въ Державахъ всей Европы, рѣшишельно объявившихъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, что онѣ почишають владычество Наполеона несомѣшнымъ съ общимъ снокойснвіемъ. Побѣда при Ватерло ушвердила это объявленіе, и Бурбаны возвратились во Францію уже не по единодушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ, ошгъ чего возникъ духъ междоусобій, распрей и даже вражды въ семейсвахъ, кошорый мы нашли въ броженіи и кошорый, возросшая и укрѣпляясь безпресшанно, по прошесшвіи пшшнадцати

лвшь обрекъ пошомковъ Св. Людовика на новое изгнаіе.

Франція предсшавляла въ эшомъ ош-ношеніи любопынное зрѣлище; ибо, по врожденному свойству, мы охотнѣе смошримъ на народъ, обуреваемый спраснями, нежели на сшрану, гдѣ царешвуешъ шшшва, подобно шому, какъ съ большшмъ удовольствіемъ ошпанавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымающся, нежели когда необъяшная поверхноспъ водъ его ничѣмъ не колеблещся. Въ эшо несчастное время, легкомысліе Французовъ явилось во всей своей нагошѣ. Не смошря на шо, что столица ихъ и часш Государшва были заняшы чужешшанными войсками, что во многихъ мѣсплахъ свирѣшшвовали буншы, что крѣпосши на сѣверной границѣ были осаждаемы и кровь десяшковъ шысячъ жершвъ дымлещ на поляхъ Линнъ и Вашерло, шеаширы и кофейные дома наполнены были народомъ, и радосшныя шолны покрывали гульбища. Въ журналахъ номѣщаемы были сшашны шолъ же обширныя о комедіяхъ,

какъ и о священномъ дѣлѣ ожечесшва; бѣлые или красные цвѣты на какой нибудь акшрисѣ почитались важнымъ событіемъ и производили жаркіе споры, поному что зрители не соглашались въ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ этихъ цвѣтовъ, къ какой паршій принадлежишь акшриса, къ приверженцамъ ли Бурбоновъ, или бывшаго Императора. Словомъ сказать, ежели бы кого нибудь, незнавшаго предшесшвовавшихъ происшесшвій, привезши въ Парижъ, шо онъ сказалъ бы, что конечно очень много времени прошло съ шѣхъ поръ, какъ бѣдешвіа не касались шраны, кошорой городъ эшотъ ешь шнолицей.

Безъ презрѣнія нельзя было смотрѣшь на равнодушіе Французовъ къ шому унишительному положенію, въ кошоромъ они находились. Сколько живошисцевъ приносили къ намъ на продажу каршины, предшавляющія вшупленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и шому подобныя изображенія! Какъ бы посшупили у насъ съ художникомъ, кошорый бы вздумалъ нарисовашь

какую нибудь побѣду враговъ Россіи, и поднесъ бы имъ шакое произведеніе своей кисти! Даже, когда нѣкошорые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно каршины и спашуи, имъ прежде принадлежавшія, шо Французы не шолько не показывали, чему я былъ личный свидѣтель, большаго прискорбія, хошя въ послѣдствіи писашели ихъ и ушверждали прошивное; но даже въ нѣкошорыхъ журналахъ помѣщены были шушки на счетъ увезенія Венеры Медицейской и Венеціанскихъ лошадей. Бриліанщики и золошыхъ дѣль масшера, на перерывъ другъ передъ другомъ, шаралися придавашъ красивѣйшій видъ Русскимъ орденамъ, уменьшая ихъ во всѣхъ возможныхъ размѣрахъ. Руководимые чувствомъ самой низкой корысти, они забывали, или не хотѣли знашь, что эти знаки ошличія были приобрѣтены нами на поляхъ, на кошорыхъ сошни шысять сошечешвенниковъ ихъ положили живощъ свой. Ушонченная подлость ихъ досшигла даже до шого, что они вырѣзали на краяхъ нашихъ медалей

1812 года, число вспуления нашего въ Парижъ. Не было власни ешоль священ-
ной, надъ кошорою бы Парижане не из-
дѣвались. Въ одномъ журналѣ я нашель
слѣдующее: »Разсмапривая воинскія склон-
»носни народа и ролю, шо героическую, но
»шуповскую, кошорою Франція играла
»на шеапрѣ Еврепы въ продолженіе двад-
»цати пяти лѣтъ, я думаю, что ей необ-
»ходимо имѣть шакого Короля, кошорый
»бы умѣлъ хорошо ѣздинь верхомъ; почему
»предлагаю Королемъ нашимъ избрань бе-
»рейшора Франкони!« *)

Одни военные сохранияли нѣкошорое
доспоинешво характера и чувешво соб-
сшвеннаго къ себѣ уваженія. Будучи ви-
новны въ шомъ, что они приспали къ
Наполеону при появленіи его во Франціи
съ ошрова Эльбы, они желали оправдаць
себя обешояшельшвомъ, что въ эшомъ
посшупкѣ они руководешвовались надеж-
дою возсшановишь ушраченную славу ихъ
оружія; но эшо не извиняешъ нарушенія

*) № 27-й Приложеній.

присяги. Не входя въ разсмотрѣніе, до какой степени они пресупунны, нельзя однако же не ошцашь справедливости непріятелямъ; долгое время прошивъ насъ сражавшимся, что они, вида бѣдспвія опечесшва, являли въ своемъ поведеніи совершенную прешивоположенность съ прочими своими согражданами. Пріятно было встрѣчашь военныхъ, ходившихъ съ мрачнымъ видомъ, и блѣдѣвшихъ при взглядѣ на Русскій мундиръ. Впрочемъ, въ этомъ году они были несравненно скромнѣе, нежели въ прошломъ. Тогда они воображали, что слѣпой случай или измѣна привели насъ въ столицу ихъ; но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали намъ примѣрную вѣжливость, и не искали, какъ въ 1814 году, поводовъ къ поединкамъ. Въ шашрахъ они принимали съ восторгомъ всѣ выраженія, относяшіяся къ чести Франціи, и заславляли акшеревъ повцоряшь ихъ слова, кошорыя нащоминали прежнія побѣды.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ. Казалось, что они забыли причину золь, въ которую Наполеонъ ввергнулъ Францію, а только сохранили въ сердцахъ признашельность за славу, кошею онъ ихъ озарялъ. Надѣшели журналовъ всѣхъ чечши паршій, какъ бы по взаимному условію, прекрашили распри. Ненависть на минушу почила при возрѣніи на несчастіе, поспитнее необыкновеннаго человека, кошею судьба принудила оцдашься въ руки люнгійшимъ врагамъ его. Опреченіе его оиъ Прешола въ прошломъ году сопряжено было съ совершенно различными обстояшельствами, нежели въ насшоащемъ. Тогда онъ покидалъ Францію съ правами коронованной главы и съ званіемъ Императора, сохраненнымъ ему великодушіемъ Союзниковъ; но нынѣ онъ былъ не иное что, какъ похищитель Прешола или плѣнникъ, бѣжавшій съ Эльбы, для того, чтобы снова наводнишь Европу кровію. Всемирное спокойствіе пребовало,

чтобы приняты были мѣры для воспрепятствованія ему впорочнаго подобнаго покушенія, и Союзные Монархи, объявивъ его военноплѣннымъ, назначили для пребыванія его островъ Святой Елены, и предоставили Англійскому Правительству принятіе всѣхъ мѣръ предосторожности, какія оно посчитъ нужнымъ. Вѣчное заключеніе сшановилось неизбѣжнымъ удѣломъ и достойнымъ наказаніемъ осквернителя храмовъ нашихъ. Последняя особа его семейства, осцававшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Горшензія, отправилась тогда изъ сей столицы въ Швейцарію — съ Русскимъ паспортомъ.

Около ашого времени обнародованъ былъ списокъ шѣхъ, кошорые принимали наибольшее участіе въ происшествіяхъ 20го Марца. Однихъ приговорили къ изгнанію, другихъ подвергнули суду, начавшемуся съ Лабедойера, кошорый съ полкомъ своимъ, сшоявшимъ въ Гренобль, первый перешелъ на сторону Наполеона. Судъ производился общенародно, и въ за-

сѣданіа выпускали по билетамъ. Какъ при-
 вѣтно было, ихъ раздавали большею ча-
 стію иностранцамъ, и приверженцамъ
 Бурбоновъ. Нѣсколько офицеровъ Коро-
 левской гвардіи вели себя неблагопри-
 стойно, и обнаруживали мнѣніа свои смѣ-
 томъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо
 было о жизни человѣка. » Взгляните на
 » послѣдствія его посяжка, « сказалъ об-
 винитель: » всѣ узы гражданства во Фран-
 » ціи разшортуны; она невержена подъ
 » иго чужеземцевъ, междоусобная война
 » пылаетъ повсюду, ошечесиво сноишь
 » на краю погибели. « Предсѣдатель спро-
 силъ Лабедойера, обвиненнаго въ измѣнѣ
 прошиву Государства, чію онъ имѣетъ
 сказать въ свое оправданіе? Лабедойеръ,
 прекрасный тридцати - лѣтній мужчина,
 одаренный краснорѣчіемъ, отвѣчалъ: » Не
 » заираюсь въ пресшунленіи; но скажу
 » слабымъ голосомъ смерши, чію моя вина
 » не можетъ опияшь у меня чесни, кошо-
 » рую я долженъ передать незащипненною
 » женѣ моей и сыну. Я обязанъ ее защи-
 » щать, чшобъ сынъ мой, досшигнувъ воз-

»распа, когда посвяпишь себя на службу
»ошечества, не былъ при самомъ вешуп-
»леніи на ея поприще покрывъ спыдомъ.»
Лабедойеръ спарался доказать, что пре-
»сшупленіе можешь сущесшвовашъ, а че-
»ловѣкъ, его совершившій, былъ невиненъ;
въ примѣръ посшавлялъ онъ себя. Для
эшого онъ предпринялъ изложитъ поло-
»женіе, въ кошоромъ находилось тогда
ошечество его; но едва онъ успѣлъ ска-
»зашъ, » что послѣ желаннаго всеми воз-
»вращенія Бурбоновъ, общее мнѣніе начало
»прошивъ ихъ обнаруживашься, оказа-
»лись повсюду неудовольсшвія, особенно
»въ войскахъ,» какъ слушашели изъяви-
»ли неудовольсшвіе, и Предсѣдатель, прер-
»вавъ его рѣчь, совѣщовалъ ему не ошечну-
»пашъ онъ предмета своего и довольсшво-
»вашься личнымъ защищеніемъ. Лабедой-
»еръ замолчалъ, спряшалъ бумагу, на ко-
»шорой была написана его рѣчь, и сказалъ:
»Ташъ, кто многократно водилъ храб-
»рыхъ людей на вспрѣчу смерти, будешь
»умѣнь и самъ ее вспрѣтывашъ. Я не говорю,
»чтобы я не сдѣлалъ пресшупленія, въ ко-

» шоромъ меня обвиняюшь; но ушверждаю,
 » что я не виновашъ, и не потерялъ че-
 » сти. Мнѣ поручили, « присевокупили онъ,
 » усмиришь духъ седьмага линейнаго пол-
 » ка, кошораго я былъ начальникъ; но могъ
 » ли я заспавишь солдатъ забышь имя
 » полководца, въ шеченіе пшнадцати лѣтъ
 » водившаго ихъ къ побѣдѣ? «

Въ одномъ журналѣ, кошорый въ про-
 долженіе суда принималъ шорону обви-
 неннаго, была помѣщена между прочимъ
 слѣдующая спашья. Она лучше всякихъ
 объясненій, обнаружиль духъ, господ-
 спвовавшій тогда во Франціи: » Лабедойеръ
 » служиль съ молодыхъ лѣтахъ
 » подъ знаменами Наполеона. Людовикъ
 » XVIII спалъ ему извѣшенъ шолько за де-
 » еяшь мѣсяцевъ. Его прежній Монархъ, ко-
 » шораго опреченіе ошъ Прешола казалось
 » ему вынужденнымъ, являешся предъ нимъ.
 » Онъ привыкъ долгое время почишашъ
 » законнымъ Государемъ шого, кошораго
 » всѣ Державы шакимъ признали, и эши мы-
 » сли пробуждаюшь въ немъ еще неугасшую
 » къ нему привязанность. Блескъ воин-

»ской славы прежняго его Монарха, онъ
»започенія и несчастія, возвеличиваешся
»въ глазахъ его приверженныхъ, и дѣй-
»ствуешь на пламенное воображеніе, ко-
»шорое увѣряешь ихъ, будшо они пови-
»нующся гласу долга, шогда какъ они по-
»пирають ногами священнѣйшія обязан-
»ности. Нельзя въ одинъ день ишпрѣ-
»бишь предразсудковъ своихъ, перемѣ-
»нить мнѣнія, склонностей и образа
»мыслей, возникшихъ на ложномъ или на
»справедливомъ основаніи, но укрѣплен-
»ныхъ временемъ. Въ эшомъ состоишь
»его ишстинное преступленіе, но всѣ Фран-
»цузы раздѣляли его заблужденіе.»

Такия и подобныя имъ выраженія, по-
мѣщаемыя въ другихъ ежедневныхъ лист-
кахъ, имѣли цѣлю не шолько оправды-
ваш обвиненныхъ, сколько раздуваш
пламень раздоровъ, усиливавшійся еше по-
шой причинѣ, что вслѣдъ за казню Ла-
бедойера начали судишь сообщниковъ его,
въ числѣ кошорыхъ находился и Маршаль
Ней, чшимый во Французской арміи однимъ
изъ храбрѣйшихъ Генераловъ. Хошя дока-

зашельства въпренности высшаго и средняго сословій Парижанъ были очевидны; однако же не надобно было шерашь изъ вида, что въ Парижъ находилось двѣсти тысячъ человекъ, не имѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни надежнаго пропитанія и возросшихъ посреди кровопролитій революціи. Легко можно было взволновать ихъ. Развратная чернь, способная на всякія пресшупленія, имѣла по ночамъ сходбища въ предмѣстьяхъ города, издѣвалась на улицахъ надъ солдатами Королевской гвардіи, съ жадностію внимала чшешію журналовъ, издаваемыхъ демагогами, и при всякомъ случаѣ оказывала неуваженіе къ своему законному Правительству. Положеніе многочисленной, необузданной толпы, содержимой въ уздѣ присущешвіемъ союзныхъ армій, можно было уподобить хищному звѣрю, гложущему цѣль, къ кошорой онъ прикованъ, но гошовому при первой возможности предаться врожденной ярости своей. Въ эшихъ смутныхъ обстоятельствахъ, Государь, получавшій нерѣдко разнаго рода

предосперегашельныя извѣшїя, не подавалъ вида, чшобы Онъ чего-либо опасался: ходилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливался по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденїи одного шолько конюшаго, и ѣздилъ по городу въ карешъ, запряженной двумя лошадьми, съ двумя лакеями Французами, и съ кучеромъ Французомъ же, безъ всякаго прикрышїя. Карауль въ Элизе-Бурбонъ содержали попеременно Русскіе, Прусаки и Англичане, и шолько на ночь присоединяли къ нимъ со стороны сада нѣсколько дейбъ-казакъ.

Изъ числа шакихъ предосперегашельныхъ извѣшїй, упомяну о слѣдующемъ. Однажды, часовъ въ десять вечеромъ, Государь получилъ отъ неизвѣстной особы письмо, въ кошеромъ увѣдомляли, что подъ дворцомъ Элизе - Бурбонъ положень пороохъ, и что подношь, преведенный изъ дома Герцогини Боно, находящагоса на супротивѣ дворца, намъревались въ шу ночь взорвать. Мнѣ приказали шончасъ осмотрѣшь найнымъ образомъ весь когребъ и

подземелья, но я не нашелъ ничего, что-бы могло оправдать подозрѣніе. Окончивъ обыскъ поздно ночью, я возвращался въ свою комнашу, и, проходя мимо двери, ведущей на половину Императора, узналъ, что Онъ почивалъ. Если мы оспрашиваемъ справедливосшь великосни духа Александра Македонскаго, принимающаго лекаршво изъ рукъ врача, о кошоромъ донесено было, будшо бы онъ намѣренъ его оправить; то не заслуживаетъ ли еще болѣе удивленія эта черша въ жизни нашего Государя, Кошорый въ непріятельскомъ городѣ, бывшемъ слишкомъ двадцать лѣтъ позорищемъ неслыханныхъ нечеловечь, увѣдомаясь, что намѣреваются взорванъ на воздухъ дворець, Имъ обипаемый, приказываетъ удословѣриться въ справедливосши шакого показанія, а Самъ опходитъ ко сну?

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ своего возвращенія въ Парижъ. Окруженные своими приближенными, кошорые не оставляли ихъ въ изгнаніи, они казались чужими посреди на-

рода, надъ кошорымъ предки ихъ владычествовали многія спольшія. Людовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства не пользовались приверженностію народа. Я видѣлъ Французовъ, бывшихся объ закладъ, что по вышупленіи союзныхъ войскъ изъ Франціи, Бурбоны долго не удержатся на Пресполь. До какой спенени положеніе ихъ было бы шягосшно безъ засшупленія Государа, можно заключить изъ слѣдующаго. Меня однажды разбудили въ глухую полночь — зачѣмъ? чшобъ я поспѣшилъ къ Фельдмаршалу Блюхеру и уговорилъ бы его ошмѣнить данное имъ приказаніе касашельно собшвенныхъ лошадей Людовика XVIII, кошорыхъ онъ велѣлъ было взять за шо, что городъ Парижъ медлил взносомъ наложенной на него конпрібуціи.

Мнѣ случилось въ это время имѣть порученіе къ вдовшвующей Герцогинѣ Орлеанской, супругѣ извѣснаго въ революціи Эгалише, почитавшейся одною изъ умнѣйшихъ особъ Королевской фамиліи. Она была за споломъ, когда я при-

ѣхаль, но велѣла меня пошчасъ къ себѣ пригласишь и посадила подлѣ себя. Между шѣмъ, какъ она читала письмо, которое я ей вручилъ отъ Государя, я могъ взглянуть на особъ, сославлявшихъ ее общество. Тутъ единственно были шаррики, кошорыхъ, по плашью и по приемамъ, легко было признашь за придворныхъ, образовавшихся въ Версальскихъ переднихъ. При эшомъ естественнѣо родилась мысль, что ежели общество отличѣйшей особы Дома, ешюль близкаго родешву съ Бурбонами, заключалось въ людяхъ, чуждыхъ своему вѣку и понаніямъ своихъ современниковъ, но каково же оно должно бышь у прочихъ лицъ эшого семейства?

Любопытешво завело меня однажды въ Тюльерійскій дворець, кошорый при Наполеонѣ бывалъ окруженъ пѣшими и конными часовыми его гвардіи, ошличавшейся ешюлько же военкою осанкою, ешюлько и славою, прибрѣшенною ею въ безчисленныхъ сраженіяхъ. Теперь около него не было никого, кромѣ шолны празд-

ныхъ людей, прогуливавшихся по саду и по Карусельской площади, на кошорой Наполеонъ дважды въ каждый мѣсяцъ собиралъ всѣ войска, споявшія въ Парижъ, и производилъ смошры въ присушствіи дипломатическаго корпуса и множесва пушешешвенниковъ, спекавшихся тогда въ Парижъ, пошому что эти дни смошровъ бывали обыкновенно назначаемы имъ для принятія иностранцевъ. Здѣсь видаль и я неоднократно Наполеона. Чувсшво, произведенное на меня въ первый разъ, когда я на него взглянулъ, похоже было на шо, кошорое я ощущаль, когда впервые въ моей жизни предсшавились взорамъ моимъ Альпійскія горы, шо еспь чувсшво удивленія, поселяемаго въ насъ, особенно въ молодости, необыкновеннымъ зрѣлищемъ природы. — Тогда эшешъ человекъ еще не былъ опъявленнымъ врагомъ Россіи.

Въ передней залѣ дворца сподль караулъ, и шрое гвардейцевъ, опроческихъ лѣшъ, вызвались бышъ моими вожаками; но они не знали дороги въ огромномъ зам-

къ, и едва мы вспунили во вшорую комна-
шу, какъ пресарфый кавалеръ ордена
Святаго Людовика закричалъ: »Сюда не хо-
дять!« Онъ даже не приподнялся со стула,
хотя я ему показалъ билешъ, на кошо-
ромъ написано было, что я Полковникъ
гвардіи Россійскаго Императора, шо ешь,
Монарха, по милосши Кошораго дворець
возвращень былъ законнымъ своимъ вла-
дѣтелямъ. На корнизяхъ, на дверяхъ и
на люспрахъ сіяли вензеля Наполеоновы,
а по снѣнамъ висѣли каршины, изобра-
жающія его походы, о кошорыхъ мои про-
водники не имѣли никакого поняшія. Та-
кимъ образомъ, когда мы ошпановились
подлѣ каршины сраженія Прейсишъ-Эй-
лаускаго, они говорили съ увѣренносшію,
своешвенною Французамъ, что это од-
на изъ бишвъ Египешской войны. По двор-
цу ходило нѣскольکو военныхъ, неопраш-
но одѣшыхъ; между ними я не встрѣшилъ
ни одного сшеченнаго человѣка. Комнашы
были не чисшы, мебель стояла не на
своихъ мѣснахъ, и все являло видѣ ка-
кого-шо неуспройства и разрушенія.

Г Л А В А ХІХ.

СМОТРЪ ПРИ ВЕРТЕУ 26-го АВГУСТА. — ВТОРОЙ СМОТРЪ 29-го АВГУСТА. — ГВАРДІЙСКІЙ КОННО-ЕГЕРСКІЙ ПОЛКЪ. — ОБЪЕДЯ ВЪ ЛАГЕРѢ. — ИНОСТРАНЦЫ, НАХОДЯВШЕСЯ ВЪ ВЕРТЕУ. — ОБЪЕДЕННЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ РУССКИХЪ. — ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

Прежде возвращенія нашей арміи изъ Франціи, Государю было угодно сдѣлать общій смотръ, при которомъ не могъ быть только корпусъ Графа Ланжерона, расположенный около Французскихъ крѣпостей. Первоначально думали произвести смотръ въ первыхъ числахъ Августа подъ Феръ-Шампенуазомъ, гдѣ въ прошломъ году одержана побѣда надъ Французами; но пошомъ ошложили на нѣскольکو недѣль для того, чшобы дать время креспьянамъ убрать съ полей хлѣбъ, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампани, близъ города Верню, между

Эпернеемъ, Бриеномъ и Шалономъ, необозримую равнину, посреди кошорой находится гора, называемая Моншеме. Между шѣмъ, какъ армія шуда собиралась, въ главной кварширѣ дѣлали чершежи, какъ разшавишь войска и какія имъ производишь движенія, и сосшавляли командныя слова для каждаго корпуса порознь. Государь лично входилъ во всѣ подробносши, до смопра касавшіяся, и всѣ распоряженія писаны Имъ собшвенноручно. Онъ хошѣлъ предшавишь армію Свою передъ глаза и, шакъ сказашъ, на судъ всей Евроны.

25го Августа Его Величество ошправился изъ Парижа въ Вершю. На слѣдующій день, ше есшъ 26го Августа, былъ примѣрный смопръ, на кошоромъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилась; а 29го былъ другой, въ присушенвій Союзныхъ Государей и множесшва иношранцевъ, кошорыхъ для эшого пригласили; 30го же церковный парадъ. Въ спрѣю было семь конныхъ и одиннадцашъ пѣхошныхъ дивизій, шри полка казаковъ, двѣ роты піонеровъ и одна рота саверовъ, всего

ПРИ ВЕРТЮ.

ВАРКЛАЙ ^о **де ТОДЛИ.**

3. КОРПУСЪ.

Ген. Дахтуровъ!

24. Див. **7. Див.**

Г. М. Ратъ. Г. М. Кануевъ.

2. Турарская Див.

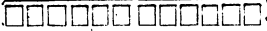
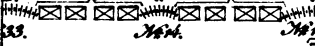
Г. М. Третьяковъ.

Г. М. Буричъ. Г. М. Кареевъ.

Г. М. Б. Варыинскій.

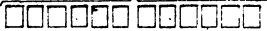
2.P.

2.P.

Г. М. Зарыкинъ. П. Акустеевъ.

Г. М. Васильевъ.

Г. М. Кареевъ. Г. М. Макаровъ.

№ 4.

P

2. РЕЗЕРВЪ. КАВАЛЕР. КОРП.

Г. Баронъ. Винценгеродъ!

2. Турарская Дивизія.

Г. М. Зеевъ. Г. М. Кротовъ. Г. М. Леопольдовъ.

8.P.

3.P.

3.P.

2. Уланская Дивизія.

Г. М. Фр. Сурковъ.

Г. М. Бу. Андреевъ. Г. М. Бранко.

150,554 человекъ, въ числѣ кошорыхъ 87 Генераловъ, 433 Шшабъ-офицера, и 3980 Оберъ-офицеровъ. Орудій въ спрою находилось 540.

26го въ шесть часовъ утра, мы поѣхали на гору Моншеме, передъ кошорою выспроена была армія слѣдующимъ образомъ: коръ - де - башаль состоялъ изъ шрехъ пѣхошныхъ корпусовъ, расположенныхъ въ шри линіи. Правымъ крыломъ начальствоваль Дохшуровъ, лѣвымъ Раевской, а ценшромъ Сакенъ. За ними находились: вшорая драгунская дивизія подъ начальствомъ Барона Корфа, за кошорою стояли въ резервѣ гренадерскій корпусъ Ермолова и пѣхошный Сабанѣева, и два кавалерійскіе корпуса: Барона Винценгероде и Графа Палена. *) Въ этомъ порядкѣ мы увидѣли армію, занимавшую просшранство на нѣсколько вершгъ, и ожидавшую съ благоговѣніемъ пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, отражаемые оружіемъ, придавали зрѣлищу необыкновенный блескъ, и всё были шакъ

*) Смотри боевой порядокъ въ приложенной таблицѣ.

поражены величественнымъ зрѣлищемъ, что когда, взѣхавъ на Моншеме, взглянули на армію, по произошло невольное молчаніе: казалось, каждый гордился бышь Русскимъ. Сигналы для команды дѣлаемы были пушечными выстрѣлами изъ орудія, споявшаго на Моншеме. Первый выстрѣлъ возвѣстилъ прибытіе Государя. Войска взяли ружье на плечо. По второму сдѣлали на карауль. Громкое ура! раздалось по рядамъ, заиграла музыка, загремѣли барабаны и шрубы. По шретьему выстрѣлу взяли на плечо, и поспроились въ башаціонныя колонны, а по чешвершому вся армія начала спроить каре. Три спороны соспоили изъ пѣхошы, а чешвершая изъ конницы; передъ одною изъ пѣхошныхъ линій спояло десять ротъ конной аршиллеріи. Въ это время Государь спушил-ся съ горы, при радосныхъ кликахъ объѣхалъ весь каре, и оспановился въ срединѣ. Армія прошла церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Величества: сперва гренадеры, попомъ линейная пѣхоша, за нею конница, и конная резервная аршил-

лерія. Пѣхоша проходила слѣдующимъ образомъ: оба башальона каждого полка, пешроенные въ гусшую взводную колонну, шли одинъ возлѣ другаго, имѣя между собою разстояніе на одинъ взводъ, а за каждою бригадою слѣдовала принадлежащая къ ней артиллерія, по же въ одну линію. Послѣ этого Государь возвратился на Моншеме, а войска спали въ шопъ же боевой порядокъ, въ кошоромъ были съ самаго начала, и по пушечному выстрѣлу сдѣлали на караулъ. Снова загремѣла музыка и барабаны, снова ура! наполнило воздухъ.

Нѣтъ примѣра, чшобы споль великое число войскъ было собрано для смонра, и чшобы смонръ происходилъ за нѣсколько тысячъ верспъ ошъ опечесшва, въ землѣ, еще не задолго почишавшейся непобѣдимую! Даже въ знаменишомъ Булонскомъ лагерѣ, гдѣ въ 1804 году Наполеонъ пригешовлялъ высадку въ Англію, и о кошоромъ по сихъ поръ Французскіе военные писашели говорашъ съ восхищеніемъ, находилось поръ ружьемъ шолько сно че-

штырнадцатъ тысячъ человекъ, *) слѣд-
ственно штырнадцатую шестью тысячами
менѣе, нежели Русскихъ при Вершю. Не-
возможно видѣть лучшей опрятности лю-
дей, состоянія оружія, общаго устрой-
ства и наружной красоты. Полки были
доведены до такого совершенства, что
они все казались равными; нельзя сказа-
ть, чтобы одинъ былъ лучше другаго. Русскіе
офицеры почти избалованы точностію,
съ какою исполняются у насъ движенія
войскъ; но построенія, когорны произ-
водились въ этотъ день, превзошли наши
чаянія. Пѣкогорцы пѣхонымъ полкамъ
при образованіи карея надлежало прохо-
дить при съ половиною вершны, конная
артиллерія неслась по этому простран-
ству во весь одеръ; но порядокъ и бы-
строша, съ когорными войска слѣдовали
къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, доказали,
что все и каждый знаетъ свое дѣло.
Удивительнѣе всего было, что углы
карея составлялись въ одно время, какъ
будто при батальонномъ ученіи, и что

*) Dumas. Précis des événemens militaires. T. XII. p. 33.

въ продолженіе церемоніальнаго марша, копорымъ проходило болѣе ена семи пысять пѣхошы, никшо не сбился съ ноги. Самоувѣренность была написана на лицахъ воиновъ; изъ успѣ ихъ, кажешся, вырывались слова: »Кшо прошивъ насъ?« Государь былъ ешоль доволенъ емопромъ, что сказалъ: »Я вижу, что Моя армія »первая въ свѣшъ; для нея нѣшъ ничего »невозможнаго, и по самому наружному »ея виду никакія войска немогушъ съ нею »сравнишься.«

Вдали было видно поле сраженія Феръ-Шампенуазскаго, копорое напоминало одинъ изъ блисшашельныхъ подвиговъ нашего оружія, особенно для личной славы Александра. Но, при всемъ шоржесшвѣ, можно ли было забышь о Бородинскомъ сраженіи, копорому шогда минуло ровно при года? Въ шо время села и города пылали опъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на эшомъ огромномъ просшраншвѣ шекла кровь Россіянь. Прошиву неслыханнаго ополченія враговъ, предводишельсшвуемыхъ вождями, образованными

въ побѣдоносныхъ спанахъ, сно пѣнадцашь щысячь нашихъ воиновъ заслоняли Вѣру, Пресшоль, чеснь, гробы родишелей, законы, славу и независимосшь, прѣшья опъ предковъ. Ни одно изъ сраженій новѣйшихъ временъ съ Бородинскимъ сравнишься не можешъ, даже Лейпцигское, въ кошоромъ неприяшель искалъ не лавровъ, не спасенія, и шолько помышлялъ, какъ бы съ чесшю перейши за Рейнъ; гдѣ, слабѣ въ силахъ, нежели его прошивники, онъ былъ осшавленъ своими союзниками, не имѣлъ въ дѣлѣ шѣхъ полчищъ, кошорыя прежде слыли непобѣдимыми, и пошомъ испреблены въ Смоленскѣ, въ Тарушинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ и въ Красномъ, и кошорыхъ кости сожигаемы были въ коспрахъ, а пепель въпрами разнесенъ далеко опъ земли Русской. При Бородинѣ была бишва народовъ, бишва Русская съ Европою. Еслибъ грудь Россіянъ была менѣ шверда, и мудросшь Смоленскаго менѣ испышана, шо дерзскій иностранецъ, взирая съ Кремлевскихъ стѣнъ на плѣненную шополицу, сказалъ бы: »Дер-

» жава Петра, Екатерины и Александра была
 » славна, но она сокрушилась подъ ударами
 » соединенной Европы.»

Сколькохъ посреди арміи уже нѣшь
 героевъ, кошорые въ шомъ незабвенный
 день были оплошомъ вѣковъчной Державы!
 думаль я, пребъгая взорами ряды войскъ.
 Нѣшь Баграціона, любимца побѣды; нѣшь
 Тучковыхъ, Кушайсова, и многихъ шысячь
 ихъ сподвижниковъ. Можешъ бышь, *)
 пошомшво не соорудишь вамъ памяшника
 на шомъ мѣстѣ, гдѣ вы пали, но по
 крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько вѣковъ,
 на холмахъ, орошаемыхъ Колочею; возд-
 вигнешя скромная часовня; имена ваши
 вырѣжущся на мѣдной доскѣ; спранникъ
 позднихъ лѣтъ будешъ чинашь ихъ при-
 нускломъ свѣшъ лампады и унесешъ съ
 собою въ дальнія спраны горшъ земли,
 съ кошорою смѣшался священный прахъ
 ванъ. Машери, сесшры, невѣсны надшихъ
 въ бишвѣ Бородинской, вы, кошорыя надъ
 могилою храбрыхъ проливаеше въ шомъ

*) Сбылись надежды! Государь Императоръ Николай
 Павловичъ воздвигаетъ памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

день слезы и возсылаеше моленія къ Небу о успокоеніи душъ ихъ, къ вамъ взываю! Да слава опечесшва, до высшей сщени вознесемная, исполнишь вани сердца увѣреніемъ, что мещь воешдла враговъ, въ горешное для Россіи время онъгявншихъ жизнь родныхъ ванихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на ихъ сѣбсдвенныхъ поляхъ, празднуемъ мы славу Россіи; войны наши поцираюшъ ихъ нивы, наши знамена развѣваюшся на равнинахъ Шампани, и эхгорь непріательскихъ принуждено повшоряшъ побѣдоносное, радосшное Русское ура!

На другой и на шрешій день городокъ Верню наполнился любопышными изъ всѣхъ сосшолній и военными въ мундирахъ всѣхъ Евронейскихъ Державъ. Изъ Парижа пріѣхало много купцовъ съ шеварами разнаго рода, и наши маркишаншны опкрыли свои подвижныя лавки посреди лагеря, гдѣ день и ночь все было въ величайшей дѣшельности. Всякой начальникъ опдѣльной часши войскъ соревновалъ превзойши своихъ шоварищей.

29го Августа смотръ проеходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и 26го, съ пою разницею, что при немъ присушествовало множество иностранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, Голландіи, Лондона и другихъ мѣстъ. Въ числѣ ихъ находились строгіе наблюдатели, желавшіе лично удостовериться въ состояніи нашей арміи, потому что съ давняго времени, по какому-то непонятному предубѣжденію, иностранцы привыкли почитать силы Россіи преувеличенными. Съ самаго утра Государь находился на Монсеме, передъ которымъ выстроивалась армія, и лишь только увидѣлъ Короля Прусскаго, обнажилъ шпагу, поѣхалъ къ нему на встрѣчу, вручилъ ему строевой рапортъ, а потомъ ошдалъ эту же самую почесть Императору Францу. Начальникъ Шшаба Его Величества представилъ строевые рапорты Фельдмаршаламъ Веллингтону, Шварценбергу и Вреде. Во время церемоніальнаго марша, Государь лично предводительствовалъ арміею, и салютовалъ Союзныхъ Монарховъ; Великіе Князья: Ни-

колай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а Михайлъ Павловичъ командовалъ пятью рошамн конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніальнаго марша на Моншеме, и войска выстроились въ прежній боевой порядокъ, загремѣлъ пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двадцать минутъ. Воздухъ покрылся дымомъ, за копорымъ мало по-малу армія исчезала и наконецъ совершенно скрылась.

Иностранныя съ изумленіемъ смотрѣли на густыя ряды войскъ, проходившихъ мимо ихъ въ неимовѣрномъ устроившѣ. Я часто подѣзжалъ къ нимъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не бывъ ими примѣчаемъ, и всякой разъ слышалъ, что они съ шрудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингтонъ сказалъ, »что онъ никогда не воображалъ, чтобы армію можно было довести до столь великаго совершенства.« Онъ съ такимъ вниманіемъ считалъ число войскъ, что послѣ осмотра замѣнилъ, что въ одномъ конномъ пол-

ну не доснавало эскадрона, и признался, что онъ полагалъ, видя въ Парижѣ нашу шрешью гренадерскую и вшорую кирасирскую дивизию, будто люди для нихъ были выбраны изо всей арміи, и что прочія войска не могли съ ними равняться. Каково долженствовало быть его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что ни одна пѣхотная дивизія не успунала гренадерамъ! Сиръ Сидней Смитъ, съ обыкновеннымъ ему чисшосердечіемъ объявилъ, что эшошъ смошрѣ ешъ урокъ, даваемый Императоромъ Россійскимъ прочимъ народамъ.

Только можно было сожалѣшь, что при смошрѣ не находилось гвардіи, кошорая, по наружному виду, и по храбрости, сказанной ею во многихъ сраженіяхъ, приобрѣла первое мѣшо между всѣми войсками въ Европѣ. Въ соснавѣ ея ешъ между прочимъ одинъ полкъ, а именно конно-егерскій, кошорый формировался въ 1814 году подъ начальствомъ Генерала Васильчикова въ Версали. Не принадлежишь ли къ числу дивныхъ происшеш-

вій нашего необыкновеннаго вѣка, чье знаменитое мѣстопробываніе Французскихъ Королей, украшенное Мансаромъ, Ленонромъ, Пюжешомъ, Лебрюномъ, восхитное Буало и Рассиномъ, гдѣ соединены были изящнѣйшія произведенія новѣйшихъ временъ и вѣковъ Перикла и Августа, гдѣ гремѣлъ Боссюэнь, и сосредоточивалось все великолѣпіе Людовика XIV, что это мѣсто послужило колыбелью для Русскаго полка? Мерсье, конорый въ своей каршинѣ Парижа, переносясь мысленно въ будущность, и изображая запускѣніе, кошорому Версаль нѣкогда подвергнется, какъ прозрачныя пруды превращающагося въ болота, спашуи покрывающагося мохомъ, вѣковыя аллеи пороснутъ ренейникомъ, и какъ вѣнперъ будещъ свисѣннъ въ разбиныя окна замка, надъ кошорымъ будещъ возвышающагося кипарисъ, любимецъ гробовъ, — самъ Мерсье, въ мрачномъ воображеніи своемъ, не могъ себѣ предсказать, что въ Версали будущъ формирующагося гвардейскіе конные егера Росойскаго Императора.

Въ день Александра Невскаго, еолице при самомъ восхожденіи обѣщало благоприятнѣйшую погоду. Посреди прелестной долины, окруженной цѣнью невысокихъ горъ, было приготовлено, по числу корпусовъ, семь палатокъ для Богослуженія: передъ каждою былъ выспроенъ корпусъ: конница безъ лошадей, пѣхоша безъ ружей. Государь прибылъ къ гренадерамъ въ восьмомъ часу ушра, когда туманъ покрывалъ горизонтъ; но онъ скоро разсѣялся, и представилось зрѣлище, небывалое въ свѣтѣ. Сто пашьдесять тысячъ побѣдоносныхъ воиновъ, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну Вѣру, пришли изъ ошдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, и ожидающъ въ безмолвіи не призыва къ кровопролитному бою, но гласа молящихся прашьей, чшобъ ивалищъ сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба. Благоговѣйные звуки священныхъ пѣсней повшорались ошголосками; воинство преклонило колѣна, и своимъ смиреніемъ доказало,

что оно столь же благочестиво предъ Создашелемъ, сколь ужасно въ бившахъ.

Во все время пребыванія нашего въ Вершу были у Его Величества обѣденные столы въ саду, въ кошоромъ паланки, украшенныя гирляндами и разноцвѣтными огнями, нарочно были успроены славнымъ архишекшоромъ Фоншенемъ. Спранная игра судьбы! Наполеонъ особенно любилъ эшого архишекшора, и съ нимъ нерѣдко совѣшовался о сооруженіи памятниковъ, кошорыя должны были увѣковѣчить царшвованіе его. Въ первый день угощали иносшранцевъ. Именишійше изъ нихъ были слѣдующіе: *Австрійцы*: Имперашоръ Франць, Наслѣдній Принць, Эрцгерцоги: Людовикъ, Максимилианъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ, Генералы: Дука, Радецкій и Лангенау, Князь Лихтенштейнъ и Графы: Вальмоденъ, Гардекъ и Сенъ - Жюльенъ, Оберъ - Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ - Шшалмейшеръ Графъ Траушмансдорфъ. *Прусаки*: Король, Наслѣдній Принць, Принць Вильгельмъ, Принць Мек-

лембургъ - Спрелицкій, Генералы: Графъ Тауэнцинь, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цишенъ, Лошумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Министръ Бойенъ. *Англиане*: Герцогъ Веллингтонъ, Послы: Лордъ Кашкаршъ и Лордъ Спуаршъ, Генералы: Гиль, Коле, Колейль, Мурай, Кемпшъ, Майшландъ, Оллашанъ, Пакшъ и Адмираль Сиръ Сидней Смишъ. *Баварцы*: Принцъ Карль, Фельдмаршалъ Князь Вреде, Генералы: Бекерсъ, Сейдвиць, Майлешъ и Папенгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдный Принцъ; Принцъ *Оранскій* и при немъ Генераль Фагель. *Баденскій* Генераль Шокгорнъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; *Французы*: Дюкъ де Ришелье и Баронъ Дамасъ; сверхъ того Герцогъ *Кобургскій* и брашъ его Принцъ Леопольдъ, Принцъ *Гессенъ - Голбургскій* и многіе другіе.

На слѣдующій день приглашены были къ обѣду Русскіе Генералы; а въ послѣдній, когда иношранцы ошправились обратно въ Парижъ, были, кромѣ нашихъ Генераловъ, Командиры полковъ и артиллерійскихъ

рошъ и корпусные Оберъ-Квартирмейстеры. За шоломъ находилось болѣе шрехъ сошъ особъ. Не легко найши собраніе, доспойнѣ почшенія. Здѣсь оспражались могущесиво и слава Россіи, копорой эши офицеры были достойными предсавишелями. Бурные послѣдніе годы соединяли ихъ вмѣстѣ: они дѣлили шруды и побѣды, презирали голодъ и негоды, проходили горы, рѣки и Царешва, гдѣ предки ихъ никогда не бывали, какъ завоевашели; и по совершеніи великаго подвига, войны гѣшовились къ возвращенію въ ошечесиво. Государь передъ шоломъ и послѣ обѣда подходилъ нѣчши къ каждому изъ *Своихъ сослуживцевъ*, — эшимъ лесшнымъ названіемъ, копорое изображено на памяшникѣ, сооруженномъ въ Царскомъ Селѣ, были они удосшоены въ Высочайшемъ приказѣ, шогда ошданномъ, — благодарилъ ихъ ошгъ искренняго сердца и въ шакихъ выраженіяхъ, копорыи каждому ошпанушеш незабвенны. Многіе были глубоко шронушы, и я видѣлъ слезы на глазахъ нѣкошорыхъ. Воинъ посре-

ди разсѣянности шановъ и подѣ громомъ сраженій сохранивнѣй чувствительность, будешь въ дни мира примѣрнымъ гражданиномъ. Покойшесь на лаврахъ вашихъ, Русскіе офицеры! Вы одни могли совершить то, чѣмъ вселенная изумляется; гордишесь содѣяннымъ вами; ваши подвиги перейдутъ въ позднее потомство. — Да будешь на всю жизнь воспоминаніе минувшихъ дней залогомъ вашего счастья!

Нельзя приличіе заключить описанія смолра при Верюю, какъ помѣшивъ слѣдующій, ошданный по окончаніи его, Высочайшій приказъ войскамъ:

»Измѣна и коварные замыслы врага
»всеобщаго покоя, привели васъ, храбрые
»воины, опяшь на шѣ поля, гдѣ не съ
»большимъ трудомъ одержали вы побѣду надъ
»непріателемъ, и по дѣламъ его проло-
»жили себѣ путь къ Парижу. Благодареніе
»Всевышнему, храбрость ваша, всему
»свѣту извѣстная, не имѣла новаго ис-
»пынанія; ибо мѣры, предпріятыя Со-
»юзными Державами вообще, прошивупо-

» снaвнлн оплoшг дерзoснн Нaпoлeoнa Бo-
 » нaпaршe прeждe, нeжeлн вoзнaдoбнлaсь
 » пoмoщь вaшa нa пoлг бншвн, н сaмъ
 » oнъ нaкoнeцъ дoшaлcя вь плгнъ. Нo
 » шгмъ нeмeнгe, бншпрымъ пeрeхoдoмъ
 » oшг Днгпрa н Двннн кь Сeнг, вн пoкa-
 » зaлн, чшo спoкoйсшвгe Eвpoпн нe eснш
 » чуждoe длa Россн дглo, н чшo нe взн-
 » рaя нн нa кaкoe рaзшoянгe, вн, пo глa-
 » су oшeчeшвa н Цaрa, вeздъ, гдъ дoлж-
 » нe пoбoрaшъ пpaвдъ. Oшпyскaя шeнeръ
 » вaсь вь лoбeзнoe oшeчeшвo, пргшнo
 » Мнг нзгвншъ вaмъ, *сoслужнцaмъ* Мo-
 » ннмъ, блaгoдaрнoшъ зa усeрдгe вaшe н
 » зa шy нспрaвнoшъ, кaкoю нaшeлъ Я
 » прн oсмoшръ рaдoвъ вaшнхъ нa пoлaхъ
 » Шaмпaнн. Смoшръ сeй, гдъ вь глaзaхъ
 » Сoюзннхъ Гoсудaрeй н Пoлкoвoдцeвъ
 » нхъ, oспoрнвaлн другъ другa пoлкн н
 » aршнллeргa вь успрoйсшвгъ, двнжeнгaхъ н
 » нспрaвнoшн oдeждн н aммуннцн, oшнa-
 » нeшa нaвсeгдa пaмaшннкoмъ вaшнмъ.
 » Блaгoдaрю шaкжe вaсь зa сoхрaнeнгe
 » стрoгoй днсцнплннн н зa дoбрoe пoвe-
 » дeнгe вь ннoшрaнннхъ зeмлaхъ, кoшo-

» рому опдающъ справедливостъ сами обы-
» вашели.

» Главнокомандующему арміею Гене-
» раль-Фельдмаршалу Князю Барклаю-де-
» Толли, за шакое успройство предво-
» дительствуемыхъ имъ войскъ, объявляю
» особенное благоволеніе Мое; равно кор-
» пуснымъ командирамъ, Генераламъ: Дох-
» шурову, Барону Фонъ-деръ-Оссенъ Са-
» кену, Раевскому, Барону Винценгероде;
» Генераль - Лейшенаншамъ: Начальнику
» Главнаго Шшаба арміи Барону Дибичу,
» Начальнику аршиллеріи Князю Яшвилю,
» Командирамъ корпусовъ: Сабанъеву, Ер-
» молову и Графу Фонъ-деръ-Палену, всѣмъ
» Гг. Генераламъ, дивизіоннымъ, бригад-
» нымъ и сосшоящимъ при дивизіонныхъ
» начальникахъ, шакже полковымъ и рош-
» нымъ командирамъ, всѣмъ шшабъ и оберъ-
» офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

» Да сопуществуетъ вамъ благословеніе
» Превѣчнаго на возвращномъ шесивіи ва-
» шемъ. Мощная десница Его, сохранивъ
» васъ опъ золь, войною наносимыхъ, ука-
» зуетъ вамъ нынѣ путь въ нѣдра семей-

» священныя. Возчувешвуйше благоспѣ Его
» къ себѣ, помня безпреснанно свяшый за-
» конъ Его, и что милосердіе Божіе вез-
» дѣ намъ было помощію, ибо всегда воз-
» лагали все упованіе наше на Него.»

Г Л А В А XX.

Виды смотровъ при Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращение въ Парижъ. — Окончание похода 1815 года. — Образъ жизни Государя. — Комнаты Наполеона. — Письма Французовъ. — Покупка Мальмевонской галлерей. — Страсть Французовъ къ орденамъ. — Аудитицы. — Духовенство православнаго исповѣданія. — Священныи Синодъ. — Паралель между Александромъ и Наполеономъ.

Когда иностранцы, бывшіе въ Вершю, разъѣхались, Государь лично занимался выборомъ людей въ гвардію и въ гренадеры; провелъ весь день въ полѣ, былъ ошмѣнно веселъ, подъѣзжалъ къ каждому полку, привѣщивалъ ихъ и награждалъ многихъ Генераловъ. Фельдмаршалъ Графъ Барклай - де - Толли возведенъ въ Княжеское достоинство. Эпошъ Полководецъ, заслужившій названіе Россійскаго Фабія, начиналъ уже чувствовашъ ослабленіе силъ, изнуренныхъ ранами и шрудами. Передъ началомъ похода 1815

года, онъ желалъ на нѣкоторое время удалиться ошъ дѣлъ для ошдохновенія. Государь соизволилъ на его прозьбу, но писалъ къ нему, »что армія никогда и ни » въ какое время не должна выходить изъ- » подъ его начальства.« Движеніе войскъ во Францію воспрепятствовало его ошпуску.

Чтобы сохранить память ошпра въ Вершю, былъ приглашенъ ошуда изъ Парижа живописецъ Пажешши, извѣстный двумя картинами. Одна изъ нихъ изображаетъ переходъ непріятельскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, а другая молебствіе въ Парижѣ, въ 1814 году, на площади Людовика XV. Въ Вершю онъ сдѣлалъ шесть рисунковъ: на одномъ молебствіе, на трехъ ошпрахъ, а на двухъ обѣды. Такимъ образомъ кисти Пажешши предославлено было начертать начало великой войны и окончаніе ея, совершившееся на поляхъ Шампани. Счастливъ писатель, которому удастся передать пошомству происшествія эшихъ трехъ лѣтъ съ безприсрастіемъ и краснорѣчіемъ Историка!

Архисекшоръ Фоншенъ, который устроиваль садъ и палашки для угощенія, сказываль мнѣ, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы, и часо про нея говариваль. » Сколько колоколенъ въ Парижѣ? « спросилъ онъ у него однажды. — » Немного болѣе десяти, « ошвѣчалъ Фоншенъ. — » Что это прошивъ Москвы, « возразилъ Наполеонъ, » гдѣ ихъ сошни; велише » вызолотишь куполь Инвалидной церкви. « Приказаніе его было исполнено; но гордый завоеватель не воображалъ, что эта позолота, доколѣ она не исчезнешъ, каждому Русскому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, будешъ напоминать Москву и 1812 годъ, которому нѣтъ равнаго въ дѣшописяхъ міра.

31го Августа вечеромъ мы выѣхали изъ Вершу. Возшелъ мѣсяцъ и осребрилъ берега Марны. Ночь была прекрасная, и въ моихъ глазахъ довершало ея прелестъ множесиво Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую и которыя ѣхали по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На дру-

гое ушро мы возврашились въ Парижъ. Такъ кончился походъ 1815 года, не сповившій нашей арміи почти ни одного выспрѣла, но кошорый пребудешъ важенъ для опечеснва нашего, пошому, что всѣ Державы сознались, что безъ учасніа Россіи энѣ не могли прошивишься предпріяніамъ шого человекъа, кошорый въ шеченіе двадцаши лѣтъ, наполнивъ ужасомъ имени своего сосѣдніа Франціа земли, порабощилъ ихъ одна за другою. Когда вновь общая безопаднось была угрожаема по опшлынїи его съ осшрова Эльбы, Русская арміа первая выспунила изъ мѣсцъ своего расположенїа, быспро прошла Германїю, находилась уже на Рейнѣ въ минушуначашїа военныхъ дѣйствїей, и наконецъ, подъ Вершю, предснала на судъ Европы, кошорую она шѣмъ болѣе изумила усшройшвомъ и многочисленносшїю своею, что являлась въ шакомъ блесшящемъ видѣ послѣ шрехъ самыхъ многшрудныхъ и изнуришельныхъ походовъ, какихъ не бывало со времени изобрѣшенїа огнешпрѣльнаго оружіа.

Государь, во время пребывания Своего въ Парижѣ, жилъ весьма уединенно. Онъ всшаваль обыкновенно въ восьмомъ часу, и ошдавъ приказанія Начальнику Своего Главнаго Шшаба, уходиль въ садъ, гдѣ проводиль все ушро, и сиживаль иногда за письменнымъ споликомъ часовъ по пяши, чшо я изъ окна моей комнашы могъ видѣшь. Онъ обѣдалъ въ два часа, большею часшю съ Великими Князьями и Генералами: Уваровымъ, Графомъ Коновницынымъ, Княземъ Волконскимъ и другими, кошорыхъ однако же приглашали поочередно. Въ шесшъ часовъ подводили къ заднему крыльцу лошадь, и Онъ ѣзжалъ верхомъ по окресшносшямъ Парижа, во фракѣ, сопровождаемый жокеемъ. По возвращеніи съ прогулокъ, Онъ проводиль вечера одинъ, или у Баронессы Криднеръ, жившей въ самомъ близкомъ разешояніи ошъ Елисейскаго дворца. Въ прошедшемъ году Государь бываль у Имперашрицы Иозефины и дочери ея Горпензіи, у Маршаловъ: Нея, Мармона, Ожеро и у Князя Талейрана; но въ 1815 году почти ни къ

кому не ѣздилъ, кромѣ Императора Франца, Королей Пруссаго и Французскаго, и Фельдмаршала Веллингтона. Любовь къ уединенію сшановилася примѣнно опшличительною чершою Его характера. Миѣ кажешся, что въ нѣкоторыя годы нашей жизни въ нравственномъ бышій человека дѣлаешся, шакъ сказашь, переломъ, происходящій опъ размышленія и опышности, послѣ котораго измѣняющся наши склонности, а иногда и образъ мыслей. Я полагаю, что это случилось около 1815 года и съ Императоромъ Александромъ. Обширный умъ Его постигалъ необыкновенное положеніе, въ которе судьба Его поспавила. Находясь на самой возвышенной чредѣ, на какую смершному когда-либо предоставлено было взойши, шо ешь, содѣлавшись земнымъ Провидѣніемъ Своихъ современниковъ, Онъ чувшвовалъ необходимость чаще бышь съ Самимъ Собою, и полюбилъ уединеніе, предсшавляющее обильный, неисчерпаемый источникъ душевныхъ силъ и новыхъ соображеній.

Онъ иногда посѣщаль шѣ комнашы, въ кошорыхъ Наполеонъ провелъ послѣднее время царствованія своего и опрелся онъ Пресшода. Никшо не занималь эшихъ комнашъ; мебели находились на шѣхъ же мѣсшгахъ, какъ и при немъ; даже въ кабинешѣ его сшояли недогорѣлыя свѣчи, къ кошорымъ не велѣно было прикасашься. Садовники Наполеона, приврашники и нѣсколко служишелей его не лишились мѣсшъ своихъ; садъ сохранился въ прежнемъ своемъ видѣ; по чшшому пруду плавали два лебедя, кошорыхъ ласкаль нѣкогда Наполеонъ, и кошорыхъ Государь кормиль изъ Своихъ рукъ. Нельзя было ходишь по дворцу и по шемнымъ аллеямъ его сада, безъ шого, чшобъ не предсшавилось воображенію, чшо до позднѣйшихъ вѣковъ люди будушь сшекашься сюда, размышляшь о преврашности Царствъ, и вспоминашь объ Александрѣ, Кошорый здѣсь, въ чершгахъ Своего соперника, сшоя на высшей сшепени челошческаго величія, предавался уединенію и возносила мыслію къ Небу.

Французы всѣхъ сословій, почитая Государя своимъ покровителемъ, обременяли Его и въ нынѣшнемъ году, равно какъ и въ прошедшемъ, множесшвомъ писемъ, кошорыхъ число простиралось ежедневно до сорока: ни одно изъ нихъ, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, не ославалось безъ ошвѣща. Эши письма, кошорыя получались изъ провинцій, но большею часшію по городской Парижской почтѣ, обыкновенно приносили ко мнѣ; накопившіяся въ щеченіе дня, я отдавалъ въ восемь часовъ вечера камердинеру Государя. На другое утро я ихъ получалъ обратно отъ Начальника Главнаго Штаба, и почши на каждомъ, сколько бы содержаніе ни было маловажно, находилось собшвенноручное Государево крашкое рѣшеніе, кошорое заранѣе можно было угадывать, пошому что въ ошвѣщахъ Своихъ Императоръ придерживался нѣкошорыхъ постоянныхъ правилъ. Такимъ образомъ всѣмъ, желавшимъ вступитъ въ нашу службу, отказывали, подъ предлогомъ, что у насъ дослашочно Русскихъ

офицеровъ, и не приняло къ намъ ни одного Француза. Въ числѣ ихъ находился и Капишанъ Шамбюръ, кошорый извѣстносно оу удальшвѣ своемъ близъ Данцига обязанъ перу Загоскина. Тѣмъ, кошорые просили сообщити имъ свѣдѣнїя о родешвенникахъ ихъ, находившихся въ походѣ 1812 года, и не подававшихъ съ шого времени никакихъ о себѣ извѣстій, опвѣчали, что все плѣнные возвращены, и что въ Россїи осмался шолько шонъ, кто добровольно пожелалъ у насъ поселиться. Требовавшимъ помощи, посылали денежное вспоможеніе, но не прежде, какъ по надлежащемъ удосшовѣренїи въ недосшашпочномъ ихъ сосшоянїи. Многіе подносили каршины, сшашуи, медали, древности, оружіе; но Его Величештво не принималъ эшихъ вещей, и приказывалъ возвращать ихъ при благодарешвенныхъ письмахъ. Такъ какъ Государь говаривалъ, »что Онъ въ изящныхъ искушвахъ не знашокъ,« шо и не покупалъ произведенїй ихъ, кромѣ Мальмезонской галлерей, за кошорую заплачено 900,000

Франковъ, въ счесть которыхъ болѣе половины ошдано изъ коншрибуціи, взнесенной Франціею. Въ числѣ шридцати восьми картинъ и чешырехъ мраморныхъ сшашуй, сосшавляющихъ галерею, чешыре ландшафта Клодь-Лорена были оцѣнены въ двѣсши пятьдесяшь шысячь, сшашіе со кресша, Рембрандша, въ сорокъ шысячь, а Пешшорова картина, знаменшная *короска*, въ двѣсши шысячь Франковъ. Прозашческія и сшхотворныя сочиненія, писанныя въ чешь Его Величешва, осшавляемы были безъ вниманія; но всякоѣ разъ, когда дѣло шло о машинѣ или изобрѣшеніи, кошорыя съ пользою могли бышь упошреблены въ Россіи, посылали ихъ осшашривашь, и ежели находили досшойными вниманія, шо приносили въ комнашы къ Имперашору. Посвешенія книгъ, Его Величешво не принималъ безъ предвашешельнаго совѣщанія съ Лагарпомъ, къ кошорому подносишмыя рукописи ошправлялись на разешошрѣніе. Лагарпъ былъ весьма разборчивъ въ сужденіяхъ своихъ и обыкношенно совѣшо-

валь разрѣшашь посвященія только на шѣ книги, кошоры печашались вшорымъ изданіемъ; это принималъ онъ за доказательство, что первое уже удостоилось одобренія публики.

Французы не менѣе прочихъ иностранцевъ были приспрасны къ нашимъ орденамъ. Почти всякой день приходили просительныя объ орденахъ письма. Изъ слѣдующихъ примѣровъ можно усмотрѣшь, до какой степени просирилось сумасбродство Французовъ. Одинъ просилъ креста за службу дяди своего въ Россіи. Ему отвѣчали, что у насъ награждаютъ только шѣхъ, кошорые сами опличились, а не племянниковъ ихъ. Другой просилъ медали, установленной въ память 1812 года, а шрешій ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Нѣкто Графиня Пюже-де-Бурбонъ домогалась для себя ордена Св. Анны за то, что она знашнаго происхожденія и много поспрадала отъ революціи. Генераль Груши просилъ Государя ходатайствовать у Людовика XVIII объ утвержденіи его въ чинѣ Маршала, пожа-

лованнаго ему Наполеономъ послѣ бѣгства съ острова Эльбы. Забавнѣе прочихъ было письмо одного Французскаго Генерала, кошорый, въ пространномъ повѣствованіи о своей службѣ, говорилъ между прочимъ, что онъ находился во многихъ войнахъ прѣшивъ Русскихъ, и пошому полагалъ имѣшь несомнѣнное право на получение одного изъ Русскихъ орденовъ. Государь велѣлъ ему отвѣчать, что у насъ по сихъ поръ учреждены знаки ошличія шолько для нѣхъ, кошорые сражающся за Россію; но что коль скоро будешъ ушановленъ орденъ для военныхъ, служащихъ въ непріятельскихъ рядахъ, то непременно наградышь имъ эшого Генерала.

Многіе Французы просили аудіенцій у Государя, и были допускаемы, но не иначе, какъ по предварительныхъ о нихъ справкахъ. Въ числѣ ихъ находился Генералъ, произведенный въ послѣдствіи въ Маршалы, и извѣстный за ревностнаго почишателя Наполеонова. Пріѣхавъ въ назначенный часъ во дворець, онъ просилъ ошрывиснымъ голосомъ, чтобы объ

немъ доложили, а между шѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнашѣ, не глядя ни на кого. Вскорѣ его позвали къ Государю. Онъ пробылъ въ кабинешѣ съ полчаса, и вышелъ оншуда уже не съ прежнимъ свирѣлымъ видомъ, а со слезами на глазахъ, взявъ за руку дежурнаго Флигель - Адъюшанша, Князя Н. Волконскаго, и сказалъ: »Votre Empereur est un sorcier.«

Греческое духовенство было и въ Парижѣ покровишельствовано Государемъ. Одному Архимандриту, по имени Исахарію, выдававшему себя за попомка древнихъ Царей Израильскихъ, пожаловано было тысяча двѣсти франковъ пожизненной пенсіи и Владимірскій крестъ. Равнымъ образомъ Государь принималъ у Себя Архимандрита Арсенія, предшавляшаго проэкшъ освобожденія своихъ единовѣрцевъ ошъ Турецкаго владычества и сдѣлалъ ему денежное награжденіе. Вообще ни одинъ изъ духовныхъ православнаго исповѣданія не выходилъ изъ кабинеша Имперашора, не получивъ награды ошъ щедрошъ Его.

Въ это время Государь начерпалъ Священный Союзъ, основанный на ученіи Вѣры, »повелѣвающей жить людямъ какъ »братіямъ, и на заповѣдяхъ любви, правды и мира, кошорыя, опшюдь не огранчиваясь приложеніемъ ихъ единственно къ часшной жизни, долженствують напрошивъ шого непосредственно управляшь волею Царей и воцдшельствовашь всеми ихъ дѣяніями, »яко единственное средство, ушверждающее челоуѣческія пошановленія и »вознаграждающее ихъ несовершенштво.«
Всѣ Державы, кроуь Англии, Папы и Поршны, прислушили къ договору, кошорый до конца жизни Александра, бывъ ненарушимо сохраняемъ, обязывалъ подписавшихъ почишашь себя соединенными узамн неразрывнаго брательства и членами одного народа Христіанскаго. Демагогическіе писашели не прешають по сихъ поръ поношишь Священный Союзъ; пошому, что посредшвомъ его пошавлялась непреодолимая преграда войнауъ и переворотамъ, образуяущимъ шихію бышія

ихъ единомышленниковъ. Между тѣмъ благомыслящіе люди взирали на него, какъ на ручательство общаго спокойствія, необходимаго для распространенія торговли, развитія наукъ и всякаго рода промышленности. Они видѣли въ немъ прочное основаніе мира, составляющаго конечную цѣль существованія народовъ. Какое бы ни было сужденіе попомства, оно имъ важнѣе, какъ небывалое дошло явленіе въ политическомъ мірѣ, оставшее навсегда предметомъ глубокихъ размышленій для государственныхъ людей и для наблюдателей тайныхъ изгибовъ сердца; а имя Александра, какъ Виконика Союза, внесено въ число пламенныхъ любительей рода человѣческаго, пошораго Онъ былъ украшеніемъ.

Здѣсь прилично помѣстимъ параллель между двумя величайшими мужами нашего времени: Александромъ и Наполеономъ. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ было ознаменовано рѣдкими умственными способностями. Съ перваго ихъ шага на поприще дѣятельности, они образи-

ли на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣсна въ современной Испоріи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мгбніяхъ и дѣйсвіяхъ ихъ была основана учаснь вселенной. Наполеонъ явилъ себя въ Италійскихъ походахъ великимъ полководцемъ; Александръ, будучи тогда еще Наслѣдникомъ Прешола, подавалъ надежду сдѣлаться образцомъ крошкихъ добродѣтелей, какимъ Онъ при вступленіи Своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Посупки перваго ознаменованы были нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями; предпріимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи своихъ предначертаній, онъ угрожалъ сдѣлаться бичемъ Европы и ниспровергнушь существовавшій порядокъ. Вникая со щирностію въ узаконенія, изданныя Александромъ въ первые годы Его царствованія, вы найдете черты, которыя могли бы послужить украшеніемъ вѣка Траянова и Антонинова. Одинъ производилъ удивленіе, Другой испоргалъ слезы радости у друзей человѣчества. Чрезвычайныя событія,

кошорыхъ мы были свидѣтелями, не умедлили прошивоосшавишь сихъ мужей одного другому. Борьба продолжалась ровнодесяшь лѣтъ, шо еснь съ Аусшерлицкаго сраженія до вшоричнаго вшесшвїя Россїи въ Парижъ: эшо была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Иешощивъ всѣ способы снисхожденія, Александръ облекся въ силу нравешвенную; непоколебимосшь Его и посшоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правощъ Своего дѣла, сокрушили Его прошивника. Наполеонъ въ неблагопрїяшныхъ для него обшояшельсшвахъ являлъ малодушіе; Александръ въ роковой 1812 годъ сохранилъ швердосшь духа, кошорой Россїя обязана своимъ спасеніемъ и шоржесшвомъ. Слова: » Не положу оружія, доколѣ ни » единаго непрїяшельскаго война не осна- » нешся въ землѣ Моей, « послужили основаніемъ новой эпохи для Россїи и для Европы. Во время эшой десятилѣтней, почти баснословной войны, слѣды Наполеона были ознаменованы, шакъ сказашь,

огненной черною; Александръ посреди враговъ Своихъ явился благодѣтелемъ ихъ края. Въ завоеванныхъ столицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ областей Россіи, за пожаръ Москвы и за взорванный Кремль, Александръ запланилъ спасеніемъ столицы Франціи, и изумленные Его великодушіемъ непріатели провозгласили Его Царемъ Царей. Ежели бѣдешвія, угрожающія Россіи, не поколебали Его въ 1812 году, то Онъ въ Парижѣ показалъ небывалый примѣръ въ лѣтописяхъ міра, что неслыханныя до того побѣды не вселили въ Него другаго чувства, кромѣ кротости къ врагамъ и смиренія предъ Богомъ. Сокрушивъ Своего противника, долгое время непобѣдимаго, Онъ не мшилъ надъшему съ неизмѣрной вышины, и эюмъ, на ужасной скалѣ, о крутые берега кѣшорей съ шумомъ разбивающія волны разъяреннаго Океана, покрывшій проклятіями полевѣща, слышалъ слова утѣшенія отъ одного только Александра,

Кошорый поручилъ Своему посланному на ошровъ Св. Елены по возможности облегчашъ учасшъ плѣнника. »Вы един-»сшвенное провидѣнше, ошавшееся на»землѣ для семейсшва нашего, « писалъ Государю въ 1814 году брашъ Наполеона, Людовикъ. *) Когда Александръ принялъ бразды правленія Европы, Онъ учредилъ Хришшанскій Союзъ, основаль всеобщій миръ, и поддерживаль его всеми силами, кошорыя предешавляла Ему обширнѣйшамъ въ свѣшгѣ Имперія. Во время могущесшва Наполеонова, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоряя, безъ цѣли, одно Государство за другимъ; но милліонъ войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что споль несправедливо современники дѣлали Ему упреки, упошребленъ былъ исключительно на ушверженіе мира. Да и можно ли было послѣ двадцати-пяти-лѣтнихъ волненій не имѣшь Ему обнаженнаго оружія, шѣмъ' болѣе, что въ разныхъ мѣсшахъ показывались мяшежи, какъ шо: въ Неа-

*) М 32-й Приложеній.

ноль, въ Piemontѣ и въ Испаніи; но бунты по мановенію Александра исчезали, и Европа, коюрой дѣла Онъ принялъ въ Свою опеку, наслаждалася двѣнадцатилѣтнимъ миромъ. »Александръ есмь мой «нашоящій преемникъ,» сказалъ Наполеонъ на островѣ Святой Елены. Онъ правъ; но Александръ, принявъ Дикшанорскую власнь въ Европѣ, уподоблялся ясному небу, коюрое, послѣ свирѣпныхъ бурь, колебавшихъ море и угрожавшихъ мореходцу погибелью, даруетъ ему счастливое плаваніе и несомнѣнную надежду вскорѣ увидѣшь берегъ своего отечества. Оба угасли въ цвѣтѣ лѣтъ, далеко отъ споллицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ: одинъ подъ знойнымъ Африканскимъ небомъ, а Другой на берегахъ Азовскаго моря, почши на предѣлахъ Азіи; одинъ, какъ преснужникъ, умеръ въ цѣпяхъ, а Другой, въ величіи и во славѣ, почилъ сномъ праведныхъ.

Г Л А В А ХХІ.

Приготовление къ отъезду. — Подписание мира. — Еыъздъ изъ Парижа. — Пероннъ. — Камбре и Валансиенъ. — Генералъ Фуль. — Брюссельскій дворъ. — Поле Ватерлоскаго сраженія. — Отъездъ изъ Брюсселя. — Шомонъ. — Дижонъ.

Въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца, Россійская армія пронулась въ обратный походъ къ предѣламъ своего отечества. Мы поже начали приговляшьяся къ отъезду изъ Парижа, пошому что послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ Государь вновь явился защитникомъ Франціи, главныя Державы согласились на мирныя спашьи, обезпечивавшія спокойствіе Европы и Пресполь Людовика XVIII. Франція принуждена была уступить нѣсколько земель, заплашишь семь сощъ милліоновъ франковъ дани, и въ восемнадцати крѣпосняхъ въ продолженіе

цѣни лѣтъ содержашь сно пѣтьдесять тысячъ союзныхъ войскъ, гошовыхъ, въ случаѣ могшихъ возникнуть въ эшомъ Государствѣ возмущеній, пошчасъ прекратишь ихъ и въ шрое сушокъ явишься подъ сѣнами Парижа. Герцогъ Веллингтонъ назначенъ былъ Главнокомандующимъ союзною армією. Въ ея сославъ поснули одна конная и двѣ пѣхошныя Русскія дивизіи, въ кошорыхъ счишалось на лицо, вмѣстѣ съ неспроевыми, около двадцати семи тысячъ человѣкъ, при восьмидесяти чешырехъ орудіяхъ. Нашъ корпусъ находился подъ начальствомъ Графа Воронцова, кошорый, во время шрехъ-лѣшняго пребыванія своего во Франціи съ войсками, сохранилъ между ними шрогую подчиненность, и въ шо же время приобрѣлъ ошличное уваженіе жишелей заняшаго имъ край. Подписаніе мирнаго договора опложили до Ноября мѣсяца, пошому что разныя снашисшическія свѣдѣнія, нужныя для сославленія нѣкошорыхъ снашей договора, не могли бышь получены прежде. Сверхъ шого, 13го

Сентября назначено было открытіе Французскихъ Палатъ, и къ этому дню Государю угодно было уже находиться въ Парижа, чѣмбы предославишь Людовику XVIII дѣйствовать совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмотрѣнію. Сперва Государь думалъ ѣхать въ Дижонъ, потомъ въ Брюссель, оттуда чрезъ Франкфуртъ и Барейнъ, въ Прагу, Бреславль и Берлинъ; но послѣ перемѣнилъ это предположеніе, съ тѣмъ, чѣмбы изъ Парижа отправиться въ Брюссель, оттуда на смотръ Австрійской арміи въ Дижонъ, а въ заключеніе чрезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ и въ Варшаву. Маршрутъ для Высочайшаго путешествія по Швейцаріи съ означеніемъ всего, что заслуживало вниманія, былъ написанъ Лагарпомъ.

13го Сентября Государь отправился изъ Парижа рано по утру, когда еще столица погружена была въ сонъ. Проѣзжая по пыльнымъ въ то время улицамъ ея, и смотря въ послѣдніе на ея великолѣпныя зданія, нельзя было не ощущать разныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ прехъ-

мѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, кошораго имя нынѣ сопряжено навѣки со славою Россіи. На первомъ ночлегѣ въ Пероннѣ помѣщена была на домѣ, въ кошоромъ Государь изволилъ оснановишься, слѣдующая надпись: »Александрѣ признашельная Франція.« Меръ города пригласилъ меня на ужинъ, за кошорымъ находились почешнѣйшіе изъ жишедей, и я при эшомъ случаѣ снова убѣдился, что Французы въ провинціяхъ не имѣють собщвеннаго своего мнѣнія, а основываютъ полишическія сужденія свои на образѣ мыслей Парижанъ. На другое ушромы проѣзжали село Гозонкуръ, кошораго могорѣвшимъ жишелямъ Государь пожаловалъ двѣ шысячи франковъ, и приказалъ написашь къ Посланнику нашему въ Парижъ, чтообы онъ предсшавилъ, ошъ имени Его, Французскому правишельсшву о разореніи кресшьянъ деревни и ходашайсшвовалъ о вспоможеніи имъ. Приближаясь къ крѣпости Камбре, кошора я не сдалась еще Союзникамъ, я намѣренъ былъ объѣхашь вокругъ ея, шѣмъ болѣе, что

лошади были загошовлены въ полѣ; но кони вышли на встрѣчу Депушацы и просили ѣхать чрезъ городъ, на что я согласился. То же предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансіенѣ, равномерно занятомъ Французскими войсками. Въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили для меня къ ружью, дома были украшены цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и народъ наполнявшій ихъ, привѣщивовалъ меня восклицаніями: » да здравствуетъ Александръ! «

Окрестности Брюсселя прелестны; вездѣ видны прекрасныя сады и богатыя селенія. Вѣковое благосостояніе этой страны, породившее несмѣнныя капишалы разнаго рода, совсемъ не пострадало отъ войны, кою она была позорищемъ. На послѣдней еманціи, Оранскій Принцъ, съ подвязанною рукою, проспрѣленной при Вашерло, ожидалъ Государя. Тутъ же находился Генераль Фуль, копорый былъ извѣстенъ въ началѣ ошечешвенной войны. Вошъ нѣкоторыя изъ словъ его; они не покажутся излишними

для шѣхъ, кошоры помняшь, какъ много дорожили его мнѣніями передъ войною: »Планъ мой,« сказалъ онъ, »состоялъ въ »шомъ, чѣобы первой арміи, ошспуная, »заманивашъ за собою непріятеля, а вню- »рой дѣйсшвовашъ на пуши его сообще- »ній. По эшой причинѣ я избралъ лагерь »при Дриссѣ, изъ кошораго можно было »угрожащъ непріятелю; а если бы Фран- »цузы завладѣли имъ, шо я совѣшовалъ »ипши по направленію къ Новугороду. По- »средствомъ шакого движенія, обѣ столи- »лицы избавились бы ошъ нашесшвіа не- »пріятеля, кошораго силы ошъ продошжи- »шельныхъ переходовъ пришли бы въ из- »неможеніе, шѣмъ болѣе, чшо въ эшо вре- »мя вшорая армія безпокошда бы шылъ »его и фланги. Я за нѣсколькo мѣсяцевъ »ушверждалъ, чшо должно было завле- »кашъ Наполеона во внушрь Россіи.« Въ заключеніе разговора, спросилъ я его, по- чему онъ не носилъ медали, усшановлен- ной за походъ 1812 года? »Я сохранилъ,« ошвѣчалъ онъ, »въ воспоминаніе шолько »чшсшую совѣсль, и могу васъ увѣришь,

» что изъ всѣхъ иноспранцевъ, служившихъ въ Россіи, никто менѣ меня не дѣйствоваль изъ честолюбивыхъ видовъ; я искалъ только пользы вашего ошечешва.»

Опъ послѣдней шанціи до самаго Брюсселя дорога успавлена была щегольскими экипажами, выѣхавшими на встрѣчу Императору. Дворецъ Королевскій можно было скорѣе принять за жилище частнаго человека: онъ накъ нѣсенъ, что для Государа въ немъ небыло помѣщенія, а пригѣшвили домъ Маркиза д'Аше. Камергеры, пажи и другіе чины Нидерландскаго Двора неловки и одѣшы небогато. Приемы ихъ обнаруживали, что они еще не привыкли къ придворному ремеслу, которое, какъ и всякое другое, потребуеть многолѣшняго навыка. Легко можно было замѣшншь, что большая часть изъ нихъ не пошомки феодальныхъ рыцарей, а внуки купцовъ, которые на Амстердамской биржѣ устанавляли нѣкогда ходъ всемірной шорговли. Впрочемъ Дворъ и самое Королевешво Нидерландское сущешвова-

ли шакъ недавно, что надлежало бышь не слишкомъ взыскашельну, шѣмъ болѣе, что Правительство находилось въ затруднительномъ положеніи: ему предстоялъ чрезвычайно важный шрудъ — изгладивъ существовавшую между Голландцами и Бельгійцами ненавись, происходившую ошь различіа языка, нравовъ и вѣры.

Всего болѣе, находясь въ Брюссель, желалъ я видѣшь поле Ваперлоскаго сраженія, на кошоромъ менѣе нежели за чешыре мѣсяца рѣшена была участь Европы. Въ одно прекрасное утро, я отправился, чрезъ Суаньскій лѣсъ, въ село Ваперло, гдѣ предъ сраженіемъ находилась главная кваршира Фельдмаршала Веллингтона. Тракширь, гдѣ онъ ночевалъ, носилъ его имя. Здѣсь я взялъ проводника, кошорый рассказывалъ, что во время дѣйствія жишели селенія находились въ большемъ сирахѣ, пошому что послѣ обѣда, при видѣ великаго множества раненыхъ, полагали, что Франгузы одержали побѣду, и обозы Англійской арміи получили уже приказаніе податься

назадъ. Едва я выѣхалъ изъ лѣсу, какъ передо мной открылись Монъ-Сенъ-Жанъ, мыза Гугомонъ, Лаге - Сеншъ, Бренъ - ла - Ледъ, Планшенуа и прочія селенія, увѣковѣченныя сраженіемъ, кошорое, послѣ Бородинскаго, есть кровопролитнѣйшее между бившами новыхъ временъ: въ Бородинѣ начашо, а при Ваперло довершено пораженіе Наполеоновыхъ полчищъ. Досшойно вниманія, что именно въ эсихъ двухъ биввахъ, самыхъ важныхъ во всемъ поприщѣ Наполеона, предусмотрительность и геній его видны несравненно менѣе, нежели въ сраженіяхъ подъ Риволи, Ульмомъ, Аусшерлицемъ, Регенсбургомъ, гдѣ дѣло шло объ одной шолько побѣдѣ, а не о томъ, какъ говоришь Аддисонъ въ своемъ Кашонѣ, чтобъ бышь или не бышь. Бородино и Ваперло останушя на всегда эпохами въ Исторіи; но наблюдашель успѣховъ военнаго искусства, — кошорое многіе ошибочно почишають наукою, — вникая въ распоряженія, предшешвовавшія эсимъ сраженіямъ, и въ дѣйствія, совершавшіяся въ продолженіе ихъ, не

узнаешь того полководца, коимъ въ многочисленнымъ подвигамъ своимъ снлъ на ряду съ Юліемъ Кесаремъ, Аннибаломъ и Суворовымъ.

Первое селеніе, къ коимому я подъѣхалъ, называешся Монъ-Семъ-Жанъ. Когда Французы достигли его, но они предлагали уже усмьхъ несомнѣннымъ; но инвердосшь Герцога Веллингтона, непоколебимое мужество войскъ его и прибыніе Прусаквъ, горѣвшихъ желаніемъ отмстить за пораженіе, прешеритное ими за два предъ шьмъ дня при Линьи, восшожествовали надъ ихъ усиліями, и Французы были отбиты. Англійскій Фельдмаршалъ находился болшею часію при деревнѣ Лаге-Семъ, и соотечественники его дорогою цѣною покупають у крестьянъ этого селенія деревья, перевозятъ ихъ въ Англію и сажаятъ въ свои парки, какъ памятникъ народной славы. Англичане имѣють полное право съ справедливою гордосцію взирашь на битву при Ватерло, пошому что эта побѣда была достойнымъ возмездіемъ за несчастныя по-

жертвованія, принесенныя Великобританією ошъ начала революціонной войны до совершеннаго окончанія ея, а особенно за поспоянство, съ кошорымъ Государственныя люди въ Англіи не прѣсшавали поборашъ гидру крамолонъ съ самаго ея возрожденія. Въ полувѣршѣ ошъ Лагесеншъ показывающъ мѣсто, гдѣ долго шюялъ Наполеонъ. Мой проводникъ находился при немъ, и рассказывалъ съ жаромъ, какъ Наполеонъ ободрялъ свои войска, наступавшія на Англійскія бапарей, и съ какимъ восшоргомъ колонны ошвѣчали на знакомый голосъ своего предводишеля, кошорый даже не измѣнился въ лицѣ, когда удостошвѣрился, что съ правой шюроны его, ошкуда онъ ожидалъ Маршала Груши, показались Прусакки. Пусть живописецъ выразишъ чувствованія, обуревавшія въ эту минушу душу Наполеона, кошорый зналъ, что звѣзда счасшія его навѣки померкала съ появленіемъ Блюхера! Вошъ площадка, гдѣ Генераль Камбронъ, окруженный ошвсюду многочисленнымъ непріашилемъ, сказалъ:

»Гвардія умираетъ, а не сдается!« Это выраженіе найдешь ошголосокъ въ помешствѣ.

Я заключилъ прогулку мою при деревнѣ Прекраснаго Союза. На пракирѣ написано, что »Фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, встрѣшясь здѣсь, поздравили другъ друга съ побѣдою.« »Тутъ«, при совокунилъ проводникъ мой, »бѣгшво Французовъ было общее, и смяшенія ихъ описашъ невозможно; но Имперашоръ ихъ сохранилъ хладнокровіе, и поворошивъ лошадь, медленно и въ молчаніи слѣдовалъ за бѣгушими.« Это было истинное подобіе погребальнаго шесшвія, подобіе, съ кошорымъ Наполеонъ, по занятіи Москвы, шель неудачно сравнивалъ въ бюлешеняхъ своихъ маршъ Русской арміи въ виду пламенѣвшей столицы нашей. На полѣ сраженія находятъ множесшво каршечъ, пуль, шшыковъ, лашъ, пуговицъ съ Французескими орлами и другихъ воинскихъ снарядовъ, кошорые жишли окресшныхъ селеній продающъ любошшнымъ пушешешвенникамъ, во мно-

жесшвѣ сюда спекающимся. Плашя общую всѣмъ спранникамъ дань, и я купилъ нѣсколько подобныхъ вещей, и соединивъ ихъ съ шаками же, взятыми во время опечесшвенной войны, поставилъ ихъ въ деревенскомъ моемъ домѣ на берегахъ Пьяны, гдѣ эши вещи всегда мнѣ будущъ напоминашъ о дняхъ буръ и шреволненій, о пламени, пожиравшемъ на великое прощраншво Россію, и о шоржесшвѣ ея.

Мнѣ случилось проѣзжашъ почти по всѣмъ знаменишымъ полямъ сраженій въ Европѣ. Рѣдко на кошоромъ изъ нихъ видны памяшники. Ничшо не прерываешъ первобышнаго единообразія эшихъ мѣсшъ, кромѣ разсказовъ окресшныхъ жшшелей, кошорые изусшно передающъ дѣшамъ и внукамъ повѣсшвованіе о бшшвахъ, какъ о спрашныхъ грозахъ, разражавшихся надъ ними; но когда я въ другой разъ, во время Ахенскаго Конгресса, посѣшилъ поле сраженія при Вашерло, шо оно являло со всѣмъ иной видъ. Посреди плодоносныхъ нивъ и роскошныхъ жашвъ возвышались мавзолеи Прусскимъ и Ганноверскимъ вой-

скамъ, и другіе монументы, воздвигнутыя въ честь многихъ офицеровъ, павшихъ въ эпоху знаменитый день, и свидѣльствовавшіе, что осмались на землю люди, которымъ драгоценна память воиновъ, положившихъ здѣсь жизнь за свободу Европы. Возвращаясь въ Брюссель, я встрѣтилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ, ѣхавшихъ въ Вашерло.

21го Сентября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ чрезъ Лаонъ, Випри и Шомонъ. На семь проспанствъ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сотъ верствъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ Государя, не взирая на то, что мы ѣхали по землѣ непріятельской, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи. Жители мѣстъ, отдаленныхъ отъ большой дороги, сшарые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, чтобы взглянуть на повелителя Франціи и спасти ея, какъ они Его называли, подавали Ему прозбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ настоящему своему Монарху. Къ вечеру

впорога дня мы осшановились въ Шомонѣ, гдѣ была главная кваршира Баварскихъ войскъ, предводишельсшвующихъ Фельд-маршаломъ Вреде, однимъ изъ ошличнѣйшихъ людей нашего времени, которыи много способсшвовалъ къ возвышенію своего ошечесшва. Онъ не сшолько славенъ воинскими подвигами, сколько благоразумнымъ поведеніемъ съ шѣми Державами, съ кошорыми Баваріа находидась въ связяхъ. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоришь, и содержишь войско ему вѣренное въ сшрогой подчиненности. Къ великолѣпному ужину, продолжавшемуся часа два, приглашены были все Баварскіе Генералы и Штабъ-офицеры; они съ благоговѣніемъ слушали Государя, очаровавшего ихъ Своею любезностью. На другой день Баварская арміа, состоявшая изъ двадцаши башальоновъ цѣхошы и семи полковъ конницы, производила въ присушсшвіи Государя маневры. При началѣ ихъ меня ошправили въ Дижонъ, просишь Авсшрійскаго Императора, чшобы онъ не ожидалъ лично прибышійа Государева, Ко-

шорый для избѣжанія нарядной встрѣчи, желалъ прѣѣхать ночью. 25го Септября были маневры еша двадцати тысячной Австрійской арміи, и, что довольно любопышно, происходили на шѣхъ самыхъ равнинахъ, гдѣ, за пѣшьнацашъ лѣшь передъ шѣмъ, собрана была шакъ называемая резервная армія, съ кошорою Наполеонъ перешель чрезъ Сень-Бернанъ, и одержалъ побѣду при Маренго. Государь, при проходѣ полка Своего имени, спалъ въ головѣ его и салюшовалъ Императора Франца. Такъ какъ мы разскавались на долгое время съ Австрійцами, нашими старинными, неизмѣнными союзниками, по Государь пожаловалъ ордена многимъ изъ офицеровъ ихъ, наиболѣе ошличившихся въ послѣднихъ войнахъ.

Г Л А В А XXII.

Вечеръ въ Люръ. — Базель. — Цюрихъ. — Констанцъ. — Линдау.

По выѣздѣ изъ Дижона въ Швейцарію, мы имѣли первый ночлеги въ маленькомъ городкѣ Люръ. Всѣ чиновники, находившіеся при Государѣ, отправились прямо въ Берлинъ, нѣкоторые изъ Брюсселя, а другіе изъ Дижона, такъ что при Его Величествѣ остался одинъ Начальникъ Главнаго Штаба Его. Улицы Люра скоро опустѣли, потому что погода была самая бурная, шелъ проливной дождь, ревѣлъ осенній вѣтеръ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупротивъ меня находившемся, Государя, Кошорый сидѣлъ за столомъ при двухъ свѣчахъ. Улица была шѣсная, ночь совер-

шенно темная, и картина великаго Монарха, уединенно бодрствующаго въ глухую бурную ночь, шакъ вѣзлася въ моемъ воображеніи, что я какъ будто шеперь ее вижу. Вошь Онъ пишешь..... владешь перо.... размышляешь.... оняшь пишешь.... Ударило два часа.... Императоръ всшалъ и пошелъ въ почивальню.

По выѣздѣ изъ Люра, мнѣ приказано было опсправиться впередъ, и извѣстить начальствовавшаго въ Бефорѣ Генерала Лекурба, кошорый прославился во время революціонной войны, чтобы онъ не дѣдалъ Государю никакого приема. Неподалеку отъ крѣпости, я встрѣшилъ человекъ полшорасна Французской конницы, слѣдовавшей за карешою, въ кошорой сидѣлъ Генераль, и я узналъ въ немъ Лекурба, болѣе по выразительнымъ чертамъ лица, нежели по звѣздѣ, кошорою онъ былъ украшенъ. Выслушавъ меня, онъ возвратился въ Бефорѣ съ видомъ неудовольствія: изъ словъ моихъ ему было не шрудно замѣшншь, что Императоръ не желалъ его видѣшь.

Мало по малу показывались горы около Базеля и прекрасная долина, орошаемая величественнымъ Рейномъ. Ни одна рѣка не была столь много восхѣта сшиховорцами, какъ Рейнъ. Кшо, проведя нѣскольکو времени на берегахъ его, не вспомнишь съ восхищеніемъ о каршннихъ мѣстоположеніяхъ, о добродушнихъ жипшеляхъ Германіи, о цѣлишельномъ винѣ и о зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ кошорыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость и клянущя въ вѣчной дружбѣ! По приближеніи къ Базелю, деревни спановящя чаще и богашѣ; Французскій языкъ непримѣнно исчезаетъ. Нѣмецкіе кресшьяне смощрянгъ съ любоншснвомъ на проѣзжающаго, кланяющя ему привѣшливо, и ошъ чисшаго сердца желаютъ ему благополучнаго спрансшвованія; напрошивъ шого, Французскіе поселяне, въ большихъ шляпахъ, въ синихъ рубахахъ и съ шолшыми косами, глядятъ на пушешешвенника грозно и непріязненно.

Въ Базель народъ и войска ожидали Гоеударя, приняли Его съ восшоргомъ и волновались на улицахъ до глубокой ночи. Городъ былъ иллюминованъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая надпись на Нѣмецкомъ языкѣ: »Да будешь благо-» словеніе Всевышняго на знаменишомъ » Имперашоръ Александръ, Кошорый смѣ-» ло началъ первый войну за Европу.« Какъ все перемѣнилось, съ шѣхъ цоръ, когда 1го Января 1814 года, наша армія переходила въ первый разъ Рейнъ при Базель. По освобожденіи Германіи и прекращеніи переговоровъ, начашыхъ во Франк-фуршъ, положено было всшунішь во Францію. Уже давно знамена наци не бывали шакъ далеко ошъ границъ Россіи, и никогда не гошовились мы на сшоль ошважное предпріашіе, цешому чшо Рейнъ и крѣпосши, лежащія какъ на эшой рѣкѣ, шакъ и вблизи ошъ нея, почишались со времени Людовика XIV непреодолимою обороною Франціи. Вся Европа полагаала, чшо война въ нѣдрахъ эшой Державы будешь сопряжена съ неимовѣрными шруд-

носьями; думали, что народъ Французскій, пріобыкшій къ кровопролишю и исполненный воинскимъ духомъ, упорно спашеть защищать каждый шагъ родной земли. Не взирая ни на какія возраженія, Александръ насшоялъ, чшобъ ипши впередъ и нанесши послѣдній ударъ шому, кто дерзнулъ нарушить спокойствіе нашего ошечества. Сшасшіе увѣнчало ошважное предпріаніе, и на шомъ мѣсшѣ, гдѣ менѣе нежели за два года густыя ряды нашихъ войскъ, при радосшныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я спшялъ мирнымъ гражданиномъ, и смосшрѣлъ на быспрыя волны рѣки, доколѣ не угасли огни, зажженные для празднованія прібышія Государя. Можешъ бышь, на самомъ эшомъ мѣсшѣ, безсмершный поѣшь, кешорый шогда былъ въ рядахъ нашихъ, почувешшовавъ первое вдохновеніе воспѣшь переходъ Русскихъ черезъ Рейнь, зывалъ:

И часъ судьбы насшалъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами!

27го Сеншября, рано поутру, мы выѣхали изъ Базеля въ Цюрихъ. Густой туманъ носился въ воздухъ, но въ скоромъ времени разсѣялся, и взору представилосъ множество деревень, виноградныхъ садовъ и шучныя сшадъ, пасшися на богатыхъ лугахъ. Съ каждымъ шагомъ мѣсшадъ сшановились красивѣе. Мы проѣхали чрезъ два города, Рейнфельденъ и Брукъ, и миновавъ послѣднй, поднялись на высокую гору, гдѣ посажены чешыре лищы. Отсюда открылась цѣпь снѣжныхъ горъ: шамъ Гриндельвальдъ, Шшауббахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцернское озеро, часовня Теля; а шамъ, далѣе, мнѣ мечшались крушны Сень-Госарда. О мѣсшадъ незабвенныя, гдѣ прошекло нѣсколько счастливыхъ недѣль моей молодосши, гдѣ первые лучи солнца я всшрѣчалъ на горахъ, кошорыхъ вершны возносащя выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ при шумѣ водопадовъ, посреди цвѣшущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю пропащей, и ошдыхалъ въ шалашахъ Альпйскихъ пашуховъ! Часа шри мы ѣхали по прелесц-

ной долины, посреди кошорой извиаешся рѣка Аара, а пошомъ приблизились къ живописнымъ берегамъ Лимашы, украшеннымъ непрерывною цѣпью красивыхъ домиковъ, проспирающеюся на нѣсколько вершъ. Здѣсь обиаешъ довольство и увѣренность, что собешвенность свяшо чшима. Государь нѣсколько разъ осшанавдвалъ коляску, гулялъ пѣшкомъ и заходилъ въ креснянскіе дома.

Въ шешомъ часу я пріѣхалъ въ Цюрихъ, и осшановился въ шракширѣ Меча, у извѣшнаго всей Европѣ Пешера. Изъ оконъ моей горницы видно было Цюрихское озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Вершины Альповъ начинали алѣшь ошъ заходящаго солнца, молодой мѣсяцъ показывался на небѣ, природа погружалась въ вечернюю тишину; но вдругъ барабанный бой и радостные крики народа возвѣстили прибыше Государя. Нашъ домъ наполнился первыми чиновниками Республики, которые предсшавлялись Его Величешству; а пошомъ мы поѣхали на городской балъ, на кошоромъ находился

между прочими Русскій Посланникъ. Это явленіе было новое, пошому что прежде Вѣнскаго Конгресса, Россія не содержала при Гельвеническомъ Союзѣ своего Посольства, и учрежденіе здѣсь миссіи было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія нашего на дѣла Европы. Швейцарскія женщины были на балѣ не совсѣмъ ловки: живя въ шѣсномъ семейномъ кругу, онѣ не привыкли къ многочисленнымъ собраніямъ. Любопытство ихъ было сильно возбуждено присутствіемъ Государя; республиканкамъ очень рѣдко случается видѣть Монарховъ.

На другой день поутру, Государь посѣщалъ мѣсто, гдѣ покоишься прахъ Геснера, а мнѣ вѣрно было ѣхать впередъ въ Коншанцъ. Поднимаясь на гору, лежащую близъ Цюриха, я смотрѣлъ долго съ восхищеніемъ на Цюрихское озеро и на тысячи излучистыхъ шропинокъ, извивающихся около селеній. Проведя нѣсколько лѣтъ въ разсѣянности воинской жизни и посреди Царскихъ Дворцовъ, мнѣ казалось, что я уже ожилъ для кра-

сопѣ природы, и что онѣ не принесутъ мнѣ болѣе, какъ во дни юности, истиннаго наслажденія; но взгляды на Лимапу и на Альпы пробудили усиленные чувства, и грудь заволновалась, какъ прежде. Швейцарская граница кончилась, и Баденская начинается близъ самаго Констанца, города шариннаго, слишкомъ обширнаго по соразмѣренности съ числомъ жителей. Я взошелъ на колокольню Соборной церкви, откуда видно на нѣсколько верстъ теченіе Рейна, все пространство Боденскаго озера, около котораго множество городовъ, замковъ, рощъ и деревень уславлены, такъ сказать, одни возлѣ другихъ, и цѣпь Альпійскихъ горъ, съ которыми я прощался, можешь быть, навсегда. Послѣ того я остановился на берегу озера, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ, какъ мелькали паруса, и рыбацкія лодки разсѣкали тихія волны. По положенію моему, я только украдкою могъ наслаждаться природою. Государь, по пріѣздѣ въ Констанцъ, отправился на островъ Мейнау, лежащій отъ города вершахъ въ шрехъ,

а я пошелъ въ свою комнату, и перечитывалъ маршрутъ по Швейцаріи, писанный рукою Лагарпа. Ежели эшошь листъ бумаги, думалъ я, не зашеряешься, шо попомство примешъ его съ такими же чувствами, съ какими бы мы смонрѣли теперь на описаніе путешествія, составленнаго Аришошелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхать изъ Дижона въ Женеву, пошомъ въ Лозанну, а ошпуда въ Бѣрнъ и Арау, кошораго Каншонъ обязанъ Государю своимъ политическимъ существованіемъ; но эшо предположеніе не сосшоялось, пошому что замедлило бы прїѣздъ нашъ въ Берлинъ, куда Государю угодно было прїѣхать именно въ шошь день, въ кошорой Онъ въ Парижѣ обѣщалъ Прусскому Королю прѣбышь въ его столицу.

29го Сеншября мы ѣхали весь день около Конешанцскаго озера чрезъ Губъ, Горшахъ, Рейнекъ и Брегенцъ въ Линдау. На дорогѣ насъ встрѣщали военшанники одного училища, одѣшые въ мундиры. Среди ихъ посшавленъ былъ навозвышеніи

портретъ Государя, къ которому вели нѣсколько сшупеней, усѣянныхъ, шакъ сказашь, маленькими дѣвушками, цвѣшущими какъ розы; каждая изъ нихъ указывала на изображеніе Императора. Около озера мѣшоположенія прекрасны, но пашни не шакъ хорошо обрабошаны, какъ въ окрестностяхъ Цюриха; селенія бѣдны и народъ не сшолъ опрашенъ, чему причиною Каполическая религія. Недалеко отъ Рейнека мы переправились чрезъ Рейнь, и очутились въ Тироль, посреди горъ, называемыхъ Форарлбергъ. Нельзя было безъ искренняго уваженія смопрѣшь на Тирольцевъ, воспріавшихъ съ свободою отъ предковъ нравы ихъ и обычаи, кошыры они умѣли сохранишь и защищити въ бурное время, когда опечесшво ихъ и сосѣдешвенныя съ нимъ области сшѣнали подъ чужеземнымъ игомъ. Здѣсь-шо надобно слышашъ повшоряемыя эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни, при звукѣ кошырыхъ рождается у Тирольцевъ шоска по опшчизнѣ, въ какую бы опшдаленную спрану они ни были зайесены судьбою.

ГЛАВА XXIII.

ДОРОГА ИЗЪ ЛИНДАУ ВЪ БОГЕМИЮ. — ПРЕБЫВАНІЕ ГОСУДАРЯ ВЪ БОРЖИ. — ПРАГА. — ПРАЗДНОВАНІЕ ЛЕЙДЕНСКОГО СРАЖЕНІЯ. — ЗАМОКЪ ПЕТЕРСВАЛДЕ. — ДОРОГА ДО БЕРЛИНА. — ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ЭТОЙ СТОЛИЦѢ. — ПИСЬМО ЖАНЪ-ПОЛЯ. — ЖАЛЕНІЕ. — ВОСХОЖЕНІЯ НА КНЯЗА СМОЛЕНСКОГО. — ВАРШАВА. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РУССІЮ.

Наше путешествіе по Швейцаріи окончилось въ Линдау, гдѣ Государь всю ночь занимался дѣлами и отправленіемъ нѣсколькихъ курьеровъ. Здѣсь я получилъ приказаніе, не останавливаясь, ѣхать чрезъ Ульмъ и Нюренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговиць, за нѣсколько станцій отъ Праги, и тамъ ожидать прибытія Его Величества. Скорость, съ которою мнѣ надобно было ѣхать, не позволяла дѣлать наблюденій и вступать въ разговоры не только съ жишелями, но

даже съ чиновниками, высланными нами нововоду на вѣспрѣту, шѣвъ болѣе, что они на всѣ вопросы о мѣсшносностяхъ и яому подобномъ, спарались отдѣльваться всѣмъ верошкими ошѣтшами, и сами предлагали множественно различныя вавредовѣ о Государѣ. Я принужденъ былъ доволѣствоваться шѣмъ, что смонурѣлъ, какъ мнѣ мнѣ мѣлкали, пакъ ошазана, деревни, села и города. Въ Ульмѣ Король Виртембергскій ожидалъ Императора, а въ Нюренбергѣ случилось со мною слѣдующее забавное приключеніе. Такъ какъ я вѣхалъ въ придворной коляскѣ, и на мѣздахъ сѣдѣлъ кучеръ въ придворной диванѣ, то Нѣмцы, съ часу на часъ ожидая шѣ Императора, думали, что въ ошай коляскѣ Государь. Едва я подѣхалъ къ городешимъ воротамъ, какъ ударили во всѣ колокола, раздалась пушечные выстрѣлы и громогласное ура, и молны шарада бѣжали за мною. Назувирашь въ нихъ заблужденіи словами было невозможно, потому что ошѣ ужаснаго шума не слышали. Было мошѣ рѣчей. Я сначала мокала рука-

ни, дѣлать разные знаки, но видя, что
 все безуспѣшно, должны были молчать.
 Въ вѣсто шпрѣумѣъ мѣся дошли до до-
 ма, назначеннаго для Государя, гдѣ меня
 важно выжили вспрѣлаши Министры, при-
 сланные отъ Баварскаго Короля и город-
 скіе чиновники. Объявляя отъ насpero а
 прошедшемъ недоумѣніи, я показывать
 сирѣнься ошь рукожлескаій и манюны
 народныхъ.

Но нѣтъ приближенія къ Бодоми, дри
 рѣдѣ (слѣдственно) изгнанады. Глубокіе че-
 ски, дремучіе составы леса и бѣдные,
 неспришныя деревенскія хищники: нѣтъ
 боше порождацъ взоръ, что я еще не за-
 доско любовался прелеопытны Швейцар-
 скими мѣстноподожженіями. 3го Октябрия
 вечеромъ Государь прибылъ въ Чертовинь,
 и по перемѣнѣ лошадей: шлоцасъ обшира-
 вился на нѣсколько дней въ Ворлицъ, ш-
 мѣсье Инизи Шварценберга, котораго
 Онъ уважалъ, какъ полководца, и особен-
 но любилъ, какъ человека: благороднѣй-
 шихъ свойствъ. Въ Ворлицъ было нѣ-
 сколько особъ, съ которыми Государь

проводить иногда вечера на Франскомъ Монтрессе, и тамъ царствовала величайшая непринужденность. Наконецъ, кромѣ Князя Волконскаго и одного камердинера, не соизволяла куда Его Величеству. Однажды все общество гуляло по полямъ и встрѣтило крестьянина, владѣющаго землю. Государь спалъ на его жѣлѣ и по нѣмнѣ сохотѣ провѣстъ борозду. Одинъ изъ вольнооткупщиковъ изобразилъ это на картинѣ, которую мнѣ случилось видѣть въ Вѣнѣ, при возвращеніи императрицы изъ Австріи въ 1818 году.

Изъ Берговица мнѣ воляла ѣхать въ Прагу и ожидать тамъ дѣльцинскихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію еяшнему, какъ злыбу, шестому чшо въ первый разъ въ шестомъ шринадцати мѣсяцѣ, въ которые ни одна мнѣша не принадлежала мнѣ, сдѣлала совершенно свободнымъ, и могъ по произволу располагать нѣсколькими днями. Въ полночь я отправился въ нушь, и не могъ закрытьъ глазъ, не взирая на усна любви: моя востановило чувствено крайкѣременной мой

независимости. Но прибытии въ Прагу, я надѣлъ фракъ и пошелъ принимать въ островъ, называемый маленькое Монастырь. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Мелдара; народъ изрѣдка показывался по улицамъ, и колокольный звонъ шедше чина начиналъ слышаться изъ богослужения. Я гулялъ по острову, на некоторомъ уже въ семь лѣтъ проходилъ приамышляюща вечера, гдѣ, на осьмнадцатомъ году онъ реду, былъ спранныкомъ на землѣ, думалъ о будущаго своего назначеніи въ жизни, и возвращался въ задумчивости въ радженное свое жилище. Я не зналъ, что судьба мнѣ улыбнется и опредѣлитъ въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ послѣднее слово изъ мѣны, гдѣ я бывалъ прежде, никѣмъ незнакомый.

Но успѣлъ я прійти съ гулянья, какъ началъ ко мнѣ съезжаться съ послѣдствіями и предложеніи комманды, пригласившей для меня въ дворецъ. Послѣ я былъ у Главномемандующаго Фельдмаршала, Графа Коллеватта, который онъ спаросилъ одна моль говорить. Въ помощь данъ былъ

ему извѣстный Генераль Графъ Кленау, кошорый осыгаль меня учиняюшимами. »Были ль вы у гражданскихъ чиновниковъ,« спросилъ онъ, »чтобы условившея съ нами о днѣ прѣзда Государа и о прѣзданіи Его Величества въ Прагу?« Нашъ, ошнѣчалъ я, и объ этомъ концѣ съ нами поговорилъ. »Я съ моей стороны все сдѣлалъ,« ошнѣчалъ онъ: »но насъ убѣдительно прошу, побывавъ у сихъ господъ. Какъ военный, скажу вамъ ошкровенно, что имъ и самому мнѣ это будетъ очень пріятно.« Слова Генерала удоспошѣрили меня, что въ Австріи военные власти подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщеніа, я поспѣшилъ во дворецъ, чтобы насладиться однимъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ, какіе мнѣ извѣстны. День былъ ошнѣнно лентый, и городъ, окрешносши его, рѣка Молдава, горы, лѣса и загородные дома предешавились мнѣ въ новой красшѣ. Я обѣдалъ у Генерала Кленау со многими Авспрїйскими ошнцерами, кошорые хеша умно разеуждаюшъ, но въ обращеніи не-

дешн. Въ прелестн молодой дочери Графа не могли развеселить ихъ. За обѣдомъ былъ Адъютантъ Фельдмаршала Князь Блехера, Шварцъ, съ которыми при первой встрѣчѣ, мы оботѣлись какъ родные. Не было примѣра столь искреннаго союза между двумя народами, какъ наши, казарный суцесшвуетъ между Россією и Пруссією: когда воины этихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣчаются, не почитаютъ другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно похвалиться ласковымъ приемомъ Прагскихъ вельможъ и заботливостію, съ какою разныя мѣсячныя начальства дѣлали всякаго рода пригласенія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь народитъ осеню поспѣшь на нѣсколько дней въ Прагъ. Проживъ здѣсь нашъ день, я былъ безпрестанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театръ. Обращеніе дворянства такое же, какъ и въ прочихъ столицахъ; только жаль, что царенное искусство не сдѣлало уснѣховъ: подражае по мне-

ромъ Французамъ, почему никакъ не бросилъ примыра съ Ребера, Базиле и Вери, которые до сего поръ не выжили себя разныхъ въ Баретъ?

Черезъ три дня я получилъ повеление ехать чрезъ Меннхгроцъ, Накель и Глацъ, въ Силезію, въ замокъ Меннхсвальде, близъ Рейхенбаха, гдѣ мы жили несколько мѣсяцевъ во время перемѣры въ 1813 году. Едва я началъ спускаться съ Молинкикъ горъ, ожидающихъ Богемію отъ благословенной Силезіи, какъ увидѣлъ весь горизонтъ пылающимъ въ огнѣ. Это было 6ое Октября, день сраженія при Лейпцигѣ, которое въ Германіи праздновали необыкновеннымъ образомъ. Лишь только вечеръ началъ, какъ на вершинахъ долинъ и горъ заигляло кошмаръ, жарче для всего пригрозившее, которые горѣли во всю ночь. Такимъ образомъ огонь, зажигающій время освобожденія Германіи, пылалъ отъ Трибуна до Гамбурга, и отъ Вислы до Рейна: Государь въ этотъ день находился еще въ польснѣяхъ Кнзя Шварценберга. Его

Величешно-желалъ поздравить Фельдмаршала въ кругу его семейства съ побѣдою, въ два года передъ нимъ одержанною надъ главнымъ его предводителемъ. Онъ обидѣлъ Фельдмаршала въ присутствіи войскъ, и привыщивалъ въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Пелерсвальде, принадлежащій брану славнаго сликсхверца, Графа Швальберга. Этого замокъ, примѣчательный по разнымъ договорамъ, копорые здѣсь заключены между Россією и ея Сюзинками въ 1613 году, и послужили началомъ умиренья, одержанныхъ въ послѣдствіи, сдѣлался для Германіи шлемъ, шлемъ Таруниче и Леманска для Россіи — полюбилъ ея свободы. Изъ оконъ замка открываются прелестныя виды на поля Силезіи, поля изобилія и жизни, на бани энекома Рейхенбаха и на высокіе унесы Фириненцпейна, украшенные разнородными древами зданія. Цѣлнера года прошло съ того времени, какъ мы здѣсь жили, и все измѣнилось! Тогда шло чаше смрада

Бауценскій грѣмъ, Европа была въ колебаніи, народы охвачены гонимыми къ кровопролитной войнѣ; а шагеръ миръ, заключенный на прочныхъ основаніяхъ, подавалъ несомнѣнную надежду, что сменѣніе Государства пребудетъ долго неперушимо.

8го Октября мы выехали изъ Мешервальда въ Берлинъ. Въ пригородныхъ выростахъ не было недосыпика: въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ построено было по нѣскольку мелкихъ воротъ, сдѣланныхъ изъ сѣнника, съ различными надписями и вензелями Государя, а ближе къ Берлину являлось въ селеніяхъ множество дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, которыя сыпали цвѣты при проѣздѣ Императора. Мои ожиданія касательно гостеприимства не обманулись. Я полагаю, что жители всѣхъ селеній и дѣли въ ожиданіи къ намъ на мѣрѣнку, что миръ и здравіе будуще по всей дорогѣ: напрошивъ много почини всюду я долженъ былъ плашину за кушанье и напитки. Между нѣмъ Пру-

сами воображали, что они съѣдали немъ
 удивительный пріемъ. Генералы Гюркъ и
 Гюнербоинъ, « сказавъ мнѣ о дѣлѣ Прус-
 сійскій оендеръ, « вепрѣдѣли насъ на гра-
 « ницѣ, и будучи сопроезданы до Крос-
 « сена, гдѣ Генераль Брауншцъ ихъ съѣ-
 « нишь. Мы не помнимъ шамота: пріе-
 « ма. « Но я былъ вѣсмерѣ ушѣшенъ однимъ
 Пруссакомъ, кошорый въ полковой шерь чуж-
 сивовалъ, что Россія сдѣлана для его сше-
 чества. Мы расположились для ночлега
 въ городѣ Мюнхенбергѣ. Хозяинъ дома, въ
 кошоромъ живъ ошвели квартиру, напо-
 нивъ насъ ереденна угощенія, наконецъ
 предложилъ ошановити ходъ сибѣнныхъ
 часовъ, чтооь ихъ спужь не сбшпоноилъ
 мени во время сна. Въ Кроссенѣ надѣ-
 ливъ, что Государь оштановишся шамъ
 для ночлега, и пригешовленъ быть для
 Его Величества шонъ самый домъ и нѣ
 компань, гдѣ жилъ Фридрихъ Второй,
 и шѣ самал кровашъ, на кошорой онъ
 сналъ.

Ошмо ошба мы въехали въ Берлинъ.
 Не обладая шпанци ошказали мнѣ въ

панталоновых лошадяхъ, а впрягли дурныхъ обывательскихъ. Необозримое множество жинелей ополницы вышло на встречу Государю, бывшему въ Прусскомъ мундирѣ. Король встрѣтилъ Высокаго Пестъинисла своего въ Фридрихсфельдѣ, и оба Магера въ открытой колескѣ отправились въ Берлинъ, гдѣ по улицамъ разсѣялены были войска, переходившія нѣкогда царицѣмъ и царицею.

Мы правили въ Берлинъ около двухъ недѣль, въ числѣ которыхъ совершено обрученіе бѣднаго штеда Волчингъ Князь Императора Михаилъ Павловича съ Аннорію Король. Здѣшній Дворъ не имѣлъ; не было ни красавицъ, ни шеголей. Все подрисали Король, который вели стремную жизнь. Самы богатыя семействъ была жиды весьма расчелачиво: не было ни одного дома обширнаго для незваныхъ гостей. Намъ: какой-то Королевы въ ми чинья; придверные насъ объ ней вѣдѣвали и говорили намъ: »Больша бы она здравствовала, какъ бы вы у насъ повеселились!« Въ городъ было пусто;

жались жаловались на разореніе войны, которой послѣдствія не совсемъ еще тогда изгладились. Въ девять часовъ вечера не видно на улицахъ экипажей, повсюду тишина, и ничто не напоминаетъ, что вы въ столицѣ могущественнаго Государства. Въ это время проходила чрезъ Вермий С. Пешербургскій гренадерскій полкъ, коюраго Прусскій Король Шедемъ. Вену- пленіе полка въ столицу было самое позорное и срамное. Король, въ Русскій мундиръ, находясь передъ первыми взводами, салютовалъ Государя. Офицеры обѣдали по дворцѣ за Королевскими столами, а солдатъ угощала Прусская гвардія. Притомъ замечать всего, что въ этотъ день нѣкоторые караулы были заняты въ Берлинѣ Русскими солдатами. Людовикъ XIV, возведи своего жюка на Испанскій Престола, сказалъ, что Пиренейскія горы болѣе не существуютъ; а Русскимъ можно было въ подражаніе ему, но съ большимъ правомъ, сказать, что при Александрѣ Россія и Европа соединились одно семейство.

27го Октября мы выехали из Берлина чрез Франкфуртъ въ Калитъ. Мы осматривали чужіе края на три года, потому что въ договоръ, заключенномъ въ Парижѣ 8го Ноября, Союзные Монархи предоставили себѣ собиранья въ извѣстные сроки, для принятія мѣръ къ обезпеченію благосостоянія народовъ и сохраненію мира. Такъ называемые либеральные писатели говорили, что Монархи въ разладахъ теряли безцѣнное время, которое съ большею пользою могло бы быть употреблено, по ихъ мнѣнію, для внутренняго управленія Государствъ. Но можемъ ли назвать употребленными, два или три мѣсяца, — ибо Конгрессы Ахемскій, Лейпцигскій и Веровскій продолжались не болѣе этого времени, — въ которые Союзные Монархи, чрезъ каждые три года, соединялись для того, чтобы содѣлаться о мирѣ, котораго самое прочное основаніе и надежнѣйшее ручательство есть личная дружба Вѣннѣносцевъ? Другіе утверждали, что Россія, надолго оградившей предѣлы свои отъ всякаго прошивъ нихъ,

предстояло бы отъ нихъ опасности; спрашивается: не ужели Петръ Великій, «кѣтъ наша двинуша земля», посшавиль Россію на степенъ Европейской Державы для того, чяюбы на прошествіи столѣтій, въ кошоромъ Русскіи ознаменовали себя чудесными успѣхами въ войнѣ и въ мирѣ, ей подлежало заключиться въ свои предѣлы и оградить себя спѣною, подобно Китаю? Неоспоримо, что жившій съ заимствованными въ чужихъ земляхъ новыми понятиями, вкралися въ наше общество и плевели зла; но оно ничтожно въ сравненіи благъ, отъ просвѣщенія произтекающихъ.

Во время пребыванія за границею въ ашомъ году и въ прошломъ, Государь наградилъ многихъ ученыхъ и художниковъ орденами и подарками, какъ на примѣръ: знаменитого епископа венецянскаго Ювье, Феленберга, Пешалотція, Италіянскаго переводчика сочиненій Карамзина Чешинъ, политическихъ писателей Беннама и Юкеля, Фридриха Шлегеля, Карова, Вольфрана, извѣстнаго ориенталиста Гемме-

ра, архипешпоровъ: Фоншена и Персье, живониецевъ: Жерара и Изабе, и многихъ другихъ.

Здѣсь не излишнимъ нечистаю номб-спишь письмо, писанное въ Государю въ продолженіе Вѣнскаго Конгресса, Жанъ-Подемъ Рихперомъ, котораго сочиненія отличаются необыкновенною оригинальностью мыслей и выражений:

» Въ это великое время, когда Ваше
» Величество приняли на Себя посредни-
» чество между Державами Европы, по-
» добно тому, какъ прежде Вы были спа-
» сителемъ ея, и когда Вы изъ Ангелъ-
» хранишеля побѣды содѣлались Ангеломъ-
» хранителемъ мира, являешся передъ Пре-
» сполъ Вашъ самое маловажное дѣло. Но,
» какъ для разума ничто не велико, такъ
» для благосши ничто не мало.

» Больше двадцати лѣтъ лишь посвя-
» щилъ я Музамъ и древностямъ. Бывшій
» Великій Герцогъ Франкфуртскій поло-
» жилъ мнѣ тысячу гульденовъ пенсін,
» чтобы вспомошествовать убогогожден-
» ному, котораго шло живетъ только

»духомъ его; но, по занятіи Франкфурта
»союзными войсками, временное прави-
»тельство ошказываетъ мнѣ въ выдачѣ
»пеней впредь до разрѣшенія.

» Неужели Высокіе Союзники, сражав-
»шіеся за свободу и просвѣщеніе Герма-
»ніи, ошказуютъ въ пособіи шому лише-
»рашору, кошорый писалъ въ пользу Ев-
»ропейской свободы, въ шакое время, ког-
»да личная безопаеность его была во вла-
»сти какого нибудь Даву? Я обращаюсь
»къ сердцу Александра; ибо въ вѣкъ эго-
»изма благодѣштельное Провидѣніе возве-
»ло на высочайшій Прешоль въ міръ оли-
»цешворенное человѣколюбіе. Я обраща-
»юсь къ Его разуму, покровительствующе-
»щему просвѣщенію. Вамъ не нужно бо-
»льше распространяшь Вашей Имперіи; но
»Вы увеличине огромное, безпредѣльное
»царешво наукъ, и Съверу, имѣющему по
»географическому положенію самыя долгіе
»дни, Вы даруете и умшвенно должай-
»шіе. Да просишишь мнѣ Монархъ, Кошо-
»раго скипешръ подобенъ магниту, при-
»тягивающему къ себѣ любовію, смѣлосшь

» уневажій, возмагаемыхъ на Него частны-
 » ми лицами и народами. Наслаждайтесь
 » долго, Государь, единственною пречною
 » всемірною Монархією, — всемірною Мо-
 » нархією любви, которую Вы осцвдали
 » на обломкахъ Монархіи злѣ и ненависти.
 » Пускай радости, взирая на Васъ, много
 » слезъ проливаетъ слезамъ, а скорбь о не-
 » щастіи Вашей пускай долго, долго не осе-
 » чалитъ челоуѣчества.» *)

Грустно мнѣ было слышать, какъ, по
 мѣрѣ нашего удаленія отъ Одера, мало по
 малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ. Я на немъ
 получилъ первыя понятія о прелестяхъ
 ученія, которое, если не всегда прино-
 ситъ существенную пользу, но крайней
 мѣрѣ всегда содѣлываетъ челоуѣка луч-
 шимъ, и примиряетъ насъ съ жизнью, въ
 какомъ бы горестномъ положеніи мы ни
 находились. На другія оушки по выгвѣдѣ изъ
 Берлина, мы уже были въ предѣлахъ Рес-
 сии. Но прїѣздъ въ Калишъ, я постигнулъ
 въ тишѣ дровъ, гдѣ жилъ въ 1813 году
 Князь Смоленскій. Сердце билось, когда

*) № 33-й Приложеній.

я шелъ по лѣстницѣ, на кошорой прежде встрѣчалъ именитѣйшихъ Генераловъ. Но сколь велико было мое негодованіе, когда стоявшій шуть Полякъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ, и унавивъ причину, сказалъ, что онъ и не слышалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ команду, гдѣ онъ обыкновенно занимался дѣлами, гдѣ я его видѣлъ предсѣдавшаго при рѣшеніи учаши Европы, и гдѣ иногда удостоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ и довѣренностію. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе иного, кошорое я чувствовалъ въ гробницѣ Циціона и въ памятникахъ Римской славы. Слабый свѣтъ одной свѣчи придавалъ этому мѣсту мрачный видъ, шѣмъ болѣе ошущительный, что въ эту минушу сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣснившій прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго Царя своего. Я въ это время, какъ будто одинъ во всемъ мірѣ, стоялъ облокошась на снудъ, гдѣ сиживалъ вели-

ній челоуікъ. Если бы Россія не именовала Кушурова избавителемъ своимъ, а Ишорія не украшалась его дѣланіями, щю и тогда, мы, кошерые ведали его вблизи, сохранили бы навсегда въ памяти нашей усладишельное зрѣлище, которое онъ являлъ, когда, находясь на высшей снени почестней и славы, онъ очаровывалъ насъ плѣнительнымъ и проспымъ своимъ обращеніемъ, — истиннымъ зеркаломъ великой души его. » Чемъ болѣе я живу, « писалъ онъ не задолго до своей кончины къ одной изъ своихъ дочерей, » шѣмъ « сильнѣе убѣждаюсь, что слава есть дымъ. « Я всегда любилъ философствовать, но « шенерь болѣе, нежели когда-либо. Гово- « ряшъ, что всякой возрастъ имѣетъ свои « спроси; моя шенерешняя спросиь ср- « споншъ въ безпредельной любви къ мо- « имъ дѣшамъ. Я смѣюсь надъ собою, наг- « да размышляю, съ какой шечки зрѣнія я « смошрю на званіе мое, на мою власшь, « и на почести, меня окружающія; я въ « это время вспоминаю Кавицнъку, *) ко-

*) Одна изъ внуковъ Князя Михаила Даріоновича.

«перая сравнивала меня съ Агамемнономъ: но были ли Агамемноны счастливы?»

Однажды, на самомъ этомъ мѣсяцѣ, я какъ будто предугадалъ близкую кончину Князя Михаила Ларионовича. За нѣсколько дней предъ вышупленіемъ нашимъ изъ Кадина, подалъ я ему для подписанія бумагу. вмѣсто шрехъ черпъ, которыми онъ обыкновенно оканчивалъ подлисы своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и, смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: «Кажется, что я ошибся.» — Вы написали двѣ лишеры лишнихъ; отвѣчалъ я, «но я ихъ выскоблю.» — «Нѣтъ,» прервалъ онъ: «я эту бумагу самъ уничтожу, а ты вели мнѣ приготоовишь дружю, пошому что Богъ знаетъ, что обо мнѣ подумаюшъ.» Какое-то предчувствіе сказало мнѣ, что мы скоро его лишимся, и чрезъ двѣ недѣли не стало того, для котораго попомство будешь справедливѣе современниковъ.

Переночевавъ въ Кадинѣ, гдѣ Государь надѣлъ въ первый разъ Польскій мундиръ

и звѣду Бѣлаго Орла, мы отправлялись въ Варшаву, куда прибыли 31го Октября при громкихъ восклицаніяхъ народа. На улицахъ стояла Польская армія, только что вновь образованная, и просмирившаяся уже до двадцати ченырехъ тысячъ человекъ. Оружіе, одежда, и даже деньги для продовольствія этихъ войскъ, по совершенному истребленію Польши, опущались тогда изъ Россіи. Нѣкто во время смуты замѣнилъ, что конница была малочисленна. Государь отвѣчалъ: «Неудивительно, пошому, что Поляки съели лошадей своихъ въ Россіи.» Пошомъ Императоръ вслушалъ во дворець, гдѣ принялъ ключи города и приказалъ везать рѣчью предшавлявшихся Ему почтеннѣйшихъ изъ жинвалей. Нѣкоторые изъ дворянъ были въ сиваринномъ національномъ своемъ платьѣ, подвязанные богатыми кушаками, въ разноцветныхъ сапогахъ и съ длинными саблями, кошорыя, какъ я тогда думалъ, уже долго не обнажаша прошивъ двуглаваго орла. На многихъ изъ нихъ былъ орденъ Почетнаго Легіона.

И желать, чтобы вѣнчекъ ордена замѣнился нашимъ Георгіевскимъ крестомъ, это есть, чтобы въ первую войну Россіи съ какою нибудь Державою, Поляки сражались съ нами за одно, смѣшали бы кровь свою съ нашею кровію, и посредствомъ оней жершвы изгладилась бы ненависть, долгое время разъѣлявшая два единоплеменные Царства.

Мы прожили въ Варшавѣ съ небольшимъ двѣ недѣли, въ продолженіе коихъ Государь разсыпалъ щедроты на весь сословія народа. Поляки, находившіеся въ плѣну въ Россіи, и шѣ, которые взяли въ сраженіяхъ въ Германіи и Франціи, были уже весною въ прошедшемъ году возвращены въ отечество и введены по прежнему во владѣніе своихъ имѣній, находившихся въ казенномъ присмотрѣ. Равнымъ образомъ тогда же снято было запрещеніе съ имѣній нѣхъ Поляковъ, которые до послѣдняго времени служили въ войскахъ Варшавскаго Герцога подъ знаменами Наполеона. Изъ этого не были исключены даже уроженцы западныхъ гу-

берній нашихъ. Помѣстья Князя Поняшовскаго, убишаго подъ Лейпцигомъ, не только возвратили его наследникамъ, но имъ даже отдали доходы, которые посылунали въ казну со взятія имѣнія его подъ запрещеніе. Въ это время Государь учредилъ ишащъ для Варшавскаго Двора, назначилъ къ Себѣ нѣсколько адъютантовъ изъ Польскихъ офицеровъ, пожаловалъ нѣкошорыхъ двѣцъ во фрейлины, роздалъ Русскіе ордена, удостоивалъ личнымъ посѣщеніемъ знатнѣйшихъ изъ вельможъ; но при всемъ шомъ Поляки сморѣли на насъ пасмурно. До какой ещепени какъ эти милосши, шакъ равно щедросшы, изліянныя на Польшу въ неченіи двѣнадцати лѣтъ, и вмѣстѣ съ ними возвращеніе полишической независимосши и самаго имени, уже двѣдцѣ лѣтъ не сущесшвовавшаго, были забышы и поцраны ногами, шому, къ несчасшію, служащъ доказашельствомъ недавнїя происшесшвія. Въ ночь, передъ нашимъ отъѣздомъ, Генералъ Заіончикъ былъ ушверженъ Намѣщникомъ Царсшва. Это званіе до самой

послѣдней минушы надѣялся получить Князь Чаршорыйскій, участвовавшій въ составленіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ новой Конституціи; но, обманушый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, Чаршорыйскій ходилъ въ эту ночь по дворцу съ разшроеннымъ видомъ, какъ испущенный, и не говорилъ ни слова ни съ кѣмъ изъ насъ, Русскихъ, находившихся въ комнашахъ передъ Кабинешомъ Государя, въ копоромъ Его Величество занимался до ранняго утра.

Наконецъ настало 18^е Ноября, желанный день возвращенія въ Россію. На другія сушки мы были уже въ Бѣлоспокъ, ошкуда, не останавливаясь, поѣхали прямо въ Пешербургъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

(№ 1.)

*Предисаніе Министра Внутреннихъ дѣлъ
Монталиве Префектамъ Департамен-
товъ, отъ $\frac{23 \text{ Декабря } 1813.}{4 \text{ Января } 1814.}$*

Dans le cas d'une invasion, il seroit à désirer qu'à l'exemple des autres peuples, on pût ne laisser à l'ennemi qu'une terre sans habitans; mais lorsqu'il ne seroit pas possible d'atteindre ce but entièrement, vous concourrez de tous vos moyens et de toute votre influence, à obtenir que toutes les familles, ayant assez d'aisance pour vivre momentanément ailleurs, quittent le sol quand il sera souillé par la présence de l'ennemi. Des sujets fidèles manqueraient à un de leurs premiers devoirs en vivant sous sa domination passagère.

Tous les fonctionnaires publics doivent se retirer à l'approche de l'ennemi, emportant les papiers, documens et titres de leur administration. Vous comprenez combien il importe de ne rien laisser à l'ennemi de tout ce qui pourroit lui faciliter les moyens d'administration, et surtout des levées de denrées.

Votre poste, en cas d'envahissement de votre département, est partout où il resteroit encore la plus petite portion non envahie. C'est vous qui le dernier quitterez le département que l'Empereur vous a confié, et si toute la surface étoit occupée par l'ennemi, à l'exception des places de guerre ou forteresses qui lui opposeroit de la résistance, l'intention de Sa Majesté est, qu'au lieu de vous retirer dans l'intérieur, vous vous concertiez avec l'autorité militaire pour vous enfermer dans une place ou une forteresse, afin d'être toujours prêt à ressaisir l'administration du pays au moment où la place seroit débloquée.

(№ 2.)

Перехваченное письмо Наполеона к Императрице Марии-Луизе.

Mon amie, j'ai été tous ces jours-ci à cheval. Le 20 j'ai pris Arcis-sur-Aube. L'ennemi m'y a attaqué à huit heures du soir le même jour, je l'ai battu et lui ai fait quatre mille morts. Le 21 l'ennemi s'est mis en bataille pour protéger la marche de ses armées sur Brienne et Bar-sur-Aube. J'ai pris le parti de me porter sur la Marne, afin de le pousser plus loin de Paris et me rapprocher de mes places. Je serai ce soir à Saint-Dizier. Adieu, mon amie, embrassez mon fils.

(№ 3.)

Объявленіе Префектовъ Полици и Сенскаго Департамента къ жителямъ Парижа.

La sûreté de vos personnes et de vos propriétés est aujourd'hui garantie par cette capitulation et par la promesse de Sa Majesté l'Empereur Alexandre, qui a donné ce matin au corps municipal les assurances les plus positives de Sa bienveillance pour les habitans de cette capitale.

(№ 4.)

Повелѣніе Статсъ-Секретаря Графа Нессельроде Префекту Полици.

Par ordre de Sa Majesté l'Empereur mon maître, j'ai l'honneur de vous inviter à faire sortir les individus détenus à Sainte-Pélagie pour avoir empêché de tirer sur les troupes alliées dans l'intérieur de leurs communes et d'avoir ainsi sauvé la vie de leurs concitoyens et leurs propriétés. Sa Majesté désire également que vous rendiez à la liberté tous les individus, qui, par leur attachement pour leur ancien et leur légitime souverain, ont été détenus jnsqu'ici. Moniteur, le 6 avril.

(№ 5.)

**Предписание Стамбуль - Секретаря Графа
Новосильова, в Пресбургу.**

Beaucoup de personnes, guidées par un sentiment fort naturel de confiance dans Sa Majesté l'Empereur de Russie, lui adressent journellement des demandes toutes relatives à des intérêts qui leur sont personnels. Je vous charge de leur faire connoître, que Sa Majesté Impériale, venue en France pour y concourir à ramener la paix et le bonheur, s'est imposée la loi de n'exercer aucune influence sur tout ce qui tient à l'exécution des loix et des règles de l'administration publique. Par conséquent toutes les personnes qui peuvent avoir des demandes à faire, sont invitées à s'adresser aux autorités compétentes du gouvernement français.

(№ 6.)

**Приказъ Генералъ - Губернатора Парижа,
Графа Сакена.**

Il est défendu expressément, que personne dans cette ville puisse être molesté, inquiété ou offensé par qui que ce soit pour faits d'opinions politiques et pour les signes extérieurs qui pourroient être portés.

(№ 7.)

Un homme qui se disoit mon allié, est arrivé dans mes états en injuste agresseur; c'est à lui que j'ai fait la guerre et non à la France; je suis l'ami du peuple françois; ce que vous venez de faire, redouble ce sentiment; il est juste, il est sage de donner à la France des institutions fortes et libérales, qui sont en rapport avec les lumières actuelles. Mes alliés et moi nous ne venons que pour protéger la liberté de vos décisions. Pour preuve de cet attachement durable que je veux contracter avec votre nation, je lui remets tous les prisonniers qui sont en Russie; le gouvernement provisoire me l'avoit déjà demandé; je l'accorde au Sénat d'après la délibération qu'il a prise aujourd'hui.

(№ 8.)

Определение Сената.

A l'occasion de l'assurance donnée au Sénat par Sa Majesté l'Empereur Alexandre, de délivrer tous les prisonniers de guerre françois dans ses états, le Sénat, profondément touché de cet acte magnanime qui doit rendre tant d'infortunés à leurs familles, arrête de consacrer dans ses registres le souvenir d'une si grande magnanimité. Un membre demande que le procès ver-

hal dont il s'agit, soit imprimé et distribué aux Sénateurs au nombre de six exemplaires. Cette proposition est adoptée.

~~~~~  
(№ 9.)

Payons d'une reconnoissance immortelle l'acte de magnanimité le plus signalé dont les annales du monde gardent le souvenir. L'Empereur de Russie console deux cents mille familles par le retour des François malheureux que le sort des armes a mis en son pouvoir, et il hâte le moment fortuné qui nous rendra nos frères, nos amis, nos enfans. Moniteur, le 6 avril.

~~~~~  
(№ 10.)

Préfecture de police.

Le monument élevé sur la place Vendôme est sous la sauvegarde de la magnanimité de l'Empereur Alexandre et de ses alliés. Moniteur, le 7 avril.

(№ 11.)

Письмо Маршала Нея къ Князю Талейрану.

Monseigneur! Je me suis rendu hier à Paris avec Mr. le maréchal Duc de Tarente et Mr. le Duc de Vence, comme chargés des pleins pouvoirs, pour défendre près de S. M. l'Empereur Alexandre les intérêts de la dynastie de l'Empereur Napoléon &c. Moniteur, le 7 avril.

(№ 12.)

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies est informé que beaucoup de militaires françois de tous grades sont en ce moment à Paris, où ils ont été conduits soit par suite d'événemens de la guerre, soit par le besoin de soigner leur santé altérée par de grandes fatigues ou d'honorables blessures. Il ne suppose pas qu'ils puissent avoir cru un moment qu'il leur fût nécessaire de se cacher; dans tous les cas Il se plaît à déclarer en son nom et en celui de ses alliés, qu'ils sont libres, parfaitement libres, et que, comme tous les autres François, ils sont appelés à concourir aux mesures qui doivent décider la grande question qui va se juger pour le bonheur de la France et du monde entier.

(№ 13.)

Plusieurs personnes indigentes ont adressé à Sa Majesté l'Empereur de Russie des demandes de secours. Sa Majesté, n'étant point à portée de connoître le véritable besoin de chacune d'elles et voulant répartir ses secours d'une manière juste, a fait remettre à chacun des curés de Paris une somme destinée à être distribuée aux indigens de leurs paroisses. *Moniteur.*

~~~~~

(№ 14.)

Письмо Генерала Графа Сакена къ Военному Министру Дюфону.

Une somme de 8,000 francs a été remise par Messieurs les banquiers de Paris pour la distribuer aux militaires blessés de l'armée russe, comme provenant des bénéfices qu'a présentés dans les premiers jours de l'occupation de Paris l'échange du papier monnaie de Russie. Sa Majesté l'Empereur, en me chargeant de présenter à Messieurs les banquiers Sa satisfaction, m'a en même temps ordonné que la somme ci-dessus mentionnée fût partagée en quatre parties égales au profit des blessés des armées alliées.

J'ai l'honneur de vous transmettre une de ces parties, en vous priant, selon les intentions de l'Empereur

mon maître, de la faire repartir entre les militaires blessés de l'armée française; heureux d'être l'organe de Ses volontés bienfaisantes pour les militaires dont j'ai eu tant d'occasions d'apprécier la valeur. *Moniteur.*

(№ 15.)

Tout le monde est confondu d'admiration en voyant les monarques de l'Europe, qui avoient tant d'outrages à venger, tant d'indemnités à réclamer, paroître au milieu de nous, comme des libérateurs au lieu d'ennemis et de conquérans que nous redoutions. On se demande, qu'est-ce qui a apaisé si subitement ces tempêtes que nous avons soulevées contre nous, adouci ces courages que nous avons irrités, aigris, exaspérés? Il faut le dire, c'est la religion qui a formé leur sainte ligue pour le bonheur de l'humanité, la religion dont tous leurs soldats portent des signes sur leurs vêtements. Nul motif humain n'a pu les porter aux sacrifices dont il n'y a pas d'exemple dans l'histoire des hommes. *Journal des débats; le 8 avril.*

(№ 16.)

Nous avons entendu de jeunes officiers russes, le jour même de leur marche triomphale à Paris, parler

de la longue suite de leurs exploits, depuis les bords de la Moskwa jusqu'aux rives de la Seine, comme des choses auxquelles ils ont été conduits par le doigt de Dieu, et dont ils ne prétendoient d'autre gloire que celle d'avoir été choisis pour les instrumens de sa miséricorde; tout cela avec si peu d'enthousiasme, et dans des termes si simples et si affables, qu'on le prit d'abord pour le langage d'une courtoisie exquise. Mais en même tems ils nous firent remarquer une médaille d'argent, que tous les soldats et officiers portent comme un ordre de chevalerie. Sur l'un des côtés de cette médaille est le symbole de la Providence, et de l'autre la traduction en russe de ce passage de l'Écriture: *Non nobis, non nobis, sed nomini tuo da gloriam.* Journal des débats, le 28 avril.

(№ 17.)

Une grande partie des habitans se portent aux Champs Elysées pour y visiter les bivouacs des troupes alliées. Ce sont pour la plupart des cavaliers de la garde impériale russe, d'une taille et d'une force peu ordinaires. Beaucoup paroissent avoir six pieds. Des cordes enlacées aux rangées d'arbres forment des enceintes séparées, où sont réunis des cavaliers de diverses escouades.

On voit avec surprise, que les hommes et chevaux se soient conservés en aussi bon état après avoir traversé tant de pays éloignés, soutenu des combats fréquents et au milieu d'un hiver rigoureux et prolongé. Ces bons Parisiens, pour qui les monts de Belleville, d'Argenteuil, de Saint-Cloud et de Meudon sont les limites du monde, qui ne connoissent les camps que par le récit de leurs enfans, prennent plaisir à voir ces bivouacs établis en deça de leurs barrières. Le reste des fourrages que les chevaux ont négligé de manger, leur servent de litière. Des bottes de paille suspendues au fer croisé de leurs lances plantées autour des arbres, forment une espèce de toits qui abritent les cavaliers et leurs provisions. Au devant de chaque hutte, des feux cuisent les alimens des soldats ; l'un dépèce avec son sabre des pièces de bétail, l'autre répare la ferrure de son cheval, celui-ci nettoie et polit ses armes, d'autres reposent sur leurs chevaux couchés, beaucoup s'amuse des observations que les promeneurs paroissent faire sur leurs coutumes et leurs usages ; ils font aux questions d'un grand nombre des réponses qui ne sont pas comprises, mais qui sont rendues sensibles par des gestes expressifs, où se peignent la bienveillance, le bon accord et la cordialité. Journal des débats, le 8 avril.

(№ 18.)

Стихи, пѣтые въ Парижскомъ Театрѣ.

Vive Alexandre,
 Vive ce roi des rois!
 Sans rien prétendre,
 Sans nous dicter des loix,
 Ce prince auguste
 A le triple renom:
 De héros, de juste,
 De nous rendre un Bourbon.

*Въ этомъ представленіи были пѣты так-
 же слѣдующіе стихи, обращенные къ
 Государю.*

Magnanime héros,
 La paix est aujourd'hui le fruit de Vos conquêtes:
 Reposez Vous sur Vos nobles travaux,
 Et comme à nos destins, présidez à nos fêtes.

(№ 19.)

Выписка изъ рѣчи Беллара.

Vous, héros presque fabuleux, héros distingué par
 vos graces non moins que par vos vertus chevaleresques,

vous, dont le nom, saisi déjà depuis des siècles d'une autre espèce de gloire s'est décoré d'une gloire unique et nouvelle dans l'histoire en enseignant à l'Europe, que la puissance des armes peut même faire couler des larmes d'attendrissement en devenant une puissance de protection et de bonté.

(№ 20.)

*Выписка из речи Профессора Вильмена,
произнесенной въ засѣданіи Института,
5 Апрѣля новаго стиля.*

La magnanimité d'Alexandre reproduit à nos yeux une de ces âmes antiques passionnées pour la gloire; sa puissance et sa jeunesse garantissent la longue paix de l'Europe. Son héroïsme, épuré par les lumières de la civilisation moderne, semble digne d'en perpétuer l'empire, digne de renouveler, d'embellir encore l'image du monarque philosophe présenté par Marc-Aurèle, et de montrer enfin sur le trône la sagesse armée d'un pouvoir aussi grand que les vœux qu'elle forme pour le bonheur du monde.

(№ 21.)

Выписка из речи Председателя Института.

Notre bonheur est votre bienfait, Sire, votre conquête. Vous avez appris aux héros une nouvelle manière de triompher. On se trompe sur la grandeur; les malheurs du monde ne l'ont que trop souvent attesté: mais quel coeur peut se tromper sur la magnanimité?

Désormais on se défiera de toute admiration, que l'épouvante accompagne. L'admiration n'est légitime, que lorsqu'elle est mêlée d'amour. La nôtre est bien pure: nous ne louons pas, Sire, nous bénissons. Moniteur, le 17 avril.

*****

(№ 22.)

Выписка из речи Историка Лакрестелл.

..... l'époque si glorieuse pour les sciences, où Pierre le Grand vint les interroger parmi nous; comme ils ont prospéré, ces fruits de civilisation, que Pierre venoit chercher en France! Comme Alexandre nous rend avec usure, ce qu'emprunta de nous ce héros législateur! ..... Dans ce jour, qui pouvoit être si terrible et qui ne fut pas même un jour d'allarmes pour la capitale, nous disions comme le Philoctète de

Sophocle: «Guerriers, qui ne vous montrez point en ennemis! qu'il est doux d'entendre de votre bouche les sons de notre langue natale!»

(№ 23.)

Quel spectacle imposant et doux nous offrent aujourd'hui ces princes, qui ne sont venus parmi nous les armes à la main que pour assurer notre repos et garantir notre bonheur! La France, rongée de plaies cruelles et profondes, que dissimuloient mal l'éclat de ses victoires et la pompe de ses succès, accablée par ses conquêtes mêmes et déchirée par ses funestes prospérités, ne devoit donc trouver que dans ses revers la fin de tant de calamités et le remède à tant de maux! Mais qui l'eut dit? et pouvoit elle l'espérer, que son salut lui viendrait de ces mêmes contrées, où elle avoit porté le ravage et la destruction? Pouvoit-elle s'attendre, qu'à la place des fureurs de la vengeance, elle ne rencontreroit dans ses ennemis provoqués, outragés et triomphans, que la douceur des sentimens les plus affectueux, revêtus des formes de la plus généreuse et de la plus noble politesse, de cette politesse qui est la grace de l'humanité et qui double le prix des bienfaits.

Hélas! depuis longtemps nous n'étions plus accoutumés à voir chez nous les attributs de l'autorité sou-

véritable s'embellir des charmes de la bienfaisance; il y a long-temps que nous n'avons entendu de ces mots consolans, qui, partis du haut d'un trône, vont porter dans tous les coeurs la joie et l'attendrissement; de ces paroles de bienveillance et d'amour, qui sont la véritable éloquence des princes, puisqu'elles sont l'expression la plus touchante et la plus populaire de leur autorité. O Titus, délices du genre humain! o bon Henri! o grand Louis XIV! et vous, monarque infortuné, dont les derniers voeux furent des pensées de clémence et de pardon qui vont être réalisées, quelques mots sortis de vos nobles ames sont encore tous les jours l'entretien de la postérité et font couler les plus douces larmes dans ces tems malheureux, qui n'en arrachent que d'amères!

Un jour l'histoire mettra votre nom à côté de ces noms illustres; prince magnanime, qui venez d'ajouter à la beauté d'une grande action l'attrait d'un mot aussi délicat que sublime, et qui venez de prouver ainsi, que non seulement vous savez faire le bien, mais que vous savez le bien faire; vous nous avez rendus à nos antiques sentimens, à un de ces plaisirs des ames françoises, que la sécheresse et la dureté d'une trop longue époque sembloient nous avoir interdits pour jamais. Recevez le prix d'une bonté si gracieuse: vous avez été senti, vous avez parlé à un peuple qui sait vous entendre, vous êtes au-milieu d'une nation profondément sensible à tous les genres de mérites, devant les vrais juges de la

véritable gloire. Autrefois un héros, qui porte votre nom, tourmenta l'univers et fatigua son grand cœur pour être loué dans Athènes; un seul mouvement du vôtre a suffi pour exciter les acclamations de Paris et de la France. Vous connaissez les Français, et vous avez puisé cette connoissance dans la délicatesse de vos propres sentimens et de vos pensées. Jouissez ici, prison, jouissez dans cette Athènes moderne, plus imposante que l'ancienne, de toute l'étendue de vos facultés, de toute la valeur des heureux dons que vous a faits la nature, de votre amour pour tous les arts qui vous célébreront à l'envie, de votre respect pour les monumens de génie, que votre main victorieuse a protégés avec un scrupule en quelque sorte religieux; de cette leçon, de cet admirable exemple de civilisation que vous donnez à cette jeunesse guerrière qui suit vos étendards, et qui par la politesse de ses manières et par la noblesse de ses procédés a montré dans nos murs, qu'elle est digne de vous avoir pour maître; jouissez de notre entière gratitude. Les traces des maux que vos armées triomphantes ont pu faire à notre pays par la nécessité fatale de la guerre, s'effaceront, celles de vos bienfaits resteront à jamais empreintes dans nos cœurs. Le barbare Sylla brûla la capitale de l'Attique et du génie sans égard pour le souvenir invoqué des grands hommes qui l'avoient illustrée; nous n'avons pas eu besoin d'invoquer auprès de vous notre gloire; une voix éloquente et secrète vous redisoit sans cesse au fond

de l'ame: Voilà la patrie de Corneille et de Racine, de Bossuet et de Buffon.

Le voyage paisible de Pierre en France a laissé de profondes impressions dans l'esprit des générations, qui ont suivi celle qu'il visita; celui d'Alexandre premier à la tête de ses armées victorieuses, en laissera de plus durables encore dans la mémoire des siècles à venir; le premier de ces héros venoit chercher parmi nous les lumières qu'il n'avoit pas; le second vient nous apprendre à profiter et à jouir de celles que nous possédons. Journal des débats, le 6 avril.

(№ 24.)

Préfecture du département de la Seine.

Extrait des registres des procès verbaux des Séances du Conseil général du département de la Seine, faisant fonctions du conseil municipal de la ville de Paris.

Séance du Mardi 31 Mai 1814.

Le Conseil général du département de la Seine faisant à Paris fonctions du Conseil municipal,

Considérant que la nomination de M. le Général baron de Sacken au gouvernement de Paris a ramené dans cette ville le repos et la sécurité,

Qu'à peine les désordres inséparables de la présence des troupes sur un seul point lui étoient ils connus,

que déjà les mesures étoient prises pour les réparer et en empêcher le retour,

Que M. le Général Sacken a su gouverner Paris sans déranger ni les habitudes ni les travaux d'aucun citoyen, qu'il a su faire respecter toutes les autorités de la cité et ménager à Paris des dépenses considérables,

Qu'à l'aide de sa surveillance on a joui par anticipation de tous les avantages et de toutes les garanties d'un tems de paix,

Que M. le Général Sacken paroît avoir attaché de la gloire à mériter l'estime des Parisiens et des François,

Que la ville de Paris s'empresse de publier qu'il a mérité la sienne,

Qu'elle a besoin en même tems, surtout au moment, où la paix vient d'être proclamée, de lui manifester sa reconnoissance pour tant de bienfaits, dont chaque citoyen a recueilli le fruit, et qu'il sait lui devoir,

Le Conseil général du département de la Seine, Conseil municipal de Paris, convaincu qu'il ne sera, en le faisant, que l'interprète des sentimens de tous,

Arrête qu'il sera offert à M. le Général baron de Sacken une épée avec deux pistolets et une carabine de la manufacture de Versailles, et que sur l'épée il sera inscrit d'un côté: Paix de 1814, et de l'autre: la Ville de Paris au Général Sacken,

Arrête en outre, que la présente délibération sera portée à M. le Général par une députation composée

par M. le préfet, quartiers maires ou adjoints et quatre membres du conseil municipal.

Signé au registre. Lebeau Président, Montaucant Secrétaire.

~~~~~

(№ 25.)

Выписки изъ стихотвореній, писанныхъ въ Венеріи по случаю прибытія туда Государя.

1. Ode von Köffinger. Ofen 1814.

Was flammt im Norden himmelleuchtend auf?

.....

Welch junger Morgen leuchtet so schrecklich schön?

Die ewige Sonne lernte sie neuen Lauf?

So sannnen Völker, lauschten, staunten

Kunde vernehmend vom Opferbrande

Der hohen Moskwa

Erkämpft, erkämpft ist, was die Verzweiflung fast

Verloren preisgab, ruhiges Bürgerglück;

Erhoben sind gestürzte Thronen,

Tempel des Friedens in allen Landen.

2. Ode von Dankowsky. Preßburg 1814.

..... Europa's Befreyung

Legte die herrliche Stadt an der Moskwa!

Nennt mir, ihr Töchter des Lieds, o nennt ein Volk mir,
ihr Musen,

Reicher an Muth und Vaterlandsliebe!

Nennt mir eine That, die auch von der spätesten Nachwelt
Lauter verkündet zu werden verdiente!

.....

Hört, ihr Griechen nun auf Macedonischs Helden zu preisen,
Größer als er ist Rußlands Beherrscher

Jener hat Länder zerstört und Völker in Fesseln geschlagen,
Dieser Europa die Freiheit gegeben.

~~~~~

(№ 26.)

*Письмо Государя къ Императору Ав-
стрійскому.*

Monsieur mon frère! J'accepte avec autant d'empres-
sement que de plaisir l'offre que Votre Majesté vient
de m'adresser. Elle me trouvera constamment prêt à sai-
sir tout moyen qui puisse servir à constater toujours
davantage l'intimité des relations qui subsistent si
heureusement entre nous. C'est dans la conviction
combien Votre Majesté partage ce sentiment que je lui
propose également de permettre, que le régiment des
grenadiers de Kexholm, l'un des plus braves de mon
armée, porte son nom. Elle ne sauroit me donner un
témoignage qui me fût plus agréable, ni à l'armée russe
une preuve plus flatteuse de son estime.

~~~~~

(№ 27.)

*Операционный планъ, собственноручно Государемъ написанный въ Гейдельбергъ, 27
Мая 1815.*

Ayant lu avec attention le plan tracé par le maréchal prince de Schwartzenberg, je suis entièrement d'un même avis sur les idées principales. Je ne diffère d'opinion avec lui, que sur la manière de déboucher en France.

Il me semble, que laisser entre l'armée russe, qui doit effectuer son passage du Rhin par Manheim et Mayence, et l'armée autrichienne, qui, d'après ce plan, doit le faire par Basle, une distance considérable, c'est se priver gratuitement de l'avantage énorme de pouvoir réunir les deux armées, dans le cas où l'ennemi se porte en force sur l'une d'elles, ce qui se feroit avec facilité si l'armée autrichienne effectue son passage entre Germersheim et Manheim.

De cette manière le point de direction que le maréchal a choisi pour l'armée autrichienne, seroit également atteint et même par une ligne plus droite, et par conséquent plus courte; mais les deux armées conserveroient constamment la possibilité de se réunir et de présenter à l'ennemi une supériorité imposante.

Tandis que manoeuvrant sur un éloignement aussi immense que celui entre la Saare et la route de Basle à Vésoul, on pourroit se trouver forcé à des mouvemens rétrogrades, si on ne vouloit pas risquer de ba-

taille contre un ennemi à forces à peu près égales. Je suis le premier à convenir, qu'il y a des cas, où ces mouvemens rétrogrades sont inévitables et même nécessaires; mais on pourra difficilement me contester, qu'avec des masses de 200,000 hommes ils ne soient très difficiles à exécuter en pratique, influant en même tems d'une manière toujours défavorable sur le moral des troupes. Ces difficultés deviennent encore plus grandes, quand on se trouve dans un pays dont les habitans sont mal disposés, ce qui sera le cas dans les contrées que nous aurons à traverser.

Ainsi je conclus, que quand on a les moyens de prévenir des résultats perçils, il y a toujours avantage de le faire; or, ces moyens me semblent être dans nos mains. Conservant les deux armées dans une proximité telle à pouvoir être réunies dans deux ou trois marches, on n'a plus besoin de rétrograder, et on peut, il me semble, sans risquer, accepter le combat.

Les armées angloise et prussienne auront toute facilité pendant ce tems de manoeuvrer en flanc et sur les communications de l'ennemi, et si Napoléons jugeoit à propos, sans accepter de bataille partielle, de réunir toutes ses forces en arrière, nous aurions de même l'avantage d'y faire concourir toutes les nôtres, comme à Leipzig.

Une objection que je dois encore ajouter à toutes les autres, c'est que l'armée autrichienne prenant sa marche par Basle, je me trouverai personnellement dans

l'obligation de rester avec l'armée russe, puisqu'il n'y auroit aucune raison valable de me porter par préférence à une armée étrangère, et surtout quand elle se trouvera à l'extrême gauche de notre ligne. Je crois cependant qu'il y auroit un avantage immense, soit pour l'ensemble des résolutions, soit pour l'effet moral qui en résulte, que les souverains restassent comme par le passé, constamment réunis dans des quartiers généraux aussi rapprochés que possible.

Il ne me reste plus qu'à faire l'observation, que charger l'armée russe du blocus de Strasbourg, ne me paroît plus possible, puisqu'elle a déjà naturellement ceux de Metz, Thionville, Longwy, Saar-Louis, Bitche, Phalsbourg, Petite-Pierre, Lichtenberg et Marsale à faire. Il me semble plus équitable d'en charger l'armée autrichienne. Elle auroit par là Strasbourg, Schelestadt, Brisac, Huningue, Bénéfart et Besançon à observer.

~~~~~

(№ 28.)

*Письмо Государя къ Герцогу Веллингто-
ну, 29 Мая 1815.*

Ayant joint le quartier-général depuis peu de jours, Monsieur le maréchal, j'expédie auprès de vous le général Toll, pour vous en faire part et vous exprimer en mon nom, combien l'armée russe et moi nous nous

trouvons flattés de vous avoir pour compagnon d'armes. Combattant à vos côtés, nous tâcherons de justifier votre estime et votre confiance. En même tems j'ai chargé le général Toll de vous rendre compte des différentes déterminations qui ont été arrêtées dans le comité militaire à Heidelberg, et qui diffèrent en partie de ce qui avoit été décidé à Vienne. Veuillez nous dire franchement votre sentiment; ma croyance en vos lumières et vos talens est entière. Recevez, Maréchal, l'assurance de tout l'attachement et de la haute estime que je vous ai voués.

~~~~~

(№ 29.)

Письмо Фельдмаршала Блюхера къ Прусскому Посланнику при Французскомъ дворѣ, Графу Гольцу.

Ich habe beschlossen, daß die Brücke gesprengt werden soll, und kann Ew. Hochwohlgeboren nicht verhehlen, daß es mir recht lieb seyn würde, wenn Herr Talleyrand sich vorher darauf setzte, welches ich Ew. Hochwohlgeboren bitte ihm wissen zu lassen.

~~~~~

(№ 30.)

*Выписка изъ донесенія Государю Генера-
ла Чернышева.*

Arrivé à Paris, je me suis de suite rendu à Saint-Cloud, quartier général prussien. J'y trouvois le comte de Gneisenau, qui me parla des dispositions peu favorables des Parisiens pour la cause des Bourbons, ajoutant qu'il n'y a que l'Empereur Alexandre qui puisse débrouiller tout cela; personne n'ose sans lui prendre une détermination quelleconque. Ce langage me fût répété par le duc de Wellington, qui me recommanda spécialement d'expédier un courrier à Votre Majesté Impériale, pour la supplier de la manière la plus pressante de sa part de venir mettre un terme à son embarras à lui, ainsi qu'au vague dans lequel se trouvent en général les affaires; que jusqu'à présent il s'étoit borné à tenir le langage que lui prescrivoient les premières intentions des alliés; mais que maintenant, que l'on étoit maître de Paris, que le roi se trouvoit aux portes de cette capitale, et que malgré cela l'esprit des Parisiens se trouvoit dans la plus grande fermentation, il n'y avoit que Votre Majesté qui pût trancher le noeud gordien et prendre les mesures analogues aux circonstances. Cet avis se trouvoit parfaitement conforme au langage que m'a tenu lord Castelreagh.

~~~~~

(№ 31.)

Reconnoissant que les inclinations martiales de la nation, et le rôle alternativement héroïque et bouffon qu'elle joue depuis vingt ans sur le théâtre de l'Europe, exige qu'elle ait un roi qui monte bien à cheval, je propose Franconi. L'Aristarque françois.

~~~~~

(№ 32.)

*Выписка изъ письма брата Наполеонова
Лудовика къ Государю.*

Prangin. Le 27 septembre 1814. . . . .

. . . . Dans une circonstance aussi critique pour moi, Sire, il ne me reste d'espoir que dans Votre Majesté Impériale. . . . Je ne regrette de la royauté que le bien que je me sentoies les moyens et surtout la volonté de faire; je regrette aussi la facilité que j'avois eue de vous témoigner, Sire, d'une manière plus désintéressée l'admiration que m'avoient inspirée vos principes et la générosité de votre caractère. J'eus alors le désir de les imiter; il ne me reste aujourd'hui que l'espoir que Votre Majesté rendra justice à ces mêmes sentimens et qu'elle croira que ce sont eux qui m'amènent auprès de Votre Majesté, et qui me la font envisager comme la seule providence qui reste à ma famille.

~~~~~

(№ 33.)

Нисьмо Жанъ-Поля Рихтера къ Государю.

Mitten in der erhabenen Zeit, da Ew. Kaiserliche Majestät der Schiedsrichter Europa's sind, wie vorher der Befreyer derselben, und Sie aus dem Schutzgeiste des Sieges der Schutzgeist des Friedens werden, tritt eine kleine Angelegenheit vor Ihren Thron. Doch wie dem Geiste nichts zu groß, so ist der Güte nichts zu klein.

Über fünf und zwanzig Jahre hatte ich für die Musen und die Philologie gearbeitet, als mir ein einziger deutscher Fürst, der vormalige Großherzog von Frankfurt, im Jahre 1808, eine jährliche Pension von tausend Gulden bewilligte, um den Armgeborenen zu unterstützen, dessen Körper bloß von seinem Geiste lebt. Nach der siegreichen Besetzung des Großherzogthums wurde mir von 1814 die Fortsetzung der Pension vom Generalgouvernement verweigert bis auf höhere Entscheidung.

Werden die hohen Verbündeten, welche für deutsche Freiheit und deutsche Wissenschaft zugleich gekämpft, die fürstliche Unterstützung eines Schriftstellers zurücknehmen gebieten, welcher zu einer Zeit für Europäische Freiheit geschrieben, wo er seine eigene einem Davoust bloß stellte? Ich wende mich hier an das Herz Alexanders, da die wohlwollende Vorsehung gerade im Jahrhunderte des Egoismus die Menschenliebe auf den höchsten Thron Europa's gesetzt. Ich wende mich hier an seinen Geist, der Geister beschützt, und welcher, da er kein anderes großes Reich mehr zu vergrößern hat, als das

größte, grenzenlose, das der Wissenschaften, dem Norden auch geistlängste Lage zu den geographischen geben will. Wdige der Herrscher, dessen Zeppter dem Magnete ähnlich ist, welcher zugleich liebend anzieht und lehrend die Gegenden des Himmels zeigt, die Kühnheit der Hoffnungen verzeihen, zu welchen Er Individuen wie Länder erhebt. Genießen, Ew. Majestät, lange die einzige dauerhafte Universalmonarchie, die der Liebe, nach dem sie die hassende und gehasste gestürzt, und lange weine die Freude vor Ihnen, und erst spät die Trauer um Sie.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1814 ГОДЪ.

Г Л А В А I.

Стран

Приказы Наполеона и Александра. — Начало похода. — Предписаніе Префектамъ. — Подробности о Государѣ. — Состояніе Франціи. — Сраженіе при Бриенѣ. — Бриенскій замокъ. — Различныя направленія арміи. — Движеніе Наполеона на Сенъ-Дизье. — Письмо его къ Императрицѣ Маріи Луизѣ. — Военный совѣтъ. — Гѣшеніе идти на Парижъ 1

Г Л А В А II.

Маршъ отъ Витри. — Сраженіе при Феръ-Шампенаузѣ. — Подвигъ Государя. — Бѣлыя повязки. — Приближеніе къ Парижу. — Ночь наканунѣ Монмартрскаго сраженія. — Диспозиція къ бою. — Переговорщикъ. — Сраженіе. — Посланныя Парижа 23

Г Л А В А III.

Утро 19-го Марта. — Коленкуръ. — Отъѣздъ Государя изъ Бонди. — Приближеніе къ Парижу. — Монмартрское предмѣстіе. — Бульвары. — Блисейскія поля. — Окончаніе смотра. — Вечеръ 39

Г Л А В А І V.

Стран.

Прокламація Государя и Французскихъ Префектовъ. — Назначеніе Генерала Сакена Губернаторомъ Парижа. — Милостивое обращеніе въ Парижъ. — Отвѣтъ Госу- даря Сенаторамъ. — Изреченія Государя. — Памятникъ на Вандомской площади. — Аполлонъ Бельведерскій..	50
--	----

Г Л А В А V.

Замыслы Наполеона. — Переговоры съ Маршаломъ Мар- мономъ. — Отреченіе Наполеона. — Покровительство приверженцевъ Наполеона. — Французскіе военные. — Ордена пожалованныя Французамъ. — Штаббригадъ. — Денежныя пособія Французамъ. — Молодежь. — Ла- гаритъ. — Александръ въ Елисейскомъ дворцѣ	63
--	----

Г Л А В А VI.

Набожность Русскихъ. — Солдаты. — Ласковое обра- щеніе Парижанъ. — Приемъ Государя въ театръ. — Пох- валы Государю. — Рѣчи членовъ Института. — Засѣ- даніе Института. — Выписка изъ Французскаго жур- нала. — Радѣль Франціи. — Заключеніе пребыванія въ Парижѣ	81
---	----

Г Л А В А VII.

Планъ возвращенія въ Петербургъ. — Мнѣнія во Фран- ціи и Германіи. — Геттингенъ. — Морское путеше- ствіе. — Возвращеніе Государя въ Петербургъ. — Прадѣль въ Павловскѣ. — Отъѣздъ на Конгрессъ въ Вѣну. — Варшавское Герцогство. — Вѣна.	103
--	-----

Г Л А В А VIII.

Приѣздъ Государя въ Вѣну. — Австрійское дворянство. —	
---	--

Стран.

Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Различныя требованія на Конгрессѣ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса. — Слова Государя о границахъ Россіи. — Чиновники при Государѣ. — Баронъ Штейнъ 115

Г Л А В А IX.

Праздникъ въ Аугартенѣ. — Поля сраженій при Аснериѣ и Ваграмѣ. — Обѣдъ въ Энциерсдорфѣ. — Шенбрунъ. — Римскій Король. — Праздникъ въ Пратерѣ. — Обѣдъ въ домѣ Графа Раумовскаго 137

Г Л А В А X.

Поездка въ Венгрію. — Взглядъ на нее. — Славяне. — Иремъ. — Национальный музеумъ. — Взглядъ на Офенъ и Пестъ. — Представленіе Венгерцевъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины. — Гулянье на Маргаритиномъ острову. — Балъ у Графа Шандора. — Отѣздъ въ Пресбургъ. — Разговоръ о Венгрии. — Возраженіе. — Стихотворенія 145

Г Л А В А XI.

Увеселенія. — Клянья въ саяхъ. — Карусель. — Театръ. — Императоръ Францъ. — Письмо къ нему Государя. — Кабинетъ его. — Императрица Австрійскаго. — Угощеніе Вѣнскаго двора. — Обѣды у Государя. — Камеръ-балы. — Лагерь. — Умовеніе ногъ 165

1815 ГОДЪ.

Г Л А В А XII.

Стран.

Предположенный отъездъ. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы. — Догадки о семъ происшествіи. — Впечатлѣніе, произведенное имъ въ Вѣнѣ. — Первое военное совѣщаніе. — Манифестъ Конгресса. — Военный совѣтъ. — Россійскія войска. — Коммиссія о продовольствіи. — Война	189
--	-----

Г Л А В А XIII.

Подарки Вѣнскому Двору. — Отъездъ изъ Вѣны. — Баварскій Дворъ. — Вице-Король Италійскій. — Стутгартъ. — Людвигсбургъ. — Дашверкъ. — Гейльбромъ. — Пріездъ въ Гейдельбергъ	207
---	-----

Г Л А В А XIV.

Загородный домъ Государя въ Гейдельбергъ. — Госудійскія войска. — Военныя совѣщанія. — Операционный планъ Государя. — Письмо Его Величества къ Герцогу Веллингтону. — Планъ военныхъ дѣйствій. — Извѣстіе о сраженіи при Ливни. — Побѣда при Ватерло. — Пріездъ Великихъ Князей. — Великая Княгиня Екатерина Павловна	222
---	-----

Г Л А В А XV.

Мангеймъ. — Письмо Государя къ Фельдмаршалу Графу Барклаю-де-Толли. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго правительства. — Анекдотъ изъ Турецкой войны. — Переходъ чрезъ Вогезскія горы. — Партизаны — Нанси. — Извѣстіе о вѣстии Парижа	241
--	-----

Г Л А В А XVI.

Стр. 60.

Состояніе Фракціи. — Донесеніе Генерала Чернышева. —
Отъездъ въ Парижъ. — Дорога до Шалона. — Дорога
до Мо. — Въездъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя
съ Людовикомъ XVIII. — Замѣчаніе о вторичномъ въ-
ездѣ Государя въ Парижъ 260

Г Л А В А XVII.

Графъ Сегюръ. — Аудіенція разныхъ лицъ. — Генералъ
Сарразенъ. — Переговоры. — Смотры Англійскихъ
войскъ. — Замѣчанія Государя о конницѣ. — Входъ
въ Парижъ Русскихъ войскъ. — Живописецъ Же-
раръ. — Рамель. — Дюсисъ. — Лафаетъ 275

Г Л А В А XVIII.

Состояніе Парижа. — Легкомысліе Французовъ. — Уни-
женіе ихъ. — Военныя. — Извѣстіе о взятіи Наполе-
она. — Судъ надъ Лабедойеромъ. — Чернь Парижская. —
Предостерегательное письмо и твердость духа Госу-
даря. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюль-
ерійскій Дворецъ 295

Г Л А В А XIX.

Смотръ при Вертю 26-го Августа. — Второй смотръ 29-го
Августа. — Гвардейскій конно-егерскій полкъ. — Обѣдя
въ лагерь. — Иностранцы, находившіеся въ Вертю. —
Обѣденный столъ для Русскихъ. — Высочайшій приказъ. 315

Г Л А В А XX.

Виды смотровъ при Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. —
Розвращеніе въ Парижъ. — Окончаніе похода 1815
года. — Образъ жизни Государя. — Коміаты Напо-

леона. — Письма Французовъ. — Покупка Мальмезонской галлерей. — Страсть Французовъ къ орденамъ. — Аудіенція. — Духовенство православнаго исповѣданія. — Священный Синодъ. — Разрѣзъ между Александромъ и Наполеономъ	337
--	-----

Г Л А В А ХХІ

Приготовленія къ отъѣзду. — Подписаніе мира. — Отъѣздъ изъ Парижа. — Перюжъ. — Камбре и Валацкіекъ. — Генералъ Фуль. — Брюссельскій дворъ. — Поле Ватерлооскаго сраженія. — Отъѣздъ изъ Брюсселя. — Шомонъ. — Дижонъ	357
--	-----

Г Л А В А ХХІІ

Вечеръ въ Люръ. — Базель. — Цюрихъ. — Констанцъ. — Линдау	373
---	-----

Г Л А В А ХХІІІ

Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Нюрнбергъ. — Пребываніе Государя въ Ворлицъ. — Прага. — Праднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Петерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицѣ. — Взглядъ на политику. — Письмо Жанъ-Поля. — Калининъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ. — Варшава. — Возвращеніе въ Россію	384
---	-----

П Р И Л О Ж Е Н І Я	413
-------------------------------	-----

3 2044 009 913 716

KSIĘGARNIA

ANTYKWARIAT

C 448458

3 2044 009 913 716

KSIĘGARNIA

ANTYKWARIAT

DOM
KSIĄZKI
DOM

C 448458

